

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Правительство Новосибирской области

Редакционная коллегия:

Б. Л. Аюшеев (Улан-Удэ)

А. Б. Байбородин (Иркутск)

Б. Я. Бедюров (Горно-Алтайск)

Т. Г. Четверикова (Омск)

Б. С. Дугаров (Улан-Удэ)

А. В. Кирилин (Барнаул)

Э. И. Русаков (Красноярск)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Н. М. Закусина (Новосибирск)

Е. Ф. Мартышев (Новосибирск)

А. Ф. Косенков (Новосибирск)

В. С. Никифоров (Новосибирск)

Владимир Титов (ответственный секретарь)

Виталий Сероклинов (зав. отделом прозы)

Марина Акимова (зав. отделом поэзии)

Михаил Косарев (зав. отделом критики)

Дмитрий Рябов (зав. отделом публицистики)

1/2016

Главный редактор: М. Н. ЩУКИН

Содержание

ПРОЗА

- Александр МАРДАНЬ. Дом Павлова. Повесть.** 3
Алексей ЕРОШИН. Ингредиенты счастья. Рассказы. 97
Дмитрий РАЙЦ. Стражи полюса. Рассказы. 113

ПОЭЗИЯ

- Денис КОЛЧИН. Звезда Звиздец. Стихи.** 94
Яков МАРКОВИЧ. «Вот как лишаюсь я речи...» Стихи. 110
Terra incognita. Молодые поэты Новосибирска. Стихи. 129

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Антон СОРОКИН. Неизданные произведения.**
Предисловие Натальи Левченко. 139
Марк ЮДАЛЕВИЧ. Омский писатель
Антон Семёнович Сорокин. 154

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Валерий НОВИКОВ. Как в кино.**
Рассказы кинодокументалиста. 168

Картинная галерея «Сибирских огней»

- Светлана ГОЛИКОВА. Сибирские остроги в гравюрах**
Бориса Лебединского. 189

- Авторы номера* 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Мининформпечати РФ. Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г. Главный редактор, директор-руководитель ГБУ «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Щукин.

Александр МАРДАНЬ

ДОМ ПАВЛОВА

Повесть*

Ноябрь

Дом казался старым, хотя ему было не так уж много лет. Сорок — разве это возраст для дома? Говорят, что у некоторых людей в сорок лет жизнь только начинается. Наверное, и у домов такое бывает. Но у нашего героя она в этом возрасте скорее заканчивалась.

У домов, как и у людей, есть возраст хронологический, а есть биологический. У кого ж повернется язык назвать старым здание Лувра или Версаля, дома в центре Вены или Санкт-Петербурга? Наш постарел к сорока, потому что в его жизни не стало радости, как и у многих его братьев-близнецов, разбросанных по городу, так похожих друг на друга, серых и приземистых по сегодняшним меркам. Их построили в то время, когда страной руководил лысоватый круглоголовый мужик, грозный в речах, но на деле не такой страшный, как его предшественники. От тех времен у серых домов осталось пренебрежительное прозвище от его фамилии и благодарность жильцов за избавление от сожигания с чужими семьями в коммуналках и бараках с общими удобствами в конце длинного коридора.

Когда-то Дом был шумным. Он хлопал дверями подъездов и звенел стеклами форточек. По его лестничным клеткам с утра до ночи гуляло эхо от перестука легких женских каблучков и топота мальчишек, которые неслись вниз, перепрыгивая через ступени. Когда Дом был молодым, в его квартирах гремели крики «горько!», надрывались младенцы и чьи-то пальцы извлекали из пианино неуверенные гаммы. Девчонки кричали под окнами, вызывая подружек гулять, а их родители приглашали соседей на крепкий чай, постучав по радиатору. Ссоры тоже были шумными. Где-то вдруг прорывалось накопившееся, и тогда: крик, звон бьющейся посуды и — «Мне плевать, что слышат, понятно? Все и так видят, что ты вытворяешь, посмотри на себя!..»

И даже похороны не были тихими — обязательно под громкие рыдания и медные вздохи заводского оркестра.

---

* Журнальный вариант.

Это было давно. Теперь звуки стали другими. Старческое шарканье по ступеням, грохот железной двери подъезда, притихшая за стеклопакетами улица... Свадьбы не гуляют в квартирах, в последний путь провожают без музыки. Только младенцы кричат по-прежнему, но их с каждым годом становится меньше, как и обитателей детородного возраста.

Когда-то в Доме справляли новоселье везучие и счастливые. Теперь здесь таких не осталось. Все, кто помоложе и посметливее, давно переселились в другие места. Кто-то доживает в Доме отпущенное. Кто-то переживает здесь нелучшее время, снимая квартиру — «1 к., недорого, семья без детей и животных».

Все хорошее у Дома осталось позади. Впереди — старость. Но не благородная старость архитектурных шедевров, вызывающая вздохи туристов, а мучительное угасание. Почти такое же, как у здешних стариков — с болезнями, с жалостью и раздражением окружающих.

За последние годы Дом одряхлел. Во втором подъезде не работало освещение на лестнице, в третьем — потек стояк, а на фасаде с западной стороны на втором этаже выросла опухоль — балкон, опирающийся на железные столбы.

И, кроме того, Дом стал одиноким. Слева — сквер, справа — недавно построенный комплекс, целый куст многоэтажек, и рядом с этой машиной Дом смотрелся еще более уныло.

Он редко подавал голос — возраст и статус не позволяли. Это какой-нибудь европейский замок семнадцатого века может ухажать каминными трубами. Надо быть хотя бы столетним особняком, чтобы ночью поскрипывать паркетом. Хрущевка, построенная в шестидесятых, немногословна.

Только иногда Дом напоминает о себе. Например, когда скучает по тем, кто вырос здесь, но больше не живет, а лишь изредка приходит к родителям, как эта рыжая девочка с карими глазами, которая сейчас курит в квартире на четвертом этаже.

* * *

Катя курила, выдыхая табачный дым в открытую форточку, внимательно следя за входом в подъезд. При родителях лучше не курить. Папа, как всегда, начнет подшучивать: «Люд, смотри-ка, Катерина Викторовна выросла. Курит. И это здорово! Буду ей теперь на день рождения пельницы дарить». А мама просто огорчится. Ее и так жалко... И теперь вместо того, чтобы спокойно покурить сидя в кресле, надо стоять столбиком у окна.

Форточка неожиданно захлопнулась. Сквозняк? Катя выглянула в коридор — нет, никто не пришел, входная дверь заперта. Вернувшись к окну, Катя провела пальцем по небольшой трещине, перечеркнувшей уголок форточного стекла. Хорошо хоть, совсем не разбилось.

Она подошла к дивану, подняла бесформенную дорожную сумку и с сомнением встряхнула. Нетяжело, но внутри звякает. Надо было крышку кастрюльную во что-то завернуть, а не совать вместе с кастрюлей. Перепаковать, что ли?.. Да ладно, так доеду. Что тут ехать, полчаса на маршрутке.

Раздался звук открываемой ключом двери. В квартиру вошла Людмила Николаевна, еще красивая женщина средних лет. В одной руке — тяжелая сумка, в другой — цветы.

— Ма, привет! — задорным голосом поздоровалась Катя, стоящая в крохотной прихожей с сумкой в руке.

— Катюнь, ты пришла или уходишь?

— Ухожу, мам, ухожу... Слушай, я в комнате ведро пристроила — опять Лёня протекает.

— Сильно? Подержи, а?

Людмила сунула Кате два букета хризантем в шуршащем целлофане и, расстегивая на ходу пальто, шагнула в комнату. Из тонкой трещины на потолке в пластиковое ведро падали звонкие капли.

— Ну-у... как всегда... Чистый Бахчисарайский фонтан. — Людмила взялась за телефон.

— Я бы сказала — не очень чистый. Не звони, я уже пробовала. Там глухо. В нормальной стране его бы по судам затаскали, оплачивал бы ремонт всем до первого этажа как миленький.

Людмила отложила трубку и сняла пальто.

— Это потому, Катюша, что там соседи — случайные люди. А мы друг другу не чужие. Столько лет вместе. Тем более — наш дом...

— Знаю-знаю, — перебила Катя, протягивая ей цветы. — Дом Павлова, героическая оборона, историческая победа... Дедушка эту историю перед сном рассказывал вместо сказки, я в курсе.

— И в кого ты такая злючка... Кать, так что — уже убегаешь? Мы посидеть хотели. Я оливье сделала, только запровалю сейчас... Задержись, а?

— Ну, ма-а...

— Давай, давай! Я тебя две недели не видела. — Людмила взяла из рук дочери сумку, поставила ее в угол. Баул громыхнул эмалированным железом.

Катя, вздохнув, стягивала куртку.

— Ма, я кастрюлю взяла, в горох, ладно?

— Конечно, бери. А папа где?

— Без понятия. Я пришла — его не было.

На кухне Катя устроилась в любимом уголке у стола. Покопавшись в сумке мамы, она выудила оттуда пакет с бутербродами, которые напрасно пропутешествовали из дома в школу и обратно, и стала есть сыр, а ломтики хлеба оставила в пакете.

— Я кастрюлю взяла для пельменей, — проговорила она невнятно с набитым ртом. — У нас маленькая, пельмешкам в ней тесно.

— Слава любит пельмени?

— Это я люблю их готовить. За краткость. Времени нет совсем.

Людмила резала колбасу, гремела тарелками и поглядывала на дочь. Хлеб не ест, боится поправиться, а дома — пельмени варит. А сама-то их ест? Кажется, похудела... Впрочем, понять сложно — одета, как всегда, в

джинсы и нечто небрежное — то ли пончо, то ли бесформенный свитер. Скорее, не похудела, а повзрослела. Пропали по-детски пухлые щеки, чуть заострился подбородок, глаза стали больше. Да и вообще, взгляд стал другим. Конечно, дочь давно выросла, но окончательно Людмила это почувствовала только теперь, когда Катя ушла от них. На съемную квартиру. И живет там не одна.

Людмила спросила осторожно:

— Когда ты нас познакомишь?

— А мы сами еще толком не познакомились, — засмеялась Катя и тут же закашлялась.

— Да не давайся ты, подожди, скоро сядем. Куда же папа пропал? — Людмила поворошила ложкой оливье в большой миске. — А-а, он в магазин пошел, наверное. За зеленым горошком. Я просила.

— Ма! — оживилась вдруг Катя. — А у нас тут домовый завелся. Я в большой комнате форточку открыла, а она захлопнулась, прямо у меня перед носом. Так сильно, даже стекло треснуло. А сквозняка не было.

— Стекло треснуло? Где? Ты не порезалась?

— Нет, там уголок только, маленький. Но почему она захлопнулась?

— Сквозняк был.

— Говорю тебе — не было! Окна-двери — все закрыто, а оно вдруг — бац!..

Людмила, обернувшись, с улыбкой смотрела на дочь.

— Ты чего?

— Да нет, ничего. Это какой цвет?

— Это? — Катя откинула волосы. — Огненный янтарь.

— А в прошлый раз что было?

— Вишня.

— Гнилая? Нет, янтарь, по-моему, лучше. Может, и мне попробовать?

— Ты и вишню собиралась пробовать, — хмыкнула Катя. — Все равно не решишься.

— Не решусь, — согласилась Людмила. — Боюсь, что забуду, какой цвет настоящий. Как наша Вера Степановна...

— Ничего, месяц не покрасишься — сразу вспомнишь, — усмехнулась Катя.

Людмила задумчиво жевала незаправленный салат, зачерпнула еще одну ложку.

— Ой, ты голодная... — протянула Катя. — А я твои бутерброды съела...

— Ну и на здоровье. Да где ж он ходит, сели бы уже все вместе и поели!

Людмила достала из холодильника бутылку водки.

— Тут поместимся или в комнату пойдём?

— К фонтану слез? Да ну, в комнате стол двигать... Давай тут. Кстати, а по какому поводу дринькать будем? Кто именинник?

— Как — кто? Революция. Октябрьская по имени, ноябрьская по сути. Да какая разница, как праздник называть? Единение, примирение. Посидим по старой памяти. Всю жизнь отмечали.

— Ладно, я тогда Славке позвоню.
Катя ушла в комнату, прикрыв за собой дверь.

* * *

Стол состоялся.

Селедка ровными ломтиками, сверху — луковые кольца. На маленьких тарелках веером копченая колбаса и швейцарский, с большими дырками, сыр. Шпроты — Катина любимая праздничная еда, еще с детства. Оливье — горкой, в хрустальной салатнице. Без горошка, ну и ладно.

Раньше в кухне, конечно, не помещались. На Седьмое ноября у родителей Людмилы обязательно собиралась компания. В центре комнаты устанавливали большой стол, мама варила холодец и вертела свои фирменные голубцы. Застолье всегда было шумным, выпивали крепко. Мужчины к середине вечера краснели лицами, начинали обсуждать дела на стройке и курили прямо за столом, хотя жены пытались выгнать их с куревом хотя бы на кухню, к открытому окну. Кто-то, перекрикивая остальных, рассказывал: «А Нефёдов, с-сука...» — и женщины шикали на горластого. В конце концов пили за хозяев и — «Павлов, за дом! За твой дом! Он у тебя самый лучший!»

За стенкой, в маленькой комнате, Люда со старшей сестрой Таней шелестели фантиками подаренных конфет, приникали ухом к закрытой двери, пытаясь разобрать разговоры взрослых, и хихикали. А теперь Катя за стеной хихикает со своим по домашнему телефону.

Это хорошо, думала Людмила, перетирая рюмки, что не наговорились еще. Правда, телефон долго занимает. А вдруг он сейчас звонит? Но Катю торопить не хочется. Пусть болтают. Может, купить все-таки мобильный?

Свой старей Людмила потеряла. Купила когда-то по случаю у коллеги дешевенькую модель. Вначале приобретать сотовый она не хотела. Хоть и не очень дорого, но денег жаль, лишних не было, а трубка не еда, не лекарство, не одежда, можно обойтись. Но когда купила и стала пользоваться, жалеть о покупке перестала. Оказалось, это действительно не роскошь, а другой образ жизни. Она достаточно быстро привыкла к мобильнику и уже не представляла без него жизни. Даже ложась спать, она клала его рядом. Недалеко, на расстоянии вытянутой руки. А потеряла телефон сразу после похорон мамы, через пару дней.

В первый момент, когда факт пропажи обнаружился, Людмилу охватила паника. Она так привыкла быть на связи, что захотелось срочно одолжить денег и купить новый. Но в наступившей тишине оказались свои преимущества. Прежде всего, сегменты-кусочки покоя. Того, что заслужил Мастер — герой ее любимой книги. И покупать новый телефон Людмила тогда передумала: мамы больше нет, дочка, слава богу, уже неплохо освоилась в своей самостоятельной жизни, а муж никогда и не нуждался в быстром реагировании. К тому же есть надежный домашний телефон.

Единственный повод приобрести мобильный — это он, тот, чьего звонка она сегодня ждет. А нужно ли это ему? Ведь он давно мог купить

ей телефон, зная, как сложно у нее с деньгами и как приятно ей было бы получить от него такой подарок. Ну... нет так нет. Сможет дозвониться на домашний, заставить ее — хорошо. Только сможет ли она с ним из дома спокойно поговорить...

Ладно, пускай все идет своим чередом... Идет, ползет, останавливается — она не будет прилагать усилий, что-то организовывать, достаточно быть несущей конструкцией дома. А намекать на подарки она никогда не умела, можно и не начинать. Кому нужно — тот ее найдет.

Людмила продолжала возиться на кухне и через пару минут поняла, что уже не слышит голоса дочери. Заглянув в комнату, она увидела, что Катя устроилась перед телевизором. На экране мелькали блики огня — при свете факелов полуголые люди сидели среди каких-то тропических зарослей. В популярной передаче «Последний герой» тот, кто выжил, оставшись один на якобы необитаемом острове, не считая съемочной группы с осветителями, гримерами и прочей челядью, тот и победил всех отчисленных за неуживчивость, получал приз и дольше всех светился на ТВ в прайм-тайм. Мужской голос монотонно произносил имена: «Лена... Лена... Вика... Олег... Наташа... Вика... Вика... Михаил... Вика...» Потом среди людей началось оживление, какая-то девушка закрыла лицо руками.

Катя обернулась:

— Ма, я сейчас, три минуты, — и снова взялась за телефон: — Слав, они выгнали эту сопливаю... Ну Вику. Так что два-один в мою пользу! Будешь мыть посуду еще три дня! Не-ет, сегодня не считается, я с утра все перемыла...

На этот раз говорили недолго. Когда Катя вернулась в кухню, Людмила попросила:

— Катюш, я цветы забыла разобрать. Поставишь в вазу?

* * *

Катя развязывала кокетливые бумажные ленточки, перетягивавшие стебли, и хмурилась: два букета... Букеты мама получает от учеников. Вот если бы пришла с одним цветком, тогда был бы повод для беспокойства, что кто-то у нее появился.

Конечно, совсем не хочется, чтобы они с папой разбежались. Но все-таки в жизни надо хоть иногда что-то менять. Вон Славкина мама — язык не поворачивается назвать ее будущей свекрухой, слишком созвучно со «старухой». В свои сорок девять вышла замуж, муж намного моложе. Выглядит она превосходно, ходит на фитнес. А когда ей было сорок пять, Славка рассказывал, бросила свою бухгалтерию и ушла в туристическую фирму, рядовым менеджером. Теперь уже группы возит.

Вот так и надо — поездки, новые люди! А мама... Всю жизнь в одной квартире, с раз и навсегда расставленной мебелью. В одной школе, строго по расписанию. Каждый год — одно и то же: толкует юным идиотам про Раскольникова и лишних людей, получает букеты в день революции. И даже волосы перекрасить боится.

Катя поглядела в затылок матери. Обидно. Мама еще — вполне. Вон и седина только-только начала появляться, и фигура хорошая... может, чуть лишний вес, но в тех местах, где не такой уж он и лишний. При этом мама вся какая-то... не светится. И будто стала ниже ростом.

Людмила, не поворачиваясь, возилась у плиты, и Катя уже внимательно рассматривала ее. Да, мама стала сутулиться. Потому что у кого-то — фитнес, а у нее — уроки и тетради, ученики и сумки. А на спортзал ни времени, ни денег...

Ленточка разрезана, хризантемовый веник рассыпался и никак не хотел влезать в потускневшую хрустальную вазу. Катя раздраженно зачихнула ком хрустящего целлофана в мусорное ведро.

— Ну вот кем надо быть, чтобы сегодня учителям таскать букеты, а? Первого сентября напиши на доске: «Учителя — не пчелы, цветами не питаются!»

— А когда тебе цветы дарят, ты тоже так думаешь?

— Конечно! Дома одна горчица и уксус, денег едва на маршрутку хватает... Выходишь кланяться, а тебе на сцену — цветы. Лучше бы палку колбасы подарили. Или головку сыра.

Хлопнула входная дверь, Виктор появился на пороге, приглаживая ладонью свои взлохмаченные русые волосы, чуть запыхавшись, будто бежал, спешил и по дороге переделал тысячу дел. Отнюдь не богатырского роста, не особо широкий в плечах, он казался крепким и сильным, а лучистые карие глаза и искренняя улыбка говорили о том, что это добрый и открытый человек.

— Девчонки, привет! Ругаетесь? Ну и погода... Собаку никто не выгонит. Катюха, привет! — Он звонко поцеловал дочь в щеку.

— Какая власть, такая и погода, — сострила Катя.

— Ворчишь, как старая бабка! Ты где этого набралась, в театре? Учти, мы против властей не бунтуем, — пытался воспитывать дочь Виктор.

Невысокий и худощавый, он, казалось, сразу заполнил собой всю квартиру и был одновременно везде — снимал куртку и разувался в коридоре, мешал Людмиле, выхватив у нее из рук ложку: «Оливье? Я попробую!» Потом обнаружил в комнате ведро и потолочную капель, схватившись за телефон, кричал в трубку: «Лёня, у меня от твоего стояка хронический столбняк. Да не нужна мне твоя побелка раз в две недели! Вонь такая, что на кухне спим... А моральная компенсация? Литр за литр? Только если коньяка».

Когда он вернулся на кухню, Катя хмыкнула:

— Ты так орал!.. Я думаю, он слышал и без телефона.

— Ну да. Так страшнее! — Виктор посмотрел на стол и с решительным видом закатал рукава старенькой домашней ковбойки. — Ну что, девчонки, садимся?

— Через пять минут, я котлеты разогрею. — Людмила прибавила газ под сковородой. — А ты горошек купил?

— Ой. — Виктор хлопнул себя ладонью по лбу и комично развел руки в стороны. — Забыл. Прости, Люда, совсем забыл.

— Ну даешь... — Людмила огорченно покачала головой. — Ладно, Вить, хотя бы мусор сходи выброси. Я же просила.

— Так я вынес! — радостно сообщил Виктор.

— А что тогда в коридоре лежит и воздух не озонирует?

— Я точно выбрасывал! В черном пакете.

Людмила испуганно посмотрела на мужа:

— Витя, на тумбочке мой пакет лежал с тетрадами. Кажется, черный. — На сковороде зашкворчало, и Людмила повернулась к плите. — Посмотри, тетради на месте?

Катя захохотала, Виктор ушел в коридор и уже оттуда прокричал:

— Люд, не беспокойся. Я помню, в какой мусорник бросил. Сейчас, я быстро!

Хлопнула дверь. Людмила покачала головой:

— А вдруг не найдет?

— Повезло твоим ученикам. Всем — пятерки!

— Смешно тебе...

— А что теперь — плакать? — Катя смотрела в окно. Через пару минут успокоила: — Ну вот, все в порядке. Нашел золотые россыпи.

В комнате зазвонил домашний телефон. Катя выбежала из кухни, Людмила подняла голову, прислушиваясь.

— Алло! — звонко пропела в трубку Катя. — Грибы? Какие... Да иди ты...

Катя бросила трубку и вернулась в кухню.

— Дурдом! — коротко пояснила она маме. — Грибы какие-то ему подавай!

Людмила промолчала: рассказывать дочке об очередной затее отца сейчас не хотелось. Месяц назад Виктор, у которого в тот момент случился очередной приступ деятельности, нашел объявление: фирма набирает телефонных диспетчеров. Он договорился с администратором, дал домашний номер, два дня просидел, не отлучаясь, над телефоном и принял всего три звонка. Рассказал подробно о товаре, грибнице шампиньонов («Выгодный бизнес, вы сможете зарабатывать до двух тысяч долларов в месяц. Это я вам говорю! Это же золотое дно, честное слово!»), и о самих шампиньонах. «Люда, ты ж знаешь, как я умею — с душой говорил, анекдот рассказал... Потом, говорю этой женщине, не забывайте, сейчас пост. Самое грибное время! Грибы и капуста, что еще нужно? Нет, капустой, говорю, не торгуем. Капусту мы получаем за грибы, да-да... Хотелось попрактиковаться, горло размять, давненько я лекций не читал».

На третий день, напрактиковавшись, он попросил аванс и узнал, что первые деньги сможет получить не раньше чем через месяц. Тогда Виктор решил «порвать с этими поганками». «Уважаемая, — с сарказмом говорил он по телефону администратору, требуя больше не печатать в газете объявление с его номером, — вы же сами требуете у клиентов предоплату? Так вот, я требую того же самого, но у вас». Что интересно — сразу после этого пошли звонки. Ежедневно и много.

Из размышлений Людмилу выдернули Катины крики.

— Ай! — Нависая над котлетами и тряся в воздухе правой рукой, она дула на пальцы.

— Катя, ну кто хватает со сковородки, горячее же! — Людмила испугалась за дочку, но тут же и рассмеялась: — Как маленькая, ей-богу! Давай, сейчас наконец-то за стол сядем.

* * *

Победно неся перед собой пакет с тетрадями, Виктор вернулся в квартиру.

— Не повезло твоим ученикам, не успели еще мусор вывезти! — радостно прокричал он с порога.

Оставив пакет в коридоре на тумбочке, он пошел в ванную мыть руки. Людмила принесла из кухни большую тарелку разогретых котлет и замерла — некуда ставить. На помощь пришла Катя, она быстро организовала среди закусок место для блюда, и по комнате поплыл аромат домашней кухни, запах самой вкусной на свете еды — еды, приготовленной мамой.

Потирая руки в предвкушении застолья, подошел к столу и Виктор.

— Представляете, — сказал он, беря в руки бутылку, — копаюсь я в баке, ищу нетленки твоих вундеркиндов. Тут из подъезда выходит этот... как его... отставник с третьего этажа. Говорит: «Коммунисты вам не нравились? Теперь на помойках роетесь! Интеллигенция...» Поднимаю голову, вижу: баба Сталя к своему окну прилипла, чуть стекло не выдавила. Нашел пакет, поднимаюсь, а она мне навстречу. «Витенька! — изобразил он чуть дрожащий голос соседки. — Может, тебе денег одолжить? Ты не стесняйся, свои же люди».

Людмила улыбнулась, раскладывая оливье по тарелкам.

— Вот... блин! — Катя, раскрасневшись, смотрела на отца. — Это они решили, что ты по помойкам шариться?

— Слушай, она старый человек, что ты хочешь? Я ей все объяснил, посмеялись вместе.

— Позвал бы к нам, — миролюбиво сказала Люда.

— А я звал, но она не может. Сейчас сериал начинается. Представляете, до чего мы дожили? Для бабы Стали сериал важнее праздника красного дня календаря!

— Правильный мэн был Раскольников! — не унималась Катя. — Каждый раз его вспоминаю, когда мимо этих пираний иду. Усядутся на скамеечке у парадной...

— В нашу парадную ты раз в месяц заходишь. И то — когда темно, — сказал Виктор. — Стоп, а где хрен?! Так не годится. Придут гости и скажут, что на столе ни хрена нет.

— Я эту шутку полжизни слышу, — вздохнула Люда.

— Тогда надо поставить два вида хрена: белый и красный, с буряком. Чтобы потом спросить у гостей, какого хрена вам еще надо.

Наконец сели; и хрен в холодильнике нашелся, правда только белый, и выпили по рюмке, под традиционный тост Виктора «Ну, за революцию! Чтобы верхи могли, а низы хотели». Людмила попыталась возразить, что это контрреволюция получается, но спорить уже не стали. Ели оливье без

горошка и вчерашние котлеты, Людмила поставила шпроты поближе к Кате, и та объявила, что сейчас съест, как в детстве, всю банку, но только без хлеба.

Обычная для обедов по таким поводам еда, приевшиеся шутки, привычные темы... То ли праздник, которого нет, то ли обыкновенный семейный ужин.

Неожиданно в дверь позвонили. Удивленно переглянувшись с мужем, Людмила пошла открывать и вернулась в кухню с пожилой женщиной, которая несла в руках тарелку с пирожками.

Ровная спина, широкий шаг, аккуратный пиджак моды 50-х и прямая юбка до колен не позволяли назвать ее старушкой, но теплые вязаные носки неопределенного цвета, уютные стоптанные тапочки и старенький пластмассовый гребешок в редяющих волосах создавали образ бабушки, родной и знакомый многим. По лицу ее было видно, что жизнь она прожила трудную, суровую, и множество морщин, маленьких в уголках глаз и глубоких на лбу и у рта, появились не от смеха, а от слез и грусти.

— Сталина Петровна! — воскликнул Виктор, вставая и оглядываясь в поисках стула для гостьи. — Проходите!

— Здравьете, бабушка Сталин! — звонко отчеканила Катя.

Людмила бросила на дочь возмущенный взгляд.

— Здравьете! — громко, как человек, который глуховат или живет с тем, кто плохо слышит, ответила гостья. — А я вам пирожков принесла.

— Умер кто? — издевательски поинтересовалась Катя.

— Катя! — не выдержала Людмила.

Она взяла тарелку из рук гостьи и аккуратно пристроила ее на край стола.

Катя демонстративно встала, достала из сумки музыкальный плеер и, усевшись в кресло, надела наушники и закрыла глаза.

— Не обращайтесь внимания, английский учит, экзамен скоро, — постаралась Людмила загладить ситуацию.

— Присаживайтесь, тетя Сталя. — Виктор подвинул стул. — Отметим памятную дату? С чем пирожки?

— С грибами, — спокойно ответила гостья. Нюансы общения с Катей остались ею незамеченными. — Хорошие грибы, с магазина!

— Большое спасибо, — ответил Виктор. — У меня на грибы уже аллергия.

— А мы съедим и еще попросим, — быстро проговорила Людмила и стала накладывать в чистую тарелку закуски, заботливо выбирая лучшие кусочки. — Селедочка, колбаска, оливье. И по рюмочке сегодня можно, да?

— Нет-нет, спасибо, не буду, пойду. Дед ждет, тоже отметить собираемся. — Сталина Петровна заговорила мягче и тише: — Люд, мы вчера с дедом пенсию получили...

— Спасибо-спасибо, Сталина Петровна. — Людмила с улыбкой остановила гостью. — У нас все в порядке. Просто Витя не то, что нужно, в мусор выбросил.

— А, понятно, — протянула Сталина Петровна, и стало ясно, что объяснению она не поверила, но настаивать не будет. — Пойду...

Людочка, а ты эту передачу смотришь?.. Забыла название... «Герои нашего времени». Артисты на острове живут, голые ходят, червяков едят...

— Я с этими уроками телевизор совсем не смотрю. — Людмила махнула рукой и стала накладывать в тарелку Сталины Петровны еще закусок, сыра, колбасы. — И не жалею об этом в последнее время. — Она заботливо накрыла тарелку салфеткой. — Возьмите домой, угостите ветерана.

— Спасибо, — вставая из-за стола, сказала Сталина Петровна. — Хотя, знаешь, они там иногда интересное показывают. Мы сегодня пропустили. Хотела узнать, кого выгнали.

— Вику, — отозвалась из кресла Катя, не снимая наушников и не открывая глаз.

— Спасибо, Катюша! Пойду деду скажу, а то волнуется. Он за Наташу болеет. Такую... рыженькую.

Сталина Петровна взяла тарелку и в сопровождении Людмилы ушла из кухни. Хлопнула дверь.

— Сколько можно из-за тебя краснеть?! — Вернувшись в комнату, Людмила налетела на Катю.

— Зачем дитя культа приходило? — снимая наушники, спокойно спросила Катя.

— Прекрати чушь нести... совсем не прекрасную! Она же по соседски, помочь хотела! Знаешь, какую она жизнь прожила? И имя не помогло...

И действительно, имя не помогло. Родилась баба Сталя в АЛЖИРе, но не в стране на берегу Средиземного моря, а в Акмолинском лагере жен изменников Родины — так называли в народе 17-е женское отделение Карагандинского исправительно-трудового лагеря в Казахстане. Тридцать гектаров земли, два ряда колючей проволоки, саманные, из глины и соломы, бараки.

Отца новорожденной расстреляли еще до ее рождения, беременную мать посадили в лагерь. Ребенок был поздний, долгожданный. Мать, член партии с 1919 года, считала случившееся ошибкой и верила, что товарищ Сталин, конечно, разберется и виновных накажет.

Как там говорил добрый дьявол по поводу собаки Понтия Пилата в любимом романе Людмилы? «Тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит». Эту фразу можно было водрузить на ворота акмолинского и десятка других лагерей, где содержались ЧСИРы (члены семей изменников Родины), но над воротами советских лагерей, в отличие от немецких, крылатые изречения прибавать было не принято.

Высочайшее имя дочери врагов народа сперва регистрировать не хотели, советовали другое, но в итоге все-таки записали. Через некоторое время Сталина оказалась в специнтернате, окончание которого совпало с посмертной реабилитацией отца и матери.

Дальнейшая ее жизнь пошла полегче, но все равно была не сахар: нужда, неопределенность, скитания по чужим углам. Круглая сирота, она хваталась за любой труд, чтобы выжить, сменила множество рабочих мест, но, слава богу, вышла замуж за хорошего человека. Жизнь налади-

лась. Последние годы Сталины Петровны прошли на уважаемой должности диспетчера автобазы строительного треста.

Все это всплыло в памяти Людмилы, и она глубоко вздохнула.

— Положить оливье? — заботливо спросила она Катю, думая уже не о соседке, а о том, как получше накормить дочку.

— Не хочу, — сдержанно ответила Катя.

— Оливье — не просто французское имя. Это символ развитого социализма! — Виктор, как всегда, не мог долго оставаться серьезным. — Так же как винегрет был символом недоразвитого.

— Ты не перепутал историю с кулинарией? Теоретик... Что же ты горошек забыл купить? — устало спросила Людмила.

Вдруг Виктор хлопнул себя по коленям:

— Вот склероз! Девчонки, стоп! Не ешьте, не пейте.

Он принес из прихожей и поставил на стол маленькую зеленую баночку, продекламировав:

Я не будний, я праздник, которого ждут.
 Мне чужд дух постоянства и семейный уют,
 Мне дорога — постель и билет — простыня,
 День, прожитый без риска — как дым без огня.

— Интересный образ, я знала тебя совсем другим. А ты, оказывается, казанова с пиратского корабля, — иронично заметила Людмила.

Людмила снисходительно относилась к сочинениям мужа и поэзией их не считала, скорее рифмоплетством. Да он никогда и не претендовал на звание пиита. Но на предложение почитать свои стихи всегда откликнулся охотно, предваряя их чтение невесть откуда застрявшей в его голове цитатой: «По вечерам здесь собирались поэты, точнее, те из них, кому было что надеть». Начиная выступление своим любимым стихотворением «Культурный слой»:

Мы фон на картинах великих и знатных,
 Мы грунт на полотнах бесценных,
 Бумага для строчек, порой непонятных,
 Опилки на модных аренах.
 Мы слой чернозема — залог урожая,
 Мы почва для редких растений,
 Артисты миманса, в театре играем,
 Боясь подойти к авансцене...

А дальше, оказавшись на этой самой авансцене, читал до тех пор, пока Людмила деликатно не прерывала его выступление, чему всегда сопутствовало скрытое одобрение собравшихся.

— А где сегодня пираты мечут икру? — удивилась Катя.

— Да, Вить, откуда? — присоединилась к дочери Людмила.

— Варианты ответа. — Виктор очень серьезно смотрел на жену. — А — спецпаек. Бэ — стол заказов. Вэ — купил у спекулянтов. Гэ — дали взятку.

— Беру помощь зала. — Людмила поглядела на Катю.

Та уже достала из шкафчика открывалку и, отдав ее отцу, подсказала:

— Нашел в мусорном баке.

Он открыл баночку, быстро соорудил бутерброд и протянул его дочери.

— А если из мусорника, будешь есть? — подмигнул ей.

— Конечно! — Откусив сразу половину, Катя засмеялась. — Врешь ты все. Не из мусорника.

— Ты гляди, даже забыла, что хлеб не ест! — Виктор протянул второй бутерброд Людмиле.

В комнате раздался звонок. Катя пошла к телефону, и Виктор улыбнулся, услышав ее веселое «але-але!», но сник, когда заметил, как напряженно прислушивается к разговору Людмила, как сосредоточенно она разламывает вилокотлету, все мельче и мельче, будто решила снова превратить ее в фарш.

— Какие еще грибы?! — вдруг со злостью закричала в трубку Катя. — Сам гребни отсюда, подберезовик!

Когда Катя вернулась к столу, Людмила так и не подняла голову.

— Палата номер шесть! Снова ошиблись. — Катя протянула свою рюмку отцу. — Ну, давай на посошок, только чуть-чуть, и я побегу.

— А кого спросили? — Виктор разливал водку по рюмкам.

— Спросили, не продаем ли мы грибы.

— А-а... — Виктор с Людмилой переглянулись, но теперь уже он выглядел смущенно.

Снова звонок. На этот раз к телефону пошел Виктор.

— Молчат, — объявил он, вернувшись к столу. — Подозрительно молчат.

— Это как? — поинтересовалась Катя, поднимая рюмку.

— Дышат. С выражением.

Чокнулись, выпили. Катя стала одеваться, Людмила вышла за ней в коридор, о чем-то они там пошутукались. Потом Катя заглянула в кухню и на прощание чокнулась отца в щеку.

Хлопнула дверь. Людмила вернулась на кухню. Оживление ушло.

Сидя за неубранным столом, она поправляла букет в вазе, отламывала помятые листья.

— Ты что, гербарий решила сделать? — спросил Виктор.

— Почему гербарий? — откликнулась жена.

— Так воды в вазе нет.

— А-а... Это Катька забыла. Налей, пожалуйста.

Виктор взял вазу и ушел с ней в комнату. Вернулся, поставил цветы перед Людмилой.

— Я туда Лёниной воды налил. Чтобы круговорот воды в природе не прерывался.

— Экономный ты наш. И предприимчивый. А скажи, предприниматель, — Людмила вздохнула, — когда нам перестанут звонить любители шампиньонов?

— Люда, ну я же тебе объяснял!

- Хорошо, хорошо... Как там наш фонтан слез? Еще каплет?
- Да.
- Ты бы все-таки поднялся к Лёне, а? Может, помочь надо?

* * *

Оставшись одна, Людмила взяла телефон и набрала номер. Слушая длинные гудки, вдруг вспомнила, как Виктор сказал: «Дышат, с выражением», — и сама чуть отстранилась от трубки, но тут же услышала знакомый голос и ответила:

— Привет, это я. Как дела?.. Ничего не случилось, просто был звонок — это не ты? Понятно... С праздником тебя! Не отмечаете? А мы вот посидели немного... Нет-нет, говорю же — все в порядке. Что у нас может измениться? Семьи, в которых каждый день варят суп, разрушаются в последнюю очередь. Ну ладно... Пока.

Хорошо, что есть этот праздник. Точнее — был. Почти никто уже не отмечает, но все-таки есть повод позвонить. Поздравить, хотя бы в шутку. Поговорить, хотя бы минуту. Понять, что ничего не изменилось. Ни у него, ни у нее...

А что могло измениться?

После короткого разговора она достала из сумки пачку сигарет, подошла к окну — и тут вспомнила, о чем рассказала Катя. Осторожно потрогала трещину. Надо будет чем-то заклеить.

Она выкурила сигарету и уже хотела убирать со стола, когда вернулся Виктор. Спросила без интереса:

- Что там у него?
- Да как обычно...

Виктор сел за стол, налил себе и жене, поднял рюмку:

— Ну? За что?

Людмила пожала плечами и молча выпила. Виктор вздохнул:

— Как скажешь.

* * *

Сверившись с записной книжкой, брюнет средних лет в элегантной кожаной куртке с папкой в руках нажал на три наиболее стертые от частых контактов с человеческими пальцами цифры кодового замка подъезда. Впрочем, можно было и не узнавать код заранее: кто-то заботливый нацарапал те же три цифры прямо на двери. Видно, местные бабушки страдают склерозом.

Шагая через ступеньку, мужчина поднялся на площадку первого этажа, еще раз заглянул в блокнот, позвонил. За дверью пропищала электронная птичка. Вдруг мимоходом вспомнилось, как в первый раз расселял хрущевку вместе с молодым маклером. Тот всегда подымался на пятый этаж и обходил квартиры сверху вниз, привычка была такая. Но сам он всегда начинал с первого этажа, делал обходы, не нарушая нумерации, по возрастающей, снизу вверх. Хорошо, когда все в жизни по возрастающей.

Наконец голос из-за двери:

— Кто там?

«Там — ваше светлое будущее», — усмехнулся мужчина про себя. Еще раз заглянув в записную книжку, ответил громко, улыбаясь по привычке даже закрытой двери без глазка:

— Тамара Михайловна, здравствуйте!..

* * *

Праздничный вечер продолжался. Испортить настроение Виктору было делом сложным — и очередной телефонный звонок не разозлил, а развеселил его. Он долго расспрашивал позвонившего дядечку, зачем тому понадобились грибы: «В такой день, такой день!.. Что значит — какой? День революции и примирения! Ну какие могут быть шампиньоны в красный день календаря в черной рамочке!» — и в итоге соискатель шампиньонов бросил трубку.

— Люд, не сердись, — сказал Виктор. — Не вечные же они, эти грибки! Позвонят еще недельку. Максимум — две. Надо же, до сих пор... Лоси к пересошему водоему ходят две недели.

— А у людей на это уходят годы, — вздохнула Людмила.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— Наверное, Катя что-то забыла, — прокомментировал Виктор вслед ушедшей открывать дверь Людмиле.

Но на пороге стоял высокий брюнет в кожаной куртке, слегка удивленный, что ему открыли дверь, даже не спросив, кто это.

— Здравствуйте, я к Виктору Александровичу, из компании «Атлант», — произнес незнакомец.

— Проходите, пожалуйста, — ответила Людмила. — Виктор, к тебе! «Легки на помине», — подумала Людмила, решив, что это представитель грибной фирмы пришел улаживать отношения.

* * *

Сразу пройти предлагали редко, обычно для начала приходилось объясняться с хозяевами через дверь или в дверях, а тут — «пожалуйста», оценивал ситуацию Виталий.

Вышедший навстречу мужчина в ковбойке солнечно улыбался. Все ясно: и тут отмечают.

Хозяин приглашал, широко размахивая руками в узком коридоре:

— Заходите в комнату. Или, может, на кухню, к столу?

— Куда прикажете, — проявил покорную вежливость Виталий.

Прошли на кухню. Так и есть — на столе бутылка и закуска.

Женщина осталась в комнате, но Виталий сам позвал ее:

— Людмила Николаевна, а я, собственно, к вам тоже, — и, когда она вошла за ними в кухню, представился снова: — Виталий Сергеевич, компания «Атлант». Я к вам с предложением...

— Вы присаживайтесь, — перебил Виктор, который сам уже устроился за столом.

— Спасибо, постою, ничего. Примета такая есть — нельзя садиться, пока сделку не заключили.

Не то чтобы Виталий верил в эту примету, но все-таки старался условия сделки озвучивать стоя. Да и чего расслаживаться... Сегодняшний разговор — недолгий.

Но тут заволновалась хозяйка:

— Нет-нет, нельзя. В доме, где невеста на выданье, гость стоять не должен.

Ну вот, примета против приметы.

— Хорошо. — Виталий сел на табуретку, папку и блокнот пристроил на колене.

— Может, рюмочку? — радушно предложил Виктор.

— Спасибо, не пью.

— Да? — искренне удивился Виктор. — А где вы родились?

— В Бухаре, — коротко ответил Виталий.

— Тогда ла-адно... — протянул Виктор, кивая.

— Я к вам с предложением от нашей компании.

— Что продаете? — перебил хозяин.

— Покупаем... Вас.

Последнее Виталий произнес, неожиданно для самого себя, резко и жестко. Что-то раздражало его; на раздражение работала и усталость, накопившаяся за день, и узнаваемость этой квартиры, этого типа за столом. Сколько ему? Сорок пять... сорок семь? И до сих пор в этой конуре... Скорее всего, еще родительской. Видимо, вцепился на всю жизнь в свою тихую инженерную должность — и не чешется. Конечно, это удобно: крыша над головой есть, вечером можно спокойно дома сидеть, а не бегать вот так, по чужим квартирам. Да, денег мало, но на бутылку и еду, которую у нас называют закуской, ему хватает. Ты гляди, даже икра на столе. А сейчас вам, дорогие мои, судьба еще один подарок преподнесет — улучшение жилищных условий. Везунчик ты, Виктор Александрович. И ты, Людмила Николаевна...

— Покупаете? Лично меня? — Виктор смотрел с любопытством.

— Нет, всех в вашем доме.

— Тела, души? Оптом? В розницу?

Хозяин дома перешел на серьезный деловой тон, и Виталий про себя отметил: артист. Может, и в самом деле — актер? Из малоизвестных, театральных, какой-нибудь Бармалей тюзовский... Тоже копеечная братия, хрущевские обитатели. За редким исключением.

Он подхватил тон Виктора:

— В розницу конечно же.

— И почему?

— Цена у каждого своя. Это зависит от количества прописанных, от того, есть ли у вас долги по коммунальным платежам, нужна ли помощь при переезде...

— Подождите, — вмешалась женщина. — При переезде? Вы о чем?

Ну вот, наконец-то ситуация проясняется. Хозяин, значит, любитель потрепаться и поюморить, а серьезно надо разговаривать с женой.

— О вашей квартире, Людмила Николаевна. Я думал, вы уже поняли. — Виталий заговорил быстрее, повторяя то, что произносил сегодня уже раз двадцать. — Наша компания начинает строительство нового жилого комплекса. На этом месте. Ваш дом будут сносить, квартиры мы выкупаем. Ваша квартира приватизирована?

— Конечно, — ответила Людмила.

— Прописано вас здесь... — Виталий делал пометки в блокноте.

— Трое.

— Детей нет?

— Как — нет? У нас дочь!

— Это которая на выданье? Значит, опекунский совет не нужен. Так и запишем. В местах лишения свободы никого нет?

— Типун вам на язык!

— Так и запишем. В армии?

— В запасе, — откликнулся Виктор.

Виталий продолжал черкать в блокноте, одновременно говорил — быстро, стандартное для всех:

— Есть два варианта. Если хотите — получите на руки деньги, хотите — мы приобретем для вас квартиру такого же метража.

— Нет! — почти крикнула Людмила.

— Что — «нет»? — Виталий оторвался от блокнота.

— Меня никакие варианты не устраивают! Это квартира моих родителей. Я тут выросла.

— Ну мало ли, кто где вырос, — вздохнул Виталий, закрыл блокнот и поднялся. — Людмила Николаевна, Виктор Александрович, я понимаю, что это — вопрос сложный, за минуту не решается. Конечно, вам надо подумать...

Он улыбнулся им, как улыбался сегодня уже двадцать раз, без лишнего сахара в крови, по-человечески — как вежливый гость хозяевам. Хотя... кто тут хозяин — теперь уже вопрос... Но они этого еще, наверное, не поняли. Ничего, время у них есть.

— Время есть, определяйтесь, какое жилье вы хотите, в каком районе, — продолжал Виталий. — Мы обязательно подберем вам подходящий вариант. Или вы сами найдете, а наша фирма оплатит покупку. Кстати, должен предупредить — ЖЭК предоставил данные о количестве жильцов, и со вчерашнего дня прописка в вашем доме прекращена.

— На что вы намекаете? — возмутилась Людмила.

— Почему — намекаю? Я прямо говорю, — продолжал Виталий все с той же легкой деликатно-вежливой улыбкой. — На всякий случай. Вы же сами сказали — дочка на выданье. Мало ли... Вы поймите меня правильно, я просто хочу, чтобы не было недоразумений. Не первый год этим занимаюсь. Поверьте, сейчас все начнут срочно выходить замуж, разводиться, прописывать к себе родственников... Но при расселении будут учитываться только прописанные на сегодняшний день, то есть — на седьмое ноября. Кстати, с праздничком вас. — Он достал из кармана картонный прямоугольник, положил его на стол между рюмкой и селедочницей. — Вот моя визитка, телефоны... Жду вашего звонка.

Закрыв дверь, Виктор вернулся в кухню, где сидела сникшая Людмила. Остановившись возле нее и глядя в окно, задумчиво произнес:

В моей незапертой квартире
 Он вежлив и заботлив был.
 И пах, как все, подобно мирре,
 Как все, но отражений не любил.
 Наверно, не хотел со мной встречаться
 Глазами, что смотрели из зеркал.
 А может быть, боялся расплескаться,
 Увидев то, чего так долго ждал.

Реакции аудитории на декламацию не последовало.

Виктор взял со стола визитку. Повертев ее в пальцах, прочитал вслух:

— Девелоперская компания «Атлант»... Люд, «девелоперская» — это что?

Она пожала плечами, сухо ответила:

— Я преподаю русский, а не английский. Надо будет у Кати спросить.

Говорить Людмиле было трудно — в горле стоял комок, будто проглотила сухую корку, а запить нечем.

Переезжать? Куда, зачем?.. Не хочу! Да, тут низкие потолки, и планировка плохая, и стояк течет. Давно нужен ремонт, хотя бы обои переклеить, даже не окна-двери поменять — это не предвидится, семейным бюджетом не предусмотрено... А с другой стороны, зачем их менять? Да, это фанерки крашенные, а не двери, но мне и с такой фанеркой нормально живется, я тут королеву Англии принимать не собираюсь. Зато на косяке двери в маленькую комнату есть черточка, а над ней нацарапано: «Катя, 80». Катке три годика было, и папа решил ее рост отметить.

Эта отметка на косяке, и тополь за окном, и кресло, в котором любила сидеть мама... Все то, что Людмила давно перестала замечать, вдруг оказалось родным и страшно важным. В голове шумело, мысли путались. Ну, кресло, допустим, они заберут с собой... Господи, какая ерунда — кресло. Папин дом снесут! Может, кто-то способен взять и переехать в другой дом, другой район...

Людмиле вдруг вспомнился внеклассный Гончаров — как Захар, слуга Обломова, уговаривал-укорял хозяина: «Другие же переезжают». Другие... А она? А Виктор?

Но сказать все это мужу она не успела — в дверь звонили и даже стучали. Так ломиться мог только Костя из квартиры напротив. Регулярно под градусом, а сегодня — само собой, в честь праздника. Оказалось, к нему «этот атлант» тоже заходил, практически с тем же текстом.

— Я ему налить хотел, а он, блин, говорит — не пью. Ну и хрен с ним, мне больше достанется. Говорит, жениться не собираетесь, Константин Михальч? Конечно, блин, ищу даму сердца! А он: удачи в поисках, но имейте в виду — сюда ее не пропишут. Я подождал, пока он с вами перетрет и на пятый потопают... Ну что, подруга детства, пакуем манатки?

Как всегда в подпитии, в шлепанцах, спортивных штанах и пиджаке, надетом на майку, Костя грохотал прокуренным басом и только на непечатных словах громкость немного снижал — знал, что Людмила не любит, но совсем удержаться не мог.

Конечно, начали с рюмки, за праздник. От предложения закусить Костя отмахнулся, а на вопрос Виктора:

— Ну что, сосед? Что делать будем? — неожиданно бухнул кулаком себя в грудь:

— Картель! — Дальше он стал шумно излагать свою идею. — Такая пруха, пацаны и дамы! Мы их раскрутим, только картель нужен, картель. Как у нас в таксопарке. А кто меньше возьмет — тот этот... как его... забыл... хер на конце... Да я не ругаюсь, фамилия такая!

Пытались понять, кого он имеет в виду, отвлеклись на очередную рюмку, после которой Костю осенило:

— Шумахер!

При чем тут Шумахер и картель с квартирными ценами?..

Тут Виктор сообразил — штрейкбрехер!

Костя призывал вместе держаться, за цену и друг за друга:

— Иначе спалимся. Если кто меньше бабок возьмет, тогда они и других нагнут конкретно.

Он перешел было к рассказу о том, как работает их картель в таксопарке — в бутылке еще оставалось, — но тут в подъезде раздался громкий и напористый старушечий голос. О чем кричали, понять было трудно, но Людмила разобрала: «Вперед ногами!»

Костя заржал:

— Баба Сталя! Все, попал маклер. Когда Павлов дом занимал, это она кричала, что ее отсюда только вперед ногами вынесут. Если гроб на лестнице не застрянет. Пойду позырю! — В дверях обернулся, поднял правую руку, сжатую в кулак: — Но пасаран! Картель! — и тут же шагнул обратно к столу. — На посошок!

Он быстро налил, опрокинул рюмку, прихватил лапой-лопатой пирожок бабы Стали и поспешил к выходу. В коридоре потерял шлепанец, долго ловил его ногой, промахиваясь и матерясь громким шепотом, наконец справился — и вывалился на лестничную площадку.

Через пару минут голоса стихли. Людмила стала собирать со стола, убрала недоеденное в холодильник, грязную посуду — в мойку. В конце концов на столе не осталось ничего, кроме прямоугольной визитки.

Глядя на нее, Виктор вдруг выдохнул:

— А ведь это шанс.

Людмила, которая уже занялась посудой, выключила воду.

— Вить, неужели тебе наш дом не жалко?!

Виктор поставил чайник на плиту, помахал в воздухе спичкой, сбивая с нее язычок огня, потом хмыкнул:

— Ты же знаешь, у меня к нему смешанные чувства. Хотя мне эта квартира не чужая. Я здесь тоже... — Он вдруг замолчал и растерянно улыбнулся: — Люда, а сколько мы с тобой?.. Это ж в марте... четвертак, да?! Серебряная свадьба!

Да, это было в марте, в будний день. С утра все заволокло тучами, и Люда немного расстроилась — хотелось солнца. Но Витька принес ветку цыплячьей мимозы, сыпал шутками и был такой веселый, что и она раз-улыбалась.

Уже в загсе, пока они ждали своей очереди, он вдруг спросил Люду, как называется должность дамы, которая будет их сейчас регистрировать. Очевидное «регистратор» его не устроило, и он стал придумывать свои варианты. Было и «записатель», и «расписатель», «брачеватель» и даже «бракодел». В тот момент, когда подошла их очередь, Виктор с самым серьезным видом громко сказал:

— Я вспомнил! — и быстро шепнул Людмиле на ухо: — Она — женилка!

— Скорее — замужка, — парировала Людмила и смиренно последовала за Виктором.

Миловидная рыжая женщина в скучном костюме, улыбаясь, говорила им о торжественном моменте, а Люда давилась от смеха. Они получили свои проштампованные документы и вылетели на крыльцо загса, где хохотали уже от души. А потом поехали в университет, стояли возле входа и всем, знакомым и незнакомым, говорили: «А мы сегодня расписались!» Конечно, сначала это объявлял Виктор, но потом и Людмила решилась, прокричав декану:

— А мы сегодня расписались, Михаил Андреич, поздравьте!

Тот посмотрел на нее будто бы строго:

— Павлова! — но потом улыбнулся: — Или уже не Павлова? — и подошел поздравить и пожать руку Виктору.

А потом приехали домой, сюда, и Витя нес ее на руках на четвертый этаж...

По его лицу она поняла, что Виктор сейчас вспомнил то же самое. Он улыбнулся, поднял жену на руки и понес в спальню.

Вслед им обиженно засвистел оставленный на плите чайник.

* * *

Что-то случилось. Дом сразу это почувствовал. По жильцам заметил: они стали больше разговаривать. Если раньше, столкнувшись у подъезда или на лестнице, кивали и шли дальше, то теперь останавливались, задавали друг другу один и тот же вопрос: «Что вы решили?», быстро сходились на том, что решать нечего, все уже решили за нас, а потом говорили о «вариантах». Называли разные районы города, спорили о старом фонде, «чешках», «свечках» и «сталинках». Чаще всего разговор заканчивался вздохом:

— Шило на мыло меняем, точно...

Тот, высокий, с папкой, приходил еще и еще. Уже не обходил все квартиры подряд, шел целенаправленно и у дверей подъездов в блокнот не заглядывал — сразу нажимал кнопки, поднимался легко, широкими шагами, через ступеньку.

Пару раз Дом попытался проявить себя, вмешаться в ситуацию... Как-то поздним вечером, когда высокий спускался с пятого этажа, в Доме погас свет. Гостю это ничуть не помешало: он порылся в кармане куртки, выудил оттуда связку ключей с брелоком-фонариком. Маленький и тонкий, как карандашик, фонарь выбросил в темноту подъезда яркий луч, и высокий пошел дальше.

В следующий раз Дом возмутился, когда маклер, он же риелтор, он же девелопер, он же посредник — вот наконец-то русское слово для профессии нашлось, а то все иностранные, будто в России никогда квартирами не торговали — сидел в тридцать второй, шутил с хозяйкой, и она, дура крашенная, громко хохотала в ответ. Дом не любил ее — крашенная была из новых, переехала сюда лет пять назад, после развода-размена, и часто жаловалась подругам по телефону, «в какую дыру этот козел меня загнал, ты не представляешь! Но я уже была на все согласна, лишь бы поскорее».

Пошелестев какими-то бумагами и посмеявшись, они стали прощаться, и высокий пошел к выходу, но хозяйка не смогла открыть дверь — что-то случилось с замком. Крашенная дергала его, трясла дверь, нервно хихикала, потом покраснела и рассердилась. Она нашла в ящике кухонного стола отвертку, и минут через пятнадцать они вместе с высоким сумели подковырнуть заклинивший язычок замка.

— Не любит меня ваш дом, — сказал тогда маклер.

А Дом все еще не верил, что это возможно, что все они уйдут и он наполнится щемящей пустотой. Не верил — до того самого утра, когда к третьему подъезду подошла большая машина и из тридцать девятой стали выносить вещи. На больших картонных коробах ярко-синим фломастером было написано: «кухня», «обувь», «мелочи», «Таня». Затем вытащили диван вишневого цвета, который казался особенно ярким на фоне снега. Потому что этой ночью выпал первый снег.

Проглотив все коробки, два ковра, разобрannую стенку и вишневый диван, машина уехала. Снова пошел снег, и через час он засыпал рубчатые следы, оставленные колесами на дорожке вдоль Дома.

Декабрь

Вторая четверть в этом году выдалась бестолковой. Почти месяц пришлось подменять загрипповавшую «русичку» на первой смене, потом Людмилу в срочном порядке отправили на учительскую конференцию, где каждый второй сморкался или докашливал что-то свое остро-респираторное, после чего она сама свалилась с гриппом.

Первые дни сил не было даже на то, чтобы стряхнуть градусник, который снова и снова показывал тридцать девять. Людмила выпивала очередную кружку чая и проваливалась в липкую дремоту. Наконец температура упала — и сон прошел. Людмила пыталась читать, смотреть телевизор, вязать свитер, который хотела подарить Кате на Восьмое марта еще прошлой весной. Теперь поняла, что и к этому марту вряд ли довяжет. Сбилась, напутала в узор, распустила кусок — и, смирившись,

убрала клубки и спицы обратно в шкаф. Телевизор подсовывал какую-то бессмысленную хохочущую ерунду, книга которой день была открыта на одной и той же странице. В голове крутился вопрос: звонить? не звонить? Визитка, засунутая между стеклами серванта, раздражала. В конце концов Людмила поднялась, чтобы убрать ее с глаз. Вложила визитку в записную книжку — и все равно...

Надо звонить. Вон эти, со второго этажа, говорят, уже нашли хороший вариант: «чешка», в нашем районе, с ремонтом. Начинают оформлять и после Нового года переезжают. Лучше выбирать без спешки, так что надо позвонить, договориться о цене — и смотреть варианты.

Но, с другой стороны, может, не торопиться? Вот Вера Степановна, химичка, рассказала: у нее в соседнем доме было то же самое. Пришли из строительной фирмы, собрали жильцов, вещали о своих наполеоновских планах — высотка, расселение... Полгода это продолжалось, с десятков квартир они все-таки отселили, а потом — то ли фирма разрешение на стройку не получила, то ли у застройщика деньги кончились... Вера Степановна в этих делах не очень понимает, но говорит, что дом как стоял, так и стоит, а выкупленные квартиры фирма потом продала, новые жильцы туда въехали.

Потеряв сон, она маялась — и с опасением присматривалась к Виктору. После фразы про шанс, которую он произнес в тот вечер, Людмила не хотела с ним говорить на эту тему. По крайней мере, пока ситуация как-то не прояснится. И он молчал. Точнее, молчал о продаже квартиры. А вообще — был таким же, как всегда: то раздражительным и занудным, а то, как говорила баба Сталя, хоть к ране прикладывай.

После неудачи с грибами он опять притащил ворох газет, шелестел страницами, обводил объявления рамочками, куда-то звонил, ходил — и как-то в начале декабря, вернувшись домой, заявил Людмиле:

— С сегодняшнего дня — Виктор Александрович, на «вы» и с уважением! Как-никак заместитель директора!

Заместитель еще лучше, чем директор, подумала Людмила, значит, в фирме кроме него есть как минимум один человек, он и бумаги подписывает, его, а не Виктора будут, если что, привлекать к ответственности.

Муж не шутил, действительно замдиректора. Кроме них с директором в компании числились двое парней — то ли техники, то ли уборщики. Это и был весь персонал пейнтбольного клуба, директор которого каким-то образом отхватил небольшой кусок запущенного городского парка с развалинами сгоревшего лет десять назад летнего кинотеатра.

Зима, конечно, не время для стрельбок, клиентов почти не было, и вместо денег по окончании рабочего дня Виктор приносил домой новые стихи. В клуб он наведывался пару раз в неделю, остальное время по-прежнему сидел дома. Пытался вместе с Лёней чинить стояк, после со- того напоминания Людмилы заклеил наконец окна, а по вечерам, когда она проверяла тетради, листал какие-то журналы. И о продаже квартиры речь не заводил.

Только на следующий день, после того как Людмила убрала визитку, он, притащив ей в постель чашку чая, вдруг спросил:

- Люд, а как там наш гигант-атлант? Ты ему не звонила?
- Нет.
- Ну и ладно.

Виталий появился неожиданно. Потому что пришел в тот день, в который никогда ничего не происходит важного.

Потому что этого дня будто бы и вовсе нет, несмотря на наличие в календаре. Он, скорее, не день, а постскриптум, точнее, послесловие к новогодней ночи.

Январь

Виктор торопился. Он хотел вернуться домой раньше, чем проснется жена. Встанет, выйдет из спальни, жмурясь и кутаясь в халат, а тут — елка! Обязательно скажет: «Дорога ложка к обеду». Надо будет поправить: он елку не к обеду, а к завтраку доставил. К первому завтраку наступившего года.

Одиннадцатый час, а кажется, будто раннее утро: никого. Нет — вот уже хлопнула дверь подъезда, выпуская паренька с натерпевшимся спаниелем. Рыжий пес устроился под деревом, его хозяин прижал к уху мобильный телефон. Хорошая штука, наверное, удобная. Надо же, как все быстро меняется. Несколько лет назад телефон в кармане казался фантастикой. Еще совсем недавно сотовый мог вертеть в руке только очень состоятельный человек, теперь — пожалуйста, пацан разговаривает.

Мобильного у Виктора никогда не было, да и зачем, он же не юнец какой-нибудь — барышням срочно с улицы названивать, а человек взрослый, семейный, у которого есть хорошо работающий и всегда в зоне связи надежный домашний телефон.

А неплохо было бы сейчас набрать номер, услышать ее сонное «Алло!» — и заорать на всю улицу: «Людка, вставай! Весь год проспай. Выходи гулять!»

Подойдя к дому, Виктор поднял голову и увидел Людмилу, которая стояла у окна и куталась в халат. Ну вот, увидела. Сюрприза не вышло.

Когда он вошел в квартиру, Людмила мыла посуду.

— В лесу родилась елочка, в лесу она росла-а-а! — Виктор чмокнул жену в щеку и, как посохом, стукнул об пол реденькой елкой.

Людмила взглянула на нее, сняла с ветки зацепившуюся ниточку «дождика», вздохнула:

- Все нормальные люди елку ставят до, а не после. Ты где ее взял?
- А — Дед Мороз подарил. Бэ — долг отдали...
- Вэ — кто-то уже выбросил, — перебила его Людмила. — Гэ — срубил в сквере возле горсовета.
- Нудная ты. Полгода: не забудь купить елку... не забудь купить елку... Следующие полгода: вынеси елку, вынеси елку...
- Ты бы хоть в честь Нового года анекдот поновее вспомнил. — Она махнула на него рукой.

В большой комнате по центру стоял стол, который накрыли здесь, а не на кухне ради праздника, а в третьем часу ночи так и бросили небраным. Прислонив елку к стене, Виктор достал из кармана куртки бутылку пива, откупорил, глотнул с жадностью. Потом скинул куртку, сел за стол и, придвинув к себе салатницу, стал есть оливье. Улыбнулся:

— Люблю начало года. Пока все прошлогоднее еще свежее... По-дожди, не убирай! — Он отнял у Людмилы тарелку с соленьями, которую она хотела отнести в холодильник, хрустнул крепеньким огурцом. — Катя не звонила?

— Только что. Поздравляла.

— Придет сегодня?

— Нет, устала, хочет отоспаться.

— Праздновать устала?

— Для актеров Новый год — самая работа.

— И кем она была, Снегурочкой? — добродушно поинтересовался

Виктор.

— Размечтался... Зайчиком.

— В детском саду? — удивился Виктор.

— В ночном клубе. Вечеринка в стиле «Плейбой».

— Ну и как у них прошло? Им костюмы-то выдали? Было хоть что-то кроме ушек и хвостика? — ворчливо поинтересовался Виктор.

— Вот придет — у нее и спрашивай. Завтра обещала.

— Одна? Или с этим... новым?

— Кириллом.

Со Славой они так и не познакомились. Знали, что он учится на последнем курсе философского факультета и скептически относится к Катиному увлечению театром. А пару недель назад Катя вдруг объявила матери, что они со Славой поругались «окончательно и напрочь» и он уже, собрав вещи, оставил их съёмный «райский шалаш». Но расстроенная Людмила не успела даже освободить в шкафу полки для Катиных вещей, как дочь снова позвонила и сказала, что домой не вернется, по крайней мере — пока. Оказалось, есть новый молодой человек.

— Слушай, чего она их от нас прячет? — спросил Виктор.

— А может, нас от них?

Виктор налил пива в бокал, второй наполнил выдохшимся шампанским.

— Признайся, Катя сказала — поцелуй папу? Нет? Тогда давай на брудершафт. — И он заставил Людмилу, которая смеялась и пыталась отвернуться, взять бокал.

После поцелуя, который вдруг получился долгим и жарким, он шепнул ей на ухо:

— Ну, Людка, ты вкусна не по годам.

Неожиданно у него за спиной что-то стукнуло, зашуршало — и в комнату вплыл фикус. Здоровенный фикус, с пыльными листьями, в щербатом горшке. Из-за дерева выглядывала физиономия Кости — багровая то ли от натуги, то ли от праздничной дозы.

— Совет да любовь, молодые! Живете открыто, двери не запираете, а мне и позвонить было нечем.

Он установил фикус у стены, рядом с елкой, потом отступил подальше, полюбовался, как на картину, почесал плечо.

— Не, тут ему темно будет, — передвинул горшок поближе к окну и довольно кивнул. — Ну, земляки, с Новым годом!

— И старым фикусом!.. Ты чего это? — Люда переводила взгляд с соседа на его подарок.

Костя плюхнулся на табурет и вытащил из кармана «олимпийки» бутылку.

— Людок, давай рюмки. Простите, если что не так... Без обид... Позвал бы к себе, нет вопросов, да поляну накрыть некому.

Виктор уже все понял.

— Собрался, значит? — спросил он соседа.

— Да, Вить, все. — Костя плеснул водку в подставленные рюмки. — Финита, блин, комедия. Переезжаю. Класную хату нашел, и еще червонец на развод.

— А что ж ты кричал: «бордель», «картель»?

— Вить, против лома нет приема. Вынесли базар на люди — они гривой машут, а ты ж видишь, цену держат. А если счетчик назад крутиться пойдет? А мне опять личную жизнь обустраивать надо. Так что давай по пятьдесят! — Он взял рюмку, которая утонула в его кулаке. — Людка, ты что, не выпьешь с нами? Мы ж с тобой с пяти лет на одной скакалке прыгаем.

Людмила сооружала для мужчин бутерброды с паштетом. Виктор налил ей шампанского все в тот же бокал. Выпили. Она смотрела на соседа растерянно. Да, с пяти лет...

— Когда съезжаешь, Костя?

— Завтра. Контора подводу дает. Я тебе, Вить, советую — не бла-туй, будь мужиком! Если я на своей однокомнатной десятку поднял, то вы плюс к хате спокойно четвертак получите.

— «Десятку», «четвертак»... — Виктор вдруг вскочил. — Дураки вы! Лохи, как ты говоришь. Они на этом месте миллионы загребут, а вам копейки кинули!

Сосед посмотрел на него невозмутимо, налил еще:

— Я, Вить, таксист, а не бухгалтер. Миллионы считать не обучен. Это их проблемы.

Костя одним махом отправил все содержимое рюмки себе в рот, вслед за ним, чокнувшись, выпили Людмила и Виктор.

— Костя, а фикус зачем? — Людмила оглядела деревце в горшке.

— Это вам на память. Ему лет двадцать, не меньше. Он фартовый. Удачу приносит. Его еще батя купил. Тетка, что продала, сказала — ждите удачи. И через день батя «запорожца» выиграл.

— Так это билет счастливый, а не фикус.

— Людок! Тачку батя в карты, а не в лотерею выиграл. Ты его береги. Часто не пересаживай. Он этого не любит, как пассажир...

— А кто это любит? — тихо спросила Людмила.

Виктор ушел на кухню и закурил. Докурив, вытащил из шкафчика пару бутылей с солеными огурцами и вернулся в комнату.

— Держи, штрейкбрехер! Ой, прости, Шумахер! Это тебе от нас, к Новоселью. Два удовольствия в одном флаконе. Огурчиками закусишь, а утром рассолом поправишься.

Костя просиял:

— Людок, твоего производства? Царский подарок!

Он попытался взять две банки сразу, но Виктор отдал ему только одну и потянул соседа за рукав:

— Давай помогу донести, а то разобьешь.

— Давай, давай. — Костя пошел к двери. — Новоселье-то у меня на хате отметим? Я вам сейчас координаты нарисую.

Виктор и Костя вышли. Посмотрев на часы и зачем-то оглянувшись по сторонам, Людмила присела к телефону и набрала номер.

— Привет. Не разбудила? — Бодро начав, она вдруг смущенно умолкла. — Да, с Новым годом! — Найдя спасительные слова для продолжения разговора, она повеселела. — Желаю... ну... как всем, во всем... С новым счастьем? А старое выбросить? — Повернувшись к фикусу, она улыбнулась. — Кстати, у меня действительно появилось счастье, новое, зеленое... Нет, не доллары... Спасибо. Пока.

Раздались короткие гудки. Людмила, задумавшись, так и осталась сидеть возле телефона с трубкой в руке.

* * *

В прокуренной квартире соседа среди коробок и тюков Виктор приютил свой подарок, потом с трудом устроился на уголке какого-то ящика и записал новый адрес Кости. Слушал его вполуха, кивал, а про себя решал: может, пора уже Люде рассказать, что задумал? Нет, потом. Когда эти гиганты-атланты сделают свой следующий ход, тогда он и откроет карты.

Напоследок Костя еще всучил ему «Капитал» Маркса, сказав: «Я уже разбогател», и довоенное издание Некрасова, все сочинения в одном томе: кто-то из пассажиров забыл у него в машине.

— Думал, хозяева объявятся, но никто не маякнул. А мне оно не надо. Заберешь? А то выкину...

Так Виктор и пошел домой — с книгами под мышкой.

Он сразу увидел человека, стоящего спиной к нему в дверях комнаты. Высокий мужчина в куртке, в красной шапке-колпаке с белым помпоном и с красным мешком на плече. Глухим голосом, словно из-под подушки, он говорил — наверное, Людмиле:

— С новым счастьем! Я к вам с подарками...

Пару лет назад у них в доме утром первого января ходил по квартирам примерно такой же — в шапке и с мешком. Под ватной бородой, красным клоунским носом и париком лица было не разобрать. Звонил, поздравлял, балагурил... Его впускали, полагая спросонья: кто-то из друзей разыгрывает. Быстро выяснялось, что Дед Мороз ошибся адресом.

Смеялись, прощались... А уже к вечеру, протрезвев, хозяева обнаружили, что с вешалки пропала норковая шапка. Или кошелек, который в праздничной суматохе был брошен на тумбочке в прихожей.

Поэтому Виктор, не раздумывая, бахнул гостя по голове «Капиталом». Вышло не очень сильно — мужик высокий, в коридорчике не размахнешься, но все-таки Дед Мороз присел, схватившись за шапку, и тогда Виктор увидел, что в комнате у журнального столика сидит Людмила, бледная, с телефонной трубкой в руках.

Бросив книгу на пол, Виктор попытался заломить мужику руку за спину и одновременно заорал:

— Люда, звони в милицию! — Он налег посильнее на человека в красной шапке. — Мужик, тебе не повезло! Здесь уже никто не спит и все трезвые.

— Э! Э, вы что!..

Человек пытался встать, Виктор — придавить его сверху, и несколько секунд они нелепо барахтались в тесном коридоре перед застывшей в ужасе Людмилой.

— Виктор!.. Как вас... Виктор Александрович! — Дед Мороз выпустил наконец мешок и сорвал с себя свободной рукой бороду вместе с шапкой. — Это я, Виталий!

Виктор выпустил его руку и ошарашенно смотрел, как Виталий отплевывается от бороды, морщится и щупает голову:

— Тьфу, черт! Фирма хотела вас поздравить... У вас дверь была открыта. Уф, хорошо, что шапка на вате...

* * *

Сидели в комнате, у стола, который Людмила так и не успела убрать. Нервно шутили о том, что книга — не только источник знаний. Виталий попросил воды, ему налили минералки, заодно предложили и рюмку, но он ответил: «Не пью».

А ведь «атлант» и в первый свой визит тоже отказался. И сейчас, после новогодней ночи, как огурчик. Совсем не пьет, что ли?

— Знаете, я уже начинаю привыкать к вам как к атрибуту застолья. Что-то вроде оливье, — сказал Виктор.

— А я, к сожалению, в обычные дни вас дома застать не могу. В праздники как-то надежнее.

Виктор лихорадочно соображал, что делать. Начинать серьезный разговор прямо сейчас? Момент, конечно, не самый удачный: сначала книгой по голове, тут же оглушить своим решением... И с Людой еще не поговорил. Нет, не сейчас...

— И потом... сегодня даже грабли поздравляют друг друга с наступившим! — Виталий пригладил волосы и поправил узел галстука. — Вы пропали, не звоните, чтобы обсудить условия. Если гора не идет к Магомету...

— То Моисей дал больше! — перебил его Виктор. — Атлант Виталий, вы пришли нас поздравить? Мы готовы!

— Хорошо. — Виталий полез в мешок, достал полиэтиленовый пакет и вручил его Людмиле. — Это вам, от нашей компании.

Людмила неуверенно улыбнулась ему и вынула из пакета бутылку шампанского и календарь. На глянцевого бумаге — Пизанская башня и крупными цифрами — «2004».

— Очень мило, — самым радушным тоном оценил Виктор. — Люда, куда мы его повесим?

— Здесь лучше его не вешать, — сухо продолжил Виталий, складывая в мешок бороду и шапку. — Хотя... Повесьте и сделайте пометку: «1 мая». В этот день ваш дом снесут. Еще отметьте первое марта — на этот день запланировано отключение дома от газа. Еще через месяц отключат воду и свет.

— Насчет даты конца света — это вы погорячились, — перебил его Виктор. — Без электричества человечество жило достаточно славно, это я вам как историк говорю.

— Людмила Николаевна, чего вы время тянете? — продолжил Виталий, обращаясь именно к ней, уже не глядя на Виктора. — Ваши соседи за два месяца управились, нашли вариант и уже переезжают.

— Потому что они родину не любят. Малую, — поспешил ответить Виктор. — Вот вы свой Самарканд любите?

— Бухару? Ну... как вам сказать...

— А традиции соблюдаете, не пьете.

— Если выпью — съедете? — вдруг спросил Виталий.

— Съедем, — живо откликнулся Виктор, наливая себе и Виталию по полной.

Они быстро выпили, закусили огурчиками, и Виктор невозмутимо продолжил:

— Съедем, но позже...

— Так нечестно! — воскликнул Виталий.

Виктор широко улыбался в ответ:

— Виталий, тут думать надо! Мы вам позвоним, обязательно позвоним! Честно. В этом году.

Виталий сдержанно вздохнул и направился к двери. На пороге обернулся и посмотрел на Людмилу:

— Всего доброго. Дверь захлопнуть?

Людмила опомнилась, вскочила, пошла за ним — проводить. Вернувшись в комнату, произнесла решительно, даже с каким-то облегчением:

— Все, Вить, надо соглашаться. Давай искать квартиру.

— Ты что? — Виктор вылил в стакан остатки пива из бутылки. — Это же квартира твоих родителей! Родовое гнездо. Которым торговать нельзя.

Людмила отняла у него стакан:

— Ты нормальный? Все разъедутся, а мы здесь одни останемся?

— Да.

— С ума сошел? Они же скоро всё отключат.

Придется ей сейчас сказать, а то она действительно побежит искать варианты.

— Люда, давай будем решать проблемы по мере их поступления. Если отключат свет — купим свечи. Готовить можно на примусе. Весной овощи на балконе посадим... Шучу, шучу... Посидим на бутербродах.

— Долго? — с сарказмом спросила Людмила.

— Пока они не пойдут на наши условия.

— В террористов будем играть, пейнтбольными ружьями станем грозить? А заложников брать будем?

— Друг друга, — засмеялся он, но понял, что шутка была лишней.

— Ты что, сбрендил? — Людмила покраснела и сорвалась на крик. — Они нас с милицией выставят в два счета!

— На улицу? Я уже был у юриста. Не имеют права. У нас же квартира приватизирована. Зачем им скандал? — Он подсел к Людмиле, обнял ее за плечи. — Люд, не бойся, я все продумал! Сейчас они таким, как мы, дают тысяч двадцать пять... максимум тридцать. А если мы не согласимся? Если потребуем больше? И когда все съедут, останемся в доме одни? Понимаешь — одни! Они тут собираются строить комплекс за двадцать миллионов баксов! А с нами дом не снесешь. Они поймут, что проще заплатить нам столько, сколько мы хотим, только бы мы убралась. Для них это не сумма. В общем, Люда, готовь ножницы!

— Зачем?

— Будем стричь купоны!

— В прошлый раз ты просил резинки — пачки денег перевязывать. Витя, объясни, что ты опять задумал? — Людмила уже взяла себя в руки, спросила это очень ровным тоном, и Виктор вдруг почувствовал себя учеником. Учеником, который сам вызвался отвечать, а в последнюю секунду, под взглядом учителя, понял, что урок знает не слишком твердо, но отказываться поздно.

— Мадам Онассис, мы будем судовладельцами. — Он вскочил и стал прохаживаться по комнате. — Представь: кто-то продает судно. У нас нет всей суммы, чтобы его купить. Есть только двести тысяч, но для первого взноса этого достаточно! Делаем первый взнос — и получаем договор на приобретение судна. Тут же берем под это судно в банке кредит, рассчитываемся с продавцом и начинаем ловить креветку. Ловим, продаем, зарабатываем деньги — и расплачиваемся с банком. То есть... рассчитываемся. В общем, возвращаем то, что брали. А потом можно наш корабль еще раз заложить — и купить еще один.

В помещении, где обосновался директор пейнтбольного клуба, в подсобке Виктор нашел пачку прошлогодних журналов. Во время своих недолгих дежурств он листал их и наткнулся на рубрику «История успеха». А точнее, «Как заработать первый миллион». Кстати, Генри Форд, создатель конвейера, всегда готов был рассказать обо всех своих миллионах. Кроме первого.

На ярких страницах глянцевых журналов свои истории рассказывали люди, фамилии которых Виктору ни о чем не говорили. Ему были знакомы только названия компаний, принадлежавших этим мужчинам, его

белозубым ровесникам, улыбавшимся с фотографий. Журналисты называли своих собеседников «китами отечественного бизнеса», расспрашивали о начале карьеры — и публиковали истории о счастливых выигрывающих в «Спортлото», о «челночных» поездках и первом товаре, купленном на одолженные деньги. Кто-то — кстати! — рассказывал и о проданной квартире.

Виктор читал эти статьи, не замечая, что фразы отшлифованы и сверкают зеркально, как туфли представительных джентльменов на фото. Он внимал печатному тексту и запечатленным улыбкам. Он, конечно, понимал, что, возможно, дело было не совсем так. Или даже совсем не так. И все-таки — разве это нереально? Разве не бывает на самом деле таких взлетов? Так или как-то по-другому, но каждый из них однажды рискнул, поймал удачу за хвост и прыгнул выше головы.

Историю про покупку судна он вычитал там же, и в первый момент она показалась Виктору фантастической. Но он перечитывал статью несколько раз и все больше верил в то, что это возможно. Он чувствовал, что сейчас его момент. Его шанс. А ведь чутье тоже чего-то стоит! Главное, чтобы Люда поняла это.

Хотя, конечно, сразу согласиться с таким планом сложно, и он понимал, почему она так отреагировала. Сначала слушала внимательно, чуть прищурившись, решив, кажется, что судно — это только пример, как в задачке: допустим, у вас есть сто вагонов... Выслушав до конца, все с тем же холодным спокойствием спросила:

— Вить, какое судно? Где лес, где дача?.. Где мы, где море? У тебя лодка была когда-нибудь? С веслами? А двести тысяч где ты возьмешь?

— Здесь! Не выходя из квартиры. Не выходя!

— Вить, а может, лучше грибы разводить?

Он рассмеялся:

— Грибы — это вчерашний день. Бежать надо не туда, где шайба, а туда, где она будет! — Эта фраза была тоже из журнала, но сейчас Виктору казалось, что он сам ее придумал.

— Не поняла — куда бежать?

Люда смотрела на него прищурившись, и он понял, что разговор идет не так как надо, но остановиться не мог, словно и в самом деле скользил по льду:

— Туда, где шайба, бежать не надо. Лучше стоять на месте.

— Что ты всю жизнь и делаешь.

Зазвонил телефон, и Людмила сняла трубку. Она поздоровалась, поблагодарила за поздравления и, растянув губы в улыбку, сама поздравила кого-то с Новым годом, а Виктор вдруг вспомнил: в тот момент, когда он вернулся от Кости и застал тут «Деда Мороза», Люда тоже сидела с трубкой в руках. Она звонила или ей звонили? Она не рассказала ему, кто...

— Это кто? — спросил он жену, когда она положила трубку.

— Ученик, поздравил.

— Ты с ним на «ты»? — с вызовом спросил он, но осекся под жестким взглядом жены. — Ах да, все сходится... И хватит тебе уже бегать по

урокам! — Людмила слушала его, методично кивая головой, мол, говори-говори, но Виктор не замечал этого и продолжал: — Если это, конечно, ученики...

Тут она взвилась моментально:

— Послушай, в нашей семье бюджетобразующее предприятие — это я! На что бы жили? На доходы от твоих ненормальных идей?

По-учительски четко, с напором Людмила стала перечислять все его прежние попытки завести свое дело.

Дом не любил слушать скандалы, но затыкать уши ему было нечем.

Людмила не повышала голоса, но Виктору казалось, она кричит. Напомнила, как в восемьдесят шестом он хотел издавать брачную газету. Как пару лет спустя вдруг решил по объявлению завербоваться в ЮАР на охрану алмазных копей: «Тоже мне, пособник апартеида! А здесь сторожить магазины по ночам брезговал». Как целый год возился с идеей открыть цех и выпускать пластиковую посуду. Правда, оказалось, что из Турции пластик возить — в три раза дешевле получится.

— А твоя гениальная идея открыть модельные курсы для детей... Ты забыл, как вас чуть не привлекли за растление малолетних? А ты еще шутил, что думал — это тост, а оказалось — статья! Конечно, ты же нашел такого фотографа... Где ты его только нашел... А эти грибы?! Витя, ты даже нормальным репетитором, как я, не можешь устроиться!

— Люда, да кому нужно мое репетиторство? Ты же знаешь, что у нас происходит... Они эту историю каждый год переписывают по новой, мы же страна непредсказуемого прошлого. Ну не могу я больше преподавать! А те дела провалились, потому что начального капитала не было. Но здесь все абсолютно реально.

Идея, которую он до сих пор только прокручивал в голове, теперь прозвучала — и словно затвердела. Он говорил все решительнее.

— Витя, опомнись! — Людмила пыталась улыбнуться, хотя поняла, что он не шутит. — А жить? Жить мы где будем?!

— Придумаем что-нибудь. В конце концов, можешь годик перекантоваться у любимой сестрицы. Или у Катьки, она все равно снимает. И я где-нибудь пристроюсь. А через год купим классную квартиру. С видом на море.

— Витя, понятно, ты выпил... Что ты про Катьку-то несешь? Ей только меня не хватает. Я прошу тебя: один раз спустись на землю!

— Людочка, это бизнес я планирую морской, а вообще я на земле, обеими пятками!

Виктор подскочил к жене, сел рядом, снова обнял и чмокнул в раскрасневшуюся щеку:

— Все, закрыли тему! Завтра на свежую голову подумаем. А сейчас пройдемся. На улице так хорошо!

Но она отстранилась, поднялась, запахнула халат:

— Не хочу я с тобой никуда идти.

Людмила зашла в спальню, закрыла за собой дверь — и Виктор услышал поворот ключа. Ключа, которым они давно не пользовались.

Виктор стоял, тупо глядя в закрытую дверь и повторяя про себя:
«Не хочу с тобой идти...»

«С тобой». А с кем-то другим — хочешь?

Он подошел к двери и подергал за ручку:

— Люд, открой. Не порти праздник! Новый год на дворе!

Снова дернул. Стукнул кулаком:

— Открой!

Как глупо... Он собрался убеждать ее, спорить, доказывать. Он хотел снова обнять ее. А может, тормошить и требовать ответа: о чем она молчит по вечерам, к чему прислушивается? Теперь у нее часто бывает такое выражение лица, как когда-то у его учеников за три минуты до конца урока. Ожидание. Чего она ждет, кого? Какого звонка? Какой перемены?

Но как с ней разговаривать, если перед носом — дверь?

Неожиданно он разозлился. Хлопнул ладонью по двери и вышел на кухню, там достал коробку с инструментами, покопался в ней и вернулся в комнату с молотком и гвоздями. Самыми длинными, какие нашлись.

Он косо вгонял гвозди, прищипывая хлипкую фанерную дверь к косяку, иногда промахивался — и тогда просто лупил молотком по косяку или по стене. Он бил — и представлял, как жена сидит на постели, зажав уши.

Еще удар — и ему показалось, что дом вздрогнул и пол под ногами качнулся. Виктор тронул лоб дрожащей рукой. Людка права, пить надо меньше. Ну и понервничал, конечно... Видно, давление скакнуло.

Что там говорили древние? Лечить подобное подобным?

Он бросил молоток на пол, прихватил со стола недопитую бутылку водки и поднялся к Лёне. Тот, увидев на пороге соседа снизу, сразу завел:

— Витя, ты что? У меня все сухо!

— И у меня сухо. Непорядок! — Виктор подмигнул и достал из-за спины бутылку.

* * *

Дом вздрогнул.

Конечно, удары молотка для Дома — ерунда. И гвозди в косяк — это как комариный укус... или еще образней: как слону дробина. И вообще, жильцы нередко ссорились, кричали друг на друга, иногда били посуду и даже окна, было дело. Но почему-то именно эти гвозди и эти удары Дом почувствовал — и вздрогнул.

Через пару часов Виктор вернулся, выдернул гвозди и открыл дверь. В этот день они с Людой не разговаривали. И весь следующий — тоже. А третьего числа пришла Катя, и они сделали вид, что все в порядке. После ее ухода стали перебрасываться редкими словами, а потом наконец помирились — так, как мирились всегда, много лет, после ссор по самым разным поводам. И, как всегда, причина ссоры осталась неразрешенной, ее окружили молчанием, к ней боялись прикоснуться. Как к визитке компании «Атлант», которая лежала в записной книжке.

Впрочем, прошла неделя, и Людмила достала визитку и набрала телефонный номер, а потом купила пачку газет с объявлениями о продаже квартир. Сначала она просматривала их прямо в школе, между уроками, звонила из учительской и расспрашивала хозяев о районе, этаже и цене. А потом как-то принесла газеты домой и оставила на видном месте. Виктор видел их, но ничего не сказал.

Шли недели. На дверном косяке остались следы от гвоздей, и они беспокоили Дом, как и положено комариным укусам, — ныли и зудели. Наверно, так же беспокоит слонов застрявшая в их толстой коже дробь.

А потом Дом стал слепнуть. Еще несколько машин пришли к подъездам и уехали, набив нутро тюками и мебелью, и после каждой такой машины еще несколько окон переставали зажигаться по вечерам. Оставшиеся без занавесок и вазонов с фиалками, черные бельма пялились на Людмилу, возвращавшуюся с работы, и она боялась поднять голову. Зрячие не любят смотреть слепым в глаза. Боятся.

Февраль

Да, недолго продержались эти стрелялки...

Виктор поставил на пол увесистую коробку и разогнулся, потирая поясницу. Нет, пожалуй, спрятать это от Люды не получится, не те габариты. У коробки и у нашей квартиры... А может, Лёню попросить у себя поддержать?.. Не-е, к Лёне нельзя — его младший этим игрушкам быстро применение найдет.

Виктор достал из коробки автомат, положил палец на курок и полюбовался на себя в зеркало. Вид пугающий, хотя с настоящим оружием эту цацку, конечно, не перепутаешь. Так что грабить банк не будем, попытаемся все-таки додаться из Бухары, уважаемого нашего трезвенника Виталия ибн Сергеича. С Виктором уже не раз расплачивались товаром, но таким — впервые: два пейнтбольных ружья и запас шариков с краской. Ничего, он найдет покупателя. Только надо будет себе пару патронов оставить, на память.

Звонок. Виктор быстро запихнул ружье в коробку и открыл дверь. На пороге стояла баба Сталя.

— Витя, здравствуй! А Людочка где? Дома?

— Здравсьте, Сталина Петровна. Люды нет, она к ученику пошла.

— Жалко. А я хотела ее на смотрины позвать.

С тех пор как баба Сталя провозгласила на весь подъезд: «Только ногами вперед!» — прошло три с лишним месяца. За это время ее генеральная линия сделала крутой зигзаг. Сначала Сталина Петровна решила «найти управу на этих буржуев» и пошла по инстанциям. Облачала мужа в костюм с орденскими планками, и они начинали парное катание по высоким и низким кабинетам. Возвращались домой тихо и незаметно, о результатах своих визитов в неизвестные кабинеты Сталина Петровна никому не рассказывала. На все вопросы отвечала коротким: «Ничего, еще посмотрите!»

Но никакого зрелища не последовало. Уже в середине января Сталина Петровна перестала искать управу и пообещала «выжать из этих буржуев все, что положено». Что положено — тоже не объясняла, но Виктор про себя отметил: бастион пал, баба Сталя пошла смотреть варианты.

— Там вариант вроде неплохой. Второй этаж, окна на юг...

— А компас у вас с собой? А то ведь дурят! Говорят, что на юг, а на самом деле — на северо-запад.

Баба Сталя на шутку не улыбнулась, произнесла строго и даже с угрозой:

— Меня-то могут надурить, а Барсика не обманут! Он у меня экстрасенс: нехорошую энергию чувствует.

Виктор знал этого «экстрасенса». Дымчатый кот, холеный и ленивый, целый день дрых на спинке дивана — и только унюхав ливерную колбасу оживал и начинал хрипло орать. Оказывается, теперь баба Сталя брала его с собой, когда шла смотреть очередной «вариант». Кот, упакованный в дорожную сумку, терпеливо переносил поездку в троллейбусе, а потом, поставленный на порог чужой квартиры, подавал своей хозяйке понятные только им двоим сигналы.

— Если в доме плохо — он и не войдет! Вот мы с Барсиком смотрели вариант на Тенистой, так он...

— ...сказал: «Не буду тут жить!» — засмеялся Виктор.

— Представь себе! Не пошел в квартиру. Встал на пороге, шерсть дыбом!.. Значит, болел там кто-то... или даже умер. Хозяева, конечно, не скажут, а у котов — шестое чувство. Вот я хочу, чтобы Люда со мной пошла...

— Зачем? У Людки чутья — никакого. И с обонянием после гриппа проблемы.

— Там на одном этаже две квартиры продаются. Снова соседями будем.

Поблагодарил. Посожалел, что Люды дома нет, сам очень занят, бежать надо, дела. И завтра вряд ли у нас получится: на день рождения идем. Сказал, что полностью доверяет Сталине Петровне. И Барсику. Если им понравится — мы тоже посмотрим.

Заодно поинтересовался, сколько «Атлант» дает старикам за их двухкомнатную. Оказалось — тридцать тысяч.

— Рублей? — игриво переспросил Виктор.

— Баксов, — веско отметила баба Сталя, и Виктор опять улыбнулся.

— Не бойтесь на старости лет валютными операциями заниматься?

— А где ты видел, чтобы квартиры за рубли продавали? Ты не смейся, лучше скажи, за сколько вы сторговались.

— Двести тысяч.

— Рублей?

— Шучу, Сталина Петровна, шучу. Мы еще торгуемся.

Когда баба Сталя ушла, Виктор снова распаковал свои боеприпасы. Ружья забросил на шкаф, а коробку с шариками пристроил в кухне, под столом.

Посмотрев в окно, он увидел, как от дома к троллейбусной остановке шла Сталина Петровна с большой сумкой в руке, из которой торчала крутящаяся, как перископ подводной лодки, голова Барсика.

* * *

Февраль выдался теплым, и Катя с удовольствием скинула капюшон. Хорошо! И воздух совсем весенний. Особенно после такой поездки: полный автобус мужиков с перегаром! Вояки... Понятно, когда ветераны празднуют, они имеют право. У той же бабы Стали муж — летчик, воевал. А эти... Если два года унитаза драили и на генеральской даче кирпичи таскали — есть повод двадцать третьего выпить? Вот Кирилл — тот молодец, сказал: не надо в этот день никаких подарков. С чем поздравлять? С тем, что мужчина? Не надо.

Интересно, Восьмое марта Кирилл тоже не захочет отмечать?..

А мама сегодня по телефону первым делом спросила:

— Ты папу поздравила?

Неделю назад Катя была дома и залезла в сервант, где лежат фотоальбомы, документы и всякое старое, ненужное и родное. Она искала кое-что, но отвлеклась и полистала альбом со своими детскими снимками. Там же обнаружила свои школьные похвальные грамоты и несколько самодельных открыток. Одна из них — с красной звездой и георгиевской лентой (чтобы получился оранжевый цвет, надо смешать красный и желтый. Это было открытие!). На обороте — смешным почерком второклашки: «Дорогому папе, защитнику Родины и герою». Кажется, про защитника писали все, под диктовку, а героя она сама добавила. Написала «гирою», потом учительница помогла лезвием подчистить и исправить на «е». И улыбалась при этом. Тогда было непонятно, чему она улыбается.

Сегодня Катя попыталась сказать маме, что звание лейтенанта запаса — не повод, но та сразу передала трубку папе, и Катя поздравила, конечно. И с облегчением узнала, что сегодня они ее в гости не ждут, потому что сами уже собираются — на юбилей к Щёлочи. Папа так и сказал, и Катя слышала, как мама рядом засмеялась: «Витя, ты, главное, Веру так в глаза не назови!»

Вера Степановна, Щёлочь, химичка и завуч, в этом году отмечает юбилей, поэтому пригласила подруг-коллег в ресторан и с мужьями. Очень удачно вышло — Кате срочно нужно зайти домой, взять томик Чехова, а встречаться с родителями сейчас нежелательно. Пока не рассосется вся эта история с долгом.

Катя посмотрела на часы. Она звонила час назад, и папа сказал, что они уже на выходе, просто мама долго копается, никак не выберет, что ей надеть — норку, соболей или шанхайских барсов. Катя скривилась от его шутки, вслух огорчилась, что их не застанет, и попрощалась. Но за час-то уже собрались, наверное...

Сборы на день рождения были недолгими. Прибежав от ученика, Людмила быстренько достала свой любимый костюм, минутку поразмышляла над обувью — сапоги, конечно, не очень к наряду, но не тащить же в ресторан туфли, как сменную обувь в школу... Ой, пьесы, Катя же просила.

— Люда, ну что? Идем? — Виктор заглянул в комнату и увидел, что жена, встав на табуретку, перебирает книги на верхней полке. — Ты куда полезла?

— Катька должна забежать. Ей нужен Чехов.

— Чехов нужен всем. А сама не найдет?

— Да я во второй ряд запихнула. Лучше на столе оставлю.

Она вытащила с полки потрепанный том, и Виктор помог ей спуститься.

— Ну? Ты готова?

— А ты как считаешь?

Виктор, прищурившись, строго осмотрел Людмилу с головы до ног.

— Сойдет. А где фамильные бриллианты?

— Да, точно. Кулон сюда пойдет. — Она достала из серванта маленькую шкатулку.

Не бриллианты, но все равно — память и ценность: мамины рубиновые серьги и кольцо, которое Людмила никогда не носила: с безымянного пальца оно соскальзывало, а на средний налезало с трудом. И кулон с александритом, еще бабушкин.

Виктор уже обувался, когда услышал из комнаты:

— Витя, а кулона нет.

У Людмилы на ладони лежало все содержимое шкатулки — кольцо и скрепленные друг с другом сережки. Он зачем-то заглянул в опустевшую лаковую коробочку:

— Ты когда его в последний раз надевала?

— К Вере, на прошлый день рождения. Кажется...

— И потом — никуда? — Он внимательно смотрел ей в глаза.

— Нет... вроде бы... — Встретив его взгляд, Люда вспыхнула: — Что ты имеешь в виду? Опять?! Витя, я не французская королева, не дарю любовникам подвески и кулоны. Ты сам его не брал, никуда не перекладывал?

— Нет. Люда, скажи, а Катя... Она у тебя деньги просила?

— Она это делает регулярно.

Оба замолчали. Людмила растерянно перекатывала на ладони украшения, потом положила их обратно в шкатулку и натянуто улыбнулась.

— Я покурю — и идем, ладно?

Виктор знал, она курила редко, только когда сильно нервничала.

— Люд, не огорчайся... — начал он, но жена, махнув рукой, ушла на кухню.

Он потянулся следом, страдая от пустоты всех возможных слов, бесполезности утешений. Лучше просто обнять... Но она стояла к нему спиной, у окна, и он решил только спросить:

— Мы не опоздаем?

— Нет.

Пока она курила, на всякий случай еще раз покопался в секретере среди фотоальбомов и коробок. Ничего, конечно, не нашел, и тут в комнату вошла Людмила:

— Там Катя идет.

Виктор замешкался, посмотрел на нее вопросительно:

— Люда, я поднимусь к бабе Стале, а? Забыл совсем — надо же ветерана поздравить. Я быстро. Ты потом зайди за мной, ладно?

«В конце концов, им объясниться проще, по-женски, — думал он, поднимаясь этажом выше. — Хотя... как-то нехорошо, уклоняюсь от воспитательной работы с быстроподрастающим поколением».

И уже подходя к соседской двери, он поймал себя на слове «уклоняюсь», усмехнувшись: «Куда ты денешься с подводной лодки...»

* * *

— Как ты могла?! Почему ты меня не спросила?

— А что, ты бы разрешила?

Катя спокойно смотрела на мать, и это смутило Людмилу. Дочь не отнекивалась, сразу и легко ответила: да, кулон взяла, отнесла в ломбард. Потому что квартирная хозяйка срочно потребовала деньги за этот месяц, а у Кати зарплату задерживают... и у Кирилла сейчас проблемы.

— Ма, да ты не волнуйся, я выкуплю. Мне со дня на день заплатят.

— Катя, ну как же так можно! Просто так, молча взяла — и в ломбард... Это же бабушкина память!

— Ну-у, началось... Кулон — это память. И квартира — это память. Вы поэтому ее не продаете?

Людмила вздрогнула.

— При чем здесь квартира?

— При том! Продали бы ее — и все.

— Что — все?

— Отдали бы мне мою часть.

Последнее тоже произнеслось легко, но эту легкость Катя репетировала уже две недели — с тех пор как Людмила рассказала ей про фирму «Атлант».

Какой шанс! Если подумать — единственный шанс решить вопрос с жильем. Иначе так и придется снимать, каждый месяц отдавать чуть ли не всю зарплату, каждый месяц высчитывать — вдруг не хватит? Юлить перед хозяйкой, перехватывать у мамы, занимать у девчонок на работе... или даже вот так — нести вещи в ломбард. А если не снимать, то остается последний вариант — жить с родителями. Это уж точно — последнее, хуже не придумать.

Но, судя по тому, как у мамы округлились глаза, она ни о каком разделе не думала, и голос у Кати зазвенел:

— Я, кстати, единственная в этой квартире родилась. Самое что ни на есть коренное население. Имею право на свою часть наследства. И не говори, что ты эту квартиру так любишь, что продавать не хочешь!

— Люблю, конечно!

— Неправда! Дед и бабушка — допустим: сами этот дом строили. А вы с папой? Да вам просто деваться было некуда! Ты же не захотела в папин Сиплодрыщинск по назначению ехать, пришлось тут, друг у друга на голове...

— Ну и что? — Людмила старалась держать себя в руках и говорить ровно. — Да, тесно было. Четверо взрослых и ребенок. Но ты-то что? Тебе-то чего?.. Когда ты подросла, мы уже тут были втроем.

— Когда подросла, да? А раньше, значит, я — ничего?.. Подросла... — Катя почти задохнулась от воспоминаний.

В такие ночи она не могла уснуть — глаза открывались сами собой, и Катя опять видела квадрат света, лежащий на полу в коридоре. Свет падал сквозь застекленную дверь кухни. На кухне сидит мама. Она ждет папу. Хочется, чтобы он скорее пришел. Но не хочется слышать, как он придет. И Катя торопится заснуть. Она шепчет на ухо плюшевому Кузе:

— А ну, спи! — а сама плотно-плотно закрывает глаза и даже отворачивается к стенке, чтобы не видеть свет. И тут же слышит шаги на лестнице, по звуку угадывая, что папа пьяный. Шаги медленные, будто папе трудно идти.

Из кухни выходит мама — она стояла у окна и увидела, как папа подходил к дому. Стояла и ждала его, потому что боится, что он опять потерял ключи. Или не потерял, но не сможет попасть ключом в скважину — и позвонит в дверь. И всех разбудит.

Она думает, что все спят.

Надо будет утром маме сказать, чтобы она не сидела до ночи на кухне, ведь Катя все равно не спит. И бабуля тоже. Слышно, как она шепчет деду:

— Опять Витька поддал!

Она думает, что шепчет, но говорить совсем тихо у нее никогда не получалось.

Мама открывает дверь, папа что-то ей говорит... Сейчас мама будет тихо ругаться с ним и плакать. Или просто плакать.

Чтобы не слышать, Катя с головой накрывается одеялом...

— Тесно?! — возмущенно продолжала Людмила. — Да. Зато не угол, не барак, не подвал и не коммуналка. У многих и этого не было. И папа мой этот дом — сам строил, ночи не спал!.. Ты же знаешь, что тут было!.. А вот ты за что нашу квартиру так не любишь?

— За то!

В первый раз в жизни — об этом. Вот так, глаза в глаза. Без лишних ушей. И без лишних слов.

Катя повторила:

— За то самое!

— Не кричи! — И Людмила машинально протянула руку, чтобы включить приемник.

Конечно, заглушать музыкой скандалы всегда было глупо. С музыкой или без — все всё слышали: ругань легко пробивала тонкие стены. И все-таки, срываясь на повышенные тона, они всегда включали радио или телевизор. Но это днем, а ночью... Ночью, когда ты просто не можешь думать о том, что в соседней комнате родители и им все слышно... Когда ты ни о чем не можешь думать... Только потом, после понимаешь, что застонала слишком громко. Поначалу вам обоим от этого только весело и вы давитесь смехом, пытаясь хотя бы теперь вести себя потише. А потом кто-то из вас после такой ночи почувствует неловкость. Не стыд, не страх — всего лишь неловкость, но в следующий раз ты уже не позволишь себе застонать и вцепишься зубами в подушку. И та же неловкость будет мучить, если вдруг среди ночи понадобится выйти. Потому что родители еще не старики, а пройти надо через их комнату...

А ведь мама, наверное, тоже когда-то утыкалась в подушку, потому что в соседней комнате были они, Люда и ее старшая сестра Таня.

И если бы сейчас Катя не снимала жилье — все повторилось бы, точь-в-точь: молодые и родители — на одном пяточке. Стесняясь, раздражаясь, злясь друг на друга...

По радио крутили что-то бодренькое, очень подходящее для того, чтобы заглушить ссору, но Людмила молчала. И Катя смотрела на нее, не понимая, почему мать вдруг перестала укорять и доказывать, почему сидит молча, погасшая и растерянная.

Люда вспомнила: когда дочь сказала, что будет снимать квартиру, она решила, что это блажь, что Катька, как все молодые, не знает счета деньгам, хочет всего и сразу. А получается — ничего и постепенно. Их в квартире теперь трое, и это нормально, а если у Кати кто-то засиделся до утра, так мы с папой всё понимаем... А снимать — это не по средствам. Но если тебе так хочется самостоятельности — пожалуйста!

Она давно прогнала из памяти свои осторожные ночи с подушкой в зубах и теперь раздражалась: это же надо — снимать квартиру! Мы с родителями тут помещались — и как-то жили, ничего. А теперь, видишь ли, тесно и неудобно. А отдавать такие деньги — удобно? И у нас одалживать каждый месяц. А у нас эти деньги — лишние? Да, Катя одалживает и потом по-честному возвращает. И через неделю опять одалживает... В конце концов, сколько же я могу все тащить на своих плечах...

Поэтому, когда началась история с расселением, у Людмилы просто не возникло мысли о том, что можно требовать от фирмы две квартиры.

Женский голос из приемника докричал песню о прекрасной любви, пошла реклама: всех, кто устал от долгой зимы, ждут курорты! Турция, Египет и Канарские острова. Выбирайте!..

Да, конечно, Катя права, сто раз права — надо продавать, пока есть такая возможность, и отдать ей часть, пусть на эти деньги себе что-то купит. Может, Витя оставит свою безумную идею, ради Кати.

Людмила выключила радио и посмотрела Кате в глаза:

— Ты права. Прости. Да, конечно, надо будет поговорить с риелтором. Подыщем две квартиры в одном районе. — Она вздохнула. — Осталось теперь только папу уговорить.

— А что — папа? — спросила Катя. Она не ожидала, что разговор о кулоне и о продаже квартиры окажется таким коротким и закончится так мирно. В общем, и разговора-то не было: посидели молчком под музыку.

— Да папа в очередной раз решил стать Рокфеллером.

— Я — за. Главное, чтобы не Биллом Гейтсом. Тот недавно заявил, что все деньги завещает на благотворительность. А родным детям — шиш. Всего по десять миллионов. А остальное пусть сами зарабатывают.

— А тебе десятки мало? — засмеялась Людмила.

— Мне — нет, а вот его детям, представляешь, как обидно?

— Деньги счастья не приносят, — автоматически сказала Людмила и впервые внутренне поморщилась от лживого пафоса этой привычной фразы.

— Но доставляют массу удовольствия!

Людмила слушала ее и думала: хорошо, что Витя к соседям ушел, сейчас начал бы Кате про корабли рассказывать. Никаким приемником бы не заглушить.

— Так что папа задумал?

— Решил не выселяться, пока фирма не заплатит ему столько, сколько он хочет. А хочет он много.

— Кстати, сколько нам сегодня дают, что мы брать отказываемся?

— Сорок тысяч.

— Сколько?! Ма, срочно соглашайтесь, пока они не передумали!

— Нет, солнышко, этих денег только на винт и якорь хватит, а нам целый пароход нужен, креветок ловить, — саркастически произнесла Людмила.

— Зачем? К пиву? — поинтересовалась Катя и продолжила, не дожидаясь ответа: — И ты согласилась ждать?

— Катя, а если это действительно шанс? Сначала нам предложили двадцать пять, через месяц — тридцать, сегодня уже говорят, что согласны заплатить сорок. А вдруг получится еще больше? — Людмила хотела убедить дочку, а убедила себя, уже не понимая сейчас, как раньше могла спешить, соглашаться на меньшее. — У тебя будет своя квартира. И я не буду больше бегать по урокам, а ученики смогут приходиться ко мне. Я тоже в этой жизни на что-то имею право. И у папы все изменится. Ему надо хотя бы один раз добиться успеха — и все пойдет по-другому...

— О боже... — почти по-стариковски вздохнула Катя. — Хорошо... А что у него в клубе?

— Все. Уже закрылись.

— Опять... Хоть расплатились? Или как всегда?

— Почему — как всегда? Так еще никогда не платили. Два ружья для пейнтбола и ящик с боеприпасами... Шарики с краской.

— Ух ты! Где? — воскликнула Катя и оглянулась вокруг.

«Ребенок есть ребенок», — подумала Людмила.

— В прихожей, за вешалкой. — Людмила улыбнулась, глядя, как дочь понеслась рассматривать ружья. — Только не трогай ничего, он вроде на этот арсенал уже покупателя нашел!

Попробовать себя в роли стрелка Катя не успела — влетел запыхавшийся Виктор.

— Быстро звоните в «скорую»! Деду плохо, сердце прихватило. У них нитроглицерин закончился.

Катя бросилась к телефону, он кинулся в кухню — там на холодильнике в коробке лежали лекарства, но Людмила, схватив свою сумку, уже кричала:

— Вить, он здесь, здесь, у меня!

— Алло, «скорая»? Сердечный приступ. — Вмиг ставшая серьезной, Катя четко отвечала на вопросы диспетчера, уточняя детали. — Да, «Дом Павлова». Семьдесят восемь лет. Ветеран, льготник. Водопьянов Виктор Владимирович. Да, мой дедушка. Быстрее, пожалуйста. Когда будете?.. Не опоздайте!

* * *

Конечно, на банкет опоздали. Пришли, когда половина гостей уже разошлась, как раз к сладкому, на которое обычно не хватает сил. Щёлочь, конечно, встретила их обиженной миной, но быстро оттаяла. Все-таки причина уважительная: ветерану стало плохо, хлопотали по соседски... Хорошо, что все обошлось. Виктор наговорил юбилярше пышных комплиментов, за столом сыпал анекдотами, очень смешно рассказывал, как он орал на диспетчера «скорой», и уже заскучавшие гости оживились.

Немногие оставшиеся за столом мужчины давно устали произносить тосты и сидели поглядывая на часы, а Виктор, пригубив всего одну рюмку, с удовольствием веселил компанию.

Людмила ковыряла ложечкой торт, запивала его шампанским и улыбаясь смотрела на мужа. Оказывается, она почти забыла, каким обаятельным он умеет быть. Остроумным, галантным... Просто они давно никуда не ходили вместе.

Попад в центр внимания, Виктор был опьянен успехом, ему хотелось говорить еще и еще. Он встал, чтобы сказать очередной тост, но вместо этого стал читать свое сочинение под названием «Сорок пятый год». Хотел посвятить его юбилярше, но вовремя вспомнил, что женщину в сорок не вгонишь и из сорока не выгонишь:

— ...Все юней солдаты, все верней жена и все чаще снится бывшая страна...

«Все верней жена...» Людмила опустила глаза.

Слушали, перестав жевать; многие напряглись — было ясно, что не всем близок смысл, но именинница улыбнулась и искренне поблагодарила Виктора.

— Я написал это себе на день рождения, — объяснил он. — В такой день все подводят итоги... и никто не счастлив на сто процентов. Но хорошего всегда больше, и чем старше мы, тем это очевидней. За это и выпьем!

Гости согласно закивали, подняли приветственно рюмки и, чокнувшись с ближайшими соседями по столу, дружно выпили.

— Везет тебе, — прошептала Людмиле физичка Нина. — Твой — он и веселый, и стихи пишет, и пьет по чуть-чуть...

Людмила кивнула, растроганно чмокнула Нину в щеку и взяла себе еще кусочек торта. В этот кремово-шампанский вечер ей думалось только о хорошем.

* * *

Нина с мужем поймали машину, предлагали подвезти, но они отказались и теперь шли пешком, медленно, нога за ногу, и Людмила улыбалась в темноте. Какой тяжелый был день: и эта история с кулоном, и разговор с Катей, и «скорая», а как хорошо все закончилось!

Виктор не мог остановиться, всю дорогу балагурил, а потом спросил, что сказала Катя о кулоне.

— Да, это она взяла, — ответила Людмила. — Она принесет. На днях.

— Если женщина прощает женщине все, значит, она ее родила, — улыбнулся Виктор.

Она хотела рассказать ему про разговор с Катей и про то, что надо выбивать из «Атланта» две квартиры, но промолчала: вдруг он опять начнет про судно и креветку, которая пасется на бескрайних океанских просторах? Сейчас на споры не было сил, да и просто жалко портить такой замечательный вечер.

— Большие города как маленькие дети: особенно хороши, когда спят, — сказал Виктор и в ответ на ее молчаливый вопрос пояснил: — Нет шума и суеты.

Она посмотрела на него с нежностью и улыбнулась.

— Люд, как тебе этот ресторанчик? Вроде неплохой, а? Ты салат с грибами попробовала?

— Да, ресторан симпатичный.

— Так, может... там?

— Что — там?

— Люд, меньше месяца осталось, — улыбнулся Виктор.

Она вздрогнула, пытаясь вспомнить, о какой дате он говорит. Срок отключения электричества? Сноса дома? Но Виктор вдруг напел марш Мендельсона:

— Пам-па-парара-па-пам... Маленький банкет в честь серебряной свадьбы. — Виктор заглянул ей в глаза. — Да? Мы, Катерина со своим... Как бы его ни звали. Кого еще пригласим?

Полутемный Дом смотрел, как они идут, взявшись под руки.

Они вошли в подъезд, и Дом вслушивался в их шаги, негромкий разговор и смех.

На фасаде вспыхнул золотой квадратик — свет в кухонном окне.

Виталий открыл дверь, посторонился и пропустил вперед дамочку на шпильках. Она выпорхнула на крыльцо, зажала папку с документами под мышкой, достала сигареты и сделала приглашающий жест.

Придется поддержать компанию. Было бы невежливо уйти сразу после подписания бумаг: все-таки не каждый день человек оформляет куплю-продажу. Это он, конечно, про клиентку. У него-то сейчас сделки ежедневно, и по три в день бывает. Жильцы хрущевки наконец-то очнулись. Ну и финансовые вливания, конечно, сделали свое дело. Дополнительные три-четыре тысячи к начальной сумме — и подходящий вариант находился очень быстро. Результат: половина квартир дома уже свободна. Из оставшихся две трети, можно сказать, на мази и на чемоданах. Но остались и трудные клиенты, с ними предстоит еще серьезно повозиться. Сегодня в планах как раз такие, поэтому надо собраться с силами и перекурить.

Последние десять лет Виталий курил американские сигареты «Camel» с одnogорбым верблюдом на фоне трех далеких пальм. Хотя в его родной Бухаре чаще встречались двугорбые, бактрийские. Кстати, самые вкусные представители верблюжьего сословия.

Когда-то, в студенческие годы, в разгар застоя, находясь на каникулах в Москве, он сумел на английском, который, будучи оптимистом, усердно учил в школе и в институте, объяснить отбившемуся от группы интуристу, как попасть в гостиницу «Националь» на улице Горького. За что благодарный канадец вручил ему открытую, но полную сигарет пачку. Точно такую же, как ту, что он сейчас держал в руках. Тогда такие сигареты были практически недоступной роскошью; затягиваясь их дымом, Виталий на секунду переносился через тысячи километров туда, куда попасть могли только очень-очень избранные сограждане, и ощущал себя одним из них. Пусть на секунду, но ощущал.

Мечты иногда превращаются в привычку, в данном случае — вредную, подумал Виталий, разминая сигарету.

Пару дней после случайной встречи с канадцем Виталий к сигаретам не прикасался. В голове сновали мысли: а вдруг вызовут куда надо, вернее куда не надо, и спросят, а что это вам резидент передал? А может, в сигаретах тех наркотики неведомой силы? Но никто никуда не вызывал, ни о чем не спрашивал, слежки за собой Виталий не заметил. На третий вечер он пригласил знакомую девушку в кафе, небрежно бросил на стол заграничную пачку, перехватив оценивающий это движение взгляд, улыбнулся и, словно извиняясь, произнес:

— Что поделать, люблю виргинские табаки покрепче. Угощайся...

Он взял из рук дамочки зажигалку и чиркнул колесиком. Дама затянулась своей длинной тонкой сигаретой и вздохнула всем бюстом:

— Господи, как хорошо! Гора с плеч. Хотя я знала, что найду то, что хотела. Я как только в эту конуру въехала — сразу себе сказала: я тут долго не останусь!

Виталий в который раз слушал ее щебетание, пересыпанное намеками на прошлые неудачи в личной жизни и развод, отвечая улыбкой на ее комплименты.

— Как приятно, когда спутник такого роста, как вы. Женщина может позволить себе каблуки.

Дальше было о том, как важны для женщины каблуки и спутник, на которого можно опереться. Надежный локоть... плечо... ребро... фундамент...

Он слушал про всю эту анатомию и архитектуру женской жизни, а сам думал о другой клиентке с трудной судьбой, которая, кажется, доставит ему еще много проблем. Сталина Петровна, стальная бабка, неутомимо ездит по всему городу, посмотрела уже пару десятков вариантов, но все они забракованы... ее котом! Смех смехом, но эта парочка, старушка и кот, его уже достали. Надо что-то делать. И с психом, который его книгой саданул, тоже. В какой-то момент Виталий решил, что ситуация наладилась: ему стала звонить жена этого ненормального, сказала, что ищет квартиру. Махнула рукой на своего цицерона и сама взялась за дело. Виталий предложил ей пару вариантов из своей базы, она посмотрела их, сказала, что подумает, и — снова тишина. Он с трудом дозвонился ей, и Людмила Николаевна извиняющимся голосом завела песню, которую он слышал при расселении от каждого второго клиента: квартиры смотрю, но на эти деньги можно купить только такое же, как у нас — смежные комнаты, маленький метраж, да и ремонт нужен... Тогда Виталий и сказал, что она может смотреть варианты по сорок тысяч, компания оплатит. Только поторопитесь, пожалуйста. Он был уверен, что шоковая терапия подействует — не пройдет и недели, как эта пара появится у них в офисе. Но прошло уже больше двух. Они опять пропали. Мобильных у этих психов нет, на домашний телефон как ни позвонишь — никого...

Дамочка чихнула и полезла в сумку за платочком. Ей мешали документы, и она попросила Виталия подержать папку, а сама достала из сумочки мешавшие мелочи — ключи, кошелек, флакон с таблетками. Наконец-то нашелся платочек. Она деликатно промокнула нос и затолкала все обратно в сумку. Встряхнула флакончиком, на дне которого лежали желтые пилюли:

— Все-таки обмен жилья — это такие нервы... Две таблетки перед сном — обязательно! Иначе уснуть не могу.

— А что это?

— Валерьянка.

— Разве она не жидкая?

— Бывает и в каплях, и в таблетках. Но я капли не люблю. Запах!.. — Она сморщиланосик, покрасневший от холода. — И вообще, таблетки — это гораздо удобнее.

Ну конечно, капли! Спасибо, дорогая! Виталий был готов расцеловать дамочку. Подставив руку калачиком, он проводил ее до дороги,

поймал машину и, прощаясь, поцеловал ручку, а потом и вторую, после проводов направившись к ближайшей аптеке.

Под ногами, куда ни ступи, был лед, на котором уже не поскользнешься, а только промочишь ноги. Подтаявший снег заставлял прохожих смешно лавировать между лужами. Виталий тоже старался выбирать сухие участки, широко шагая по тротуару, но безуспешно. Уныло моросил мелкий дождь.

И необязательно быть великим знатоком поэзии — в такую погоду строки Пастернака вспоминались сами собой.

«Господи, и когда я последний раз читал стихи, — подумал Виталий, — теперь только новостями рынка недвижимости и рекламными объявлениями интересуюсь: современный жилой комплекс в престижном районе, развитая инфраструктура, захватывающий вид... и еще двадцать вариаций на ту же тему».

Март

— Алло! Катя? Привет. А у нас новости! Хорошие, хорошие...
Таня приезжает.

— Какая Таня?

— Ой, ну ты даешь... Тетя твоя.

Таня приезжала в родной город редко. Она вышла замуж быстро и решительно, за парня на два курса старше: погуляли немного по весенним улицам, пообнимались в подъезде, расписались; буквально через пару дней Миша получил распределение, и молодые уехали на Север. Институт Таня заканчивала уже заочно.

Михаил, с которым ни родители, ни Людмила толком не успели познакомиться, оказался активным и деловым и уже к началу девяностых, как говорил теперь Виктор, «выбился в президенты». Само слово еще долго носило какой-то капиталистически-враждебный привкус, и родители из редких Таниных писем так и не поняли, президентом чего стал их зять. Какие-то компании, фонды, названия из латинских букв... Звонила Таня чуть чаще, чем писала, но по телефону мама предпочитала спрашивать о здоровье и каждый раз умоляла Танюшку пить витамины, «ведь у вас там ни фруктов, ни солнца». А Люда просто радовалась родному голосу в трубке и рассказывала сестре новости о прежних общих знакомых, соседях и школьных подружках.

Вместе с Михаилом они приезжали сюда всего раза три-четыре. Были семейные застолья, теплые вечера, а потом отъезд, и их снова разделяли тысячи километров... плюс то расстояние, которое лежит между семьями рядового педагога и президента компании, даже если они родня. Потом Татьяна с Михаилом перебрались поближе, в столицу, но все равно километров оставалось — не одна сотня, и президент компании к тому времени приобрел еще массу каких-то званий и должностей, а педагог, наоборот, перестал быть даже педагогом.

После смерти мамы Татьяна стала звонить реже. С наступающим в этот раз поздравила загодя, двадцать третьего декабря — на Рождество

они с Михаилом уезжали в Австрию. О квартирных делах Людмила ей не сказала — тогда она еще надеялась, что расселения не будет. И только вчера, когда сестра позвонила с традиционным «Как дела?», Людмила рассказала ей о намечающемся сносе дома.

— Тань, знаешь, я месяц не спала. Лежу и реву. Дом, который строил наш папа, — снесут... Я все понимаю, наш дом свое отжил. Но все равно, Тань, так жалко... Как человека! Вся жизнь тут... Ой, Тань, у нас же с Витькой шестнадцатого серебряная свадьба! Приезжайте, а? Шестнадцатого марта. В ресторан пойдем, отметим. И с домом попрощаешься, все-таки детство... Ой, Тань, не хочу про это, сейчас опять реветь буду...

Обычно на приглашения Татьяна сразу отвечала извинениями и отказом — дела, планы, поездки... А тут сказала, что подумает и перезвонит. И действительно, перезвонила на следующий день, уже взяв билет, сразу сказала, какой вагон и когда встречать. Такой подарок — к Восьмому марта!

* * *

Шестьдесят.

Виктор опустил на обшарпанное троллейбусное сиденье и только теперь почувствовал, что колени дрожат. Надо же... Кажется, у него только однажды дрожали коленки от страха — в бассейне, когда он по дури своей залез на десятиметровую вышку. Чем выше лезешь, тем страшнее, а тут... вон как поднялся! Шестьдесят тысяч! Вместо двадцати пяти, которые им давали вначале.

Коленки — ерунда. Главное, чтобы голос не дрожал. А он был ровным, когда Виктор говорил с Виталием и абсолютно спокойно произнес самое трудное: «Двести тысяч».

Честно говоря, Виталий Сергеевич тоже не дрогнул, услышав это. Только поинтересовался, с чего вдруг такие космические запросы.

— Почему же — космические? Мы спокойно жили, в хорошем районе, не собирались никуда переезжать, и вдруг — здрасьте: ни с того ни с сего должны срываться с места, менять жилье. Мы тратим время и нервы на поиски, еще будут расходы на переезд. Для жены снос нашего дома вообще огромная психологическая травма. В общем, сумма вполне справедлива. Это возмещение морального ущерба. Ну и жилищные условия мы должны улучшить. А если менять шило на мыло, перебираться в такую же точно двушку, то зачем нам вообще переезд? Мы можем и не трогаться с места, вы же понимаете...

Хорошо говорил, спокойно. Занервничал только тогда, когда Виталий таким же ровным голосом ответил:

— Виктор Александрович, я вас прекрасно понимаю. И Людмилу Николаевну тоже. Наша компания согласна возместить моральный ущерб и выплатить вам шестьдесят тысяч долларов. Согласитесь, этого вполне достаточно, чтобы вы купили жилье получше, даже две квартиры — себе и дочери. Она сейчас снимает? Так что, думаю, морально вы не пострадаете.

Такого поворота Виктор не ожидал. Да, им уже предлагали сорок тысяч, и он считал, что это предел, выше не подымут. Был уверен, что, когда произнесет «двести», Виталий либо посмеется, либо скажет обычное «вы сошли с ума».

Получилось, будто толкал плечом запертую дверь, а она вдруг распахнулась. Так можно и мордой в пол хлопнуться...

Что делать? Шестьдесят тысяч... Действительно, реальный шанс купить хорошую двушку себе и однокомнатную Кате. Кате, которая поселится там со своим... Славой? Кириллом? Да какая разница... А потом у них родится ребенок, и такая желанная сейчас «однушка» станет мала, но денег на то, чтобы обменять ее на двухкомнатную, опять не будет. А он с Людой переберется в новую квартиру — со старыми вещами, мебелью и старыми проблемами. Какая разница, где листать газеты с вакансиями, где принимать звонки от грибников, где наткаться на потускневший взгляд жены...

Нет. Нужны двести тысяч! Только тогда есть шанс изменить все. Все, а не только адрес.

— Нет. Мы хотим двести тысяч, — ответил он Виталию.

По кабинету разлилась ледяная тишина. Виталий молчал и в упор смотрел на Виктора. Паузу прервала трель мобильного. Виталий ответил, листая блокнот, называл какие-то цифры, а Виктор тем временем под столом вытирал о джинсы мокрые от переживаний ладони.

Да ну... Чего бояться? Что они могут сделать, что?! Не убьют же, в конце концов. Да, отключили газ, ну и что? Он уже достал с антресолей электроплитку. Греет плоховато, чайник вскипятить — полчаса нужно, но там же, на антресолях, нашелся и термос.

Виталий закончил разговор по телефону и сухо сказал Виктору, что передаст его ответ руководству.

Троллейбус прошел мимо парка, по сырым дорожкам которого молодые мамы катали яркие коляски, свернул на широкую улицу и пополз мимо девятиэтажек, напоминавших костяшки домино. Виктор расправил помятую бумажку, на которой Костя нацарапал свой новый адрес. Еще три остановки ехать. Мобильный Кости не отвечал уже два дня, оператор сообщал, что данный номер не обслуживается. Потерял трубку, наверное. Будем надеяться, что за два месяца после переезда он не успел прогулять десять тысяч, которые поднял на продаже квартиры, и одолжит бывшему соседу сотни две. А лучше — три. Завтра Татьяна приезжает, надо столичную гостью хорошо угостить.

* * *

Людмила думала, что с дороги Таня захочет отдохнуть, но та все распланировала иначе. Уже на перроне, когда, нацеловавшись, шли к выходу, Татьяна огорошила:

— Люда, давай так: пусть Виктор с вещами едет домой, а мы с тобой прямо отсюда — на кладбище.

Непонятно, к чему такая срочность... Таня в белоснежной куртке, да и Люда оделась получше, не для кладбища. И к цветам сегодня не подступишься — Восьмое марта.

Но Таня все возражения отмела:

— Куртка эта дорожная, если запачкаю — отстираю потом, да и вообще — мы же там землю копать не будем. Цветы я возьму, в сквере. Тут же раньше, кажется, был базарчик? Не убрали его?..

В общем, Людмила согласилась. Виктор, закинув на плечо увесистую сумку, поехал домой готовить торжественный прием для уважаемых дам по случаю Международного женского дня, а сестры пошли в сквер. Там Татьяна быстрым шагом прошла вдоль клеенчатых палаток, где мужчины скупали нежные тюльпаны, гиацинты в горшочках и розы — одинаковые, словно не выращенные, а наштампованные на какой-то голландской или костариканской фабрике. Таня купила десяток белых гвоздик, решительным взмахом руки остановила «кастрюльщика» и, договорившись о цене, села на переднее сиденье.

Люда думала, что они вместе сядут сзади и поболтают, но задерживать машину, притормозившую у тротуара, и просить сестру пересесть она не решилась. Поехали.

Таня развернулась к ней и расспрашивала о Кате. Ничего такого, обычные вопросы, и Людмила отвечала, но, конечно, совсем не так, не теми словами, какими говорила бы без посторонних ушей.

— Она где работает?

— В магазине. Устроилась продавщицей. В продуктовом.

— В магазине? После университета?

— Поработала год в школе, сказала: «Только не это!»

— А самодеятельность? Бросила?

— Нет, играет. Представляешь, Заречную сейчас репетирует. «Я чайка!..»

— Ага. По вечерам — чайка, а днем — «Купите бублики!»... А почему дома не живет?

Если бы чуть больше тепла в голосе, если бы она сидела рядом, а не спрашивала вот так, через плечо, при чужом человеке...

— Наверное, без нас интереснее, — сухо ответила Люда.

— У нее что — кто-то есть?! — Татьяна подняла тщательно прорисованную бровь.

— Тань, ты хоть помнишь, сколько ей лет?

— Да... для меня она все еще школьница.

Люда чувствовала, как раздражение вытесняет ту радость, которая наполняла ее перед встречей. Какие-то мелочи — как мошकारа, которая портит чудесный летний вечер, лезли в глаза и уши, мешали и вызывали досаду. Зачем Таня попросила водителя сделать радио тише? Почти потребовала. Неудобно, это же не такси, они вроде как в гостях, в чужой машине. Хотя, конечно, платят за поездку. И почему на кладбище надо ехать сейчас? Столько времени впереди, а они — прямо с вокзала, как-то впопыхах...

— И чем он занимается?

— Кто?

— Ну этот, Катин...

— Единственное, что я о нем знаю — как его зовут.

— Она вас не познакомила?

Людмила молча махнула рукой. К ее облегчению, водитель спросил, где лучше повернуть, и она стала объяснять дорогу.

Зато на кладбище все эти мелочи улетучились. Достали припрятанную за папиным памятником банку, поставили цветы. Таня молча присела на скамеечку, не жалея белой куртки. Людмила достала из сумки газету, в которой еще на вокзале в ожидании поезда отмечала объявления о продаже, оторвала ненужные страницы и, скомкав бумагу, смела с могильных плит почерневшие листья, веточки, мусор прошедшей зимы.

— Ограду в прошлом году красили, а уже ржавчина полезла. Надо будет летом... — Она обернулась к сестре и замолчала.

Таня смотрела на мамину фотографию, лицо ее было жалким и растерянным. На подбородке дрожала слеза. Люда бросила газету, села рядом, взяла сестру за руку — и та заплакала уже не сдерживаясь.

Долго сидели, всхлипывая и утираясь скомканными платками. Молчали, вглядываясь в овалы с родными лицами. Уходя, Таня поцеловала портреты и тщательно стерла платочком следы своей помады.

* * *

Медленно шли по длинной аллее, то ли в мороси, то ли в тумане. Шли, соединенные недавними слезами, говорили то о прошлом, то о сегодняшнем.

— Слушай, я же недавно Колю встретила! Помнишь его? — Таня смотрела недоверчиво на Люду, которая только пожала плечами. — Что, не помнишь? Ну как же! На мехмате учился. На тебя заглядывался. Представляешь, наткнулась на него. Важный такой, с охраной... Узнал меня, бросился обнимать. Про тебя спрашивал.

— И что ты?

— Сказала, что у тебя все замечательно. А Сашка? Сашку-то не забыла?

Люда улыбнулась воспоминанию о сокурснике, который всегда оказывался рядом в очереди в студенческой столовке.

— Как он за тобой ухлестывал! А ты все — Витя, Витя... Да-а, неплохие у тебя женихи были.

Вдоль аллейки тянулись островки еще не растаявшего грязного снега, в кустах гаддели воробьи. На дорожку вышла женщина в черном платке с опухшими невидящими глазами и быстро пошла к выходу.

«Свежее горе, — подумала Людмила. — Совсем свежее. Сейчас ей кажется, что оно не отпустит, а пройдет несколько лет — и она тоже сможет спокойно идти мимо могил, и слышать писк воробьев, и вспоминать об ухажерах».

— Ну а Виктор как?

«Как?» Как можно ответить на такой вопрос? Как уместить в ответ радость и боль, единомыслие и непонимание, ссоры и близость?.. Всю жизнь.

— Как всегда — ищет.

— Работу?

— Работу... И себя.

Татьяна выразительно вздохнула.

— Тань, ты же знаешь — время такое выпало. — Людмила посмотрела на мрачно-серое небо. — Может, пойдём быстрее? По-моему, сейчас полет.

— Ничего. После вагона хочется подышать, прогуляться, — ответила Татьяна, и Люда поняла, что уйти от разговора не выйдет, как не получится свернуть с этой аллеи.

Недавние слезы просохли, и голос сестры колот Людмилу, словно сухая трава ступни бежавших по ней ног:

— И время потерял, и себя не нашел. Помнишь, что папа говорил? «Твой Виктор умеет строить только планы... И всю жизнь будет вместо пальто подавать надежды».

Зачем она об этом? Что она хочет — раскрыть мне глаза? Объяснить, за кого я вышла замуж? Сама знаю. Да, он такой! Не всем же президентами быть... Но спорить тут и сейчас не хотелось, и Людмила ответила примирительно:

— А помнишь, как бабушка говорила? «Бог и леса не уравнил...» Таня, ну не всем же дано... Да, он такой. Знает много — делает мало. Зарабатывает еще меньше. Зато всё в дом. Он способный, только не везет ему.

— Люда, я знаю, что Виктор хороший. И внимательный, и заботливый. Только хороший парень — не профессия.

Что отвечать? Да и зачем отвечать... Промолчала, только пожала плечами.

— Жалостливая ты, Людка. Жалеешь? Значит, любишь?

Люблю? Да, правда. И «не люблю» — тоже правда.

Таня посмотрела на нее внимательно, пытаясь расшифровать молчание:

— Не поняла?..

Люда опять пожала плечами.

— У тебя что, есть кто-нибудь?

А вот на этот вопрос можно ответить честно:

— Не знаю.

— Как это?

— Ну... как на это посмотреть...

Господи, какой глупый разговор! И врать не хочется, и прямо говорить невозможно. Непонятные вопросы, невразумительные ответы...

— И что он? — Таня смотрела с каким-то восторженным любопытством.

— Зовет.

— А ты?

— «Поздно! Я обвенчана, — отвечала Маша Дубровскому. — Я жена князя Верейского». Как я Витьку оставлю? И вообще, Таня, о чем мы? У нас с Витей через неделю серебряная свадьба! Пойдем в один ресторанчик... Точнее, это кафе, но очень симпатичное.

— Люда, не хотела тебя расстраивать, но до шестнадцатого я задержаться не смогу.

— Тань, ну как же?!

Неожиданно для себя она очень сильно расстроилась. Так хотелось этим праздником скрепить, склеить все то, что разваливалось, исчезало на глазах... Остановилась, смотрела на сестру огорченно.

— Людочка, извини, никак не могу! У нас на пятнадцатое билеты, летим с Мишей в Рим на конференцию. Поэтому я к вам только на три дня. Ты не расстраивайся, отметим ваш юбилей! Послезавтра — в ресторан. Я приглашаю.

Татьяна обняла ее, и Людмила, вдохнув нежный парфюм, подумала: ну что за детские обиды? Действительно, не могут же они отложить такую поездку. Ничего страшного, с Таней отпразднуем на неделю раньше. Это дни рождения отмечать раньше положенного — плохая примета. А годовщина свадьбы — совсем другое дело. Главное, что Таня приехала.

* * *

Они втиснулись в прихожую, отразились в зеркале, улыбнулись друг другу, и Людмила в первый раз подумала, что Таня, кажется, выглядит моложе ее, хотя должно быть наоборот. Но жизнь плевать хотела на паспорт, логику и порядок, как, впрочем, и на справедливость.

Из кухни появился Виктор в переднике:

— Наконец-то! Живо-живо руки мыть! Татьяна Николаевна, вперед! По старшинству, — провозгласил Виктор, но, заметив, как та нахмурила брови, сгладил: — А хороша-то, хороша... как в юности!

— Да ладно уж, — улыбнувшись, махнула рукой гостя. — Это тебе ничего не делается! В холодильнике, что ли, спишь?

Пока Татьяна плескалась в ванной, Люда заглянула на кухню:

— Помочь?

Виктор загородил спиной стол, замахал на жену руками:

— В комнату идите, в комнату!

Она подошла к нему, сказала негромко:

— Витя, я-то думала, что она раньше приехала, чтобы подольше побыть. А она — всего на три дня.

— Почему?

— У Миши командировка. В Рим. — Она встала на цыпочки и заглянула через его плечо. — Что ты тут затеял?

— Сюрприз. Обедаем сегодня на морском дне. — Он показал ей яркий пакет.

— Крветки? А где деньги взял?

— В свете сумм, названных Виталием Сергеевичем, одолжил у Кости.

— У Кости? А где ты его... Пстой! — От волнения она перешла на шепот. — Ты что — был у «атлантов»?

— Да.

— И?..

— Все в порядке, ставки растут. Есть за что продолжать борьбу.

— Витя! — Она взяла его за плечи, хотела тормозить и требовать подробностей, но в ванной перестала шуметь вода, и Виктор, улыбнувшись, подтолкнул ее к двери:

— Иди занимай гостью.

В комнате был уже расставлен стол-книжка и все что полагается: скатерть, тарелки, вилки-ножики. И ваза с тюльпанами.

Таня осматривалась, словно в музее. Люда пыталась себе представить, с каким чувством сестра разглядывает сейчас квартиру, где выросла и в которой не была столько лет. И которой скоро совсем не будет...

Нет, не надо сейчас об этом.

— Люда, что это? — Таня трогала пальцем дырки в дверном косяке.

— Это? — Она на секунду замялась. — Это Витя гвозди забивал.

Тренировался. Я ему как-то сказала, что он гвоздя забить не может.

Татьяна снова подняла тонкую бровь:

— Ну... не хочешь — не говори.

Ладно... Вроде пошутили.

Людмила перетирала и расставляла рюмки, поглядывая на сестру, которая с отрешенным видом бродила по комнате. Водила пальцем по корешкам книг, взяла с полки тоненькую вазочку — деревянную, лаковую, золотые мазки-лепестки на черном, улыбнулась как-то жалостливо:

— Вьетнамская, да? Помню, за такими гонялись. Модно было. Господи, как же это было глупо — давиться в очередях, чтобы купить вот такую чепуху, совершенно бесполезную. В нее даже цветочек не поставишь.

— А сейчас разве не так? Разве мы ничего не покупаем только потому, что модно?

— Нет. Только функциональное! Только то, что нужно и удобно. Я от всех этих финтифлюшек, вазочек-статуэточек давно отказалась. Ничего лишнего! В квартире должно легко дышаться.

Вошел Виктор:

— Девочки, еще пять минут — и все будет готово! — И он водрузил в центр стола бутылку.

— Коньяк? Нет, подождите... Витенька, ты куда мой багаж дел? Тащи сюда.

Татьяна приняла у Виктора и расстегнула свою пузатую дорожную сумку.

— Вот, к чаю. — Она поставила на стол круглую жестяную коробку с печеньем, коробку конфет, потом стала доставать еще какие-то баночки и шелестящие пакеты. — Печенье австрийское, вкусное, очень легкое. И конфеты оттуда. А это от Миши, наши фирменные, «Мишка на Севере».

— Тань, зачем ты?.. — Людмила растерянно смотрела на продукты. — У нас в магазинах все есть. Теперь в Москву за колбасой и сгущенкой ездить не надо.

Татьяна, еще порывшись в сумке, вынула бутылку и протянула ее Виктору:

— Забыла, надо было сразу... В морозильник положи, может, хоть немного остынет.

— Зачем ты водку-то тащила?

— И не думай, только эту пить будем! Я всегда с собой беру. Сейчас столько отравы! И вообще, это у нас любимая. Миша ее называет — «африканская».

— Африканская? — Виктор рассматривал этикетку.

Татьяна улыбнулась:

— Потому что горилка.

Виктор искренне рассмеялся, ушел на кухню и там громыхнул дверцей холодильника, напевая: «В желтой жаркой Африке...» — а Людмила осталась перед этим натюрмортом и не знала, что делать с коробками и баночками. Всё открывать или убрать? Родные ведь люди, почему же так неловко-то...

Но Таня подошла, обняла за плечи:

— Люда, ну что ты? Хотелось побаловать тебя вкусеньким. Ты же шоколад любишь. И все остальное... Я подумала: ну что ты сегодня будешь у плиты стоять? Лучше посидим поболтаем. Я же не знала, что Витя возьмется готовить. Не помню, чтоб он раньше... Вот и взяла, чтобы можно было сразу к столу, выпить-закусить... — И она чмокнула Люду в ухо.

— Да успеем наговориться!

— Ой, я еще тебе привезла... — Татьяна вернулась к сумке. — И не говори, что у вас тут все есть. Таких — нету. Это — настоящие итальянские. Там и покупала.

Она протянула коробку. Люда открыла ее, зашуршала папиросной бумагой и извлекла на свет изящные туфельки. Скинув тапки, она надела темно-синие лодочки и прошлась по комнате. Улыбнулась блаженно:

— Совсем на ноге не чувствуются. Как в тапочках... Танюша, спасибо тебе.

— Италия!

— Дорогие?

— Люда, перестань! Зато носятся долго. Качество! — Татьяна достала из сумки еще один пакет. — А Катюшка когда придет?

— А кто ее знает... Сказала — к вечеру.

— Позвони ей, поторопи.

— Да какая разница? Придет позже.

— Позвони, а? — сказала Таня. — Я часов в шесть хотела уже ехать. Людмила разувалась — и застыла с туфелькой в руке:

— Куда это?

— В гостиницу, — и быстро продолжила, отменяя все возражения: — Я номер забронировала, в «Центральной». Не обижайся. В поезде плохо спала, отдохнуть хочу, а у вас, то есть... у нас... Ни помыться, ни выспаться нормально.

Людмила совсем сникла.

— Таня, ну как это — приехать домой и остановиться в гостинице?!

— Нет, Люда, я уже здесь нажилась.

— У нас теперь не так, как раньше. Места много, комната свободная...

— С соседями за стенкой. — Таня неожиданно рассмеялась. — А помнишь, как мы их скандалы хотели на магнитофон записать?

— Отругались они... — рассеянно ответила Людмила. — Царствие им небесное... Там давно уже другие. Мирные.

В комнату заглянул Виктор:

— Тань, рассказывай, как у Миши дела? Почему не приехал?

— А работа?

— Взял бы отгулы.

— У кого? У самого себя?

Таня усмехнулась, и он смущенно почесал в затылке:

— Н-да, налицо конфликт труда и капитала... в одном лице.

Людмила, укладывая туфли в коробку, думала: наверное, она права — надо ко всему относиться проще. Все должно быть функционально. А я со своими ветхозаветными правилами и условностями... как со старыми вазочками. Действительно, зачем тесниться? Ах, родительский дом... Можно его любить издалека. С другого конца страны. И ночевать в хорошей гостинице.

— Витюша, ты нас кормить будешь? — спросила Татьяна. — Если у тебя еще не готово, может, мы пока чаю выпьем?

— Чаю? — Виктор замялся. — Кажется, кипятка не осталось. Сейчас... — И он ушел на кухню.

— В каком смысле — «не осталось»? — не поняла Татьяна.

— У нас газ отключили, — объяснила Люда. — На электроплитке чайник долго греется. С утра кипятим — и в термос наливаем.

— Все, никакого чаю! — крикнул из кухни Виктор. — К столу!

Он сам был доволен придуманным меню: бутерброды с икрой, салат с печенью трески и — гвоздь программы — огромная миска креветок. И возиться не надо, и при этом без примитивной колбасы и селедки. Знай наших! Правда, баночку маслин, привезенных Татьяной, он все же открыл.

— «Я не будний, я праздник, которого ждут!» — декламировал Виктор, усаживая дам. — Ужинаем сегодня на морском дне. Тигровые креветки! Щупальца осьминогов! Знаете, как их ловят? Опускают на дно веревку, к которой привязывают много глиняных горшков. А через несколько часов вытаскивают — и в каждом горшке по осьминожке. Они, глупые, домики себе ищут.

— И на дне квартирный вопрос не решен, — с усмешкой заметила Татьяна. — Кто бы мог подумать!

Для начала налили по рюмке не остывшей толком водки; выпили за встречу, закусили — шикарно! — бутербродами с икрой и тут же принялись за креветок. Пар от миски уже не шел, но оказалось, что остыли только те, что лежали сверху, а если взять поглубже...

— Ох! — Татьяна дула на пальцы, однако, очистив креветку, тут же отправила ее в рот и снова охнула. — Люд, соку, соку! — И задышала широко открытым ртом.

Виктор назидательно поднял палец:

— Вот! Нетерпение — наша главная беда! — и со значением посмотрел на жену.

— Обожглась? Сильно? — Людмила налила Тане сока, та стала жадно пить, а Виктор следом протянул ей рюмку водки:

— Продезинфицируй.

Посмеялись. Он налил рюмку и Людмиле, поднял свою:

— Девочки! Дорогие! С праздником! Кстати, вы знаете, что наступает после Международного женского дня?

— Что? — спросили они хором.

— Международная женская ночь.

Креветки — еда веселая: приготовленные вилки и ножи не пригодились, никаких церемоний, руками... Смеялись, жевали, дули на пальцы. Виктор поглядывал на них, сосредоточенно прицеливающихся — выбирающих креветку покрупнее, прыскающих в ответ на его шутки, раскрасневшихся от выпивки и его комплиментов. Сестры. Едва уловимое сходство в лицах, но зато большое родство в интонациях и мимике, словно связками и мышцами управляют какие-то невидимые одинаковые шестеренки.

Звенели рюмками, говорили, перебивая друг друга: «Помнишь? Не может быть! Вспомни!..» О танцах в горсаду, о спрятанном от мамы дневнике с двойкой, о лотке с мороженым на углу, возле гастронома, там, где теперь салон красоты... Посмеявшись, замолкали, перебирая в памяти какие-то мелочи, и снова начинали: «А когда тебе было восемь...» Тогда Виктор представлял, как две девчонки в школьной форме, бросив на скамейку портфели, чертят на асфальте возле дома «классы» и скачут, подбивая ногой плоский камешек.

После очередной рюмки Татьяна, взяв из вазочки маслину, спросила:

— Ребята, так что у вас с квартирой? Я по телефону не совсем поняла, думала, тут какие-то дальние перспективы, а у вас, гляжу, уже и газа нет.

— Неделю назад отрезали, — ответила Люда. — Больше половины соседей уже выехали.

— И сколько за нашу двушку дают?

— Ты спроси — сколько теперь дают, — вмешался Виктор.

Он рассказывал о том, как торгуется с фирмой, — будто угощал икрой. С тем же чувством — знай наших! Поднять цену в три раза — это вам как? Неплохо, а?

— Вот что значит потерпеть, а не хватать горячее, — подмигнул он Татьяне.

— Вить, а в тебе, оказывается, скрывался гений бизнеса! — сказала она и повернулась к Людмиле: — Ну и как вы планируете с нами поделиться?

Виктор увидел, как покраснела жена. Подумал, что и сам, наверное, выглядит не лучше.

Был у них об этом разговор, был, всего пару недель назад, после того как Катя заявила о своей доле. Он спросил тогда Люду: «А Таня? Она свою часть не потребует?» — но она только посмеялась: «Ты что?! При их доходах? Да Миша в месяц столько получает. И потом, мы же не просто так — взяли и решили вдруг продать и прогулять... Расселение. Нам же надо взамен себе квартиру искать».

Теперь Люда смотрела растерянно:

— Тань, ты о чем?

Виктор чувствовал — она ждет, что сестра рассмеется и скажет: «Да шучу я, шучу!» Но Таня спокойно и серьезно втолковывала младшей, будто малышке:

— Люда, это квартира наших с тобой родителей. Наше с тобой наследство. Твоя доля и моя доля. — Она вытерла пальцы салфеткой и после долгой паузы спросила: — Я что-то не то говорю?

Она смотрела только на Людмилу, и Виктор решил, что надо оставить их вдвоем, то есть... снова уклониться. На этот раз — от войны за испанское наследство. И правда, родительская квартира, дело семейное... Вышел на кухню, закурил, усмехнулся невесело. Тогда бежал от разговора с Катей, а теперь...

Из комнаты доносился напряженный голос жены:

— Таня, ты что?! Для вас же это вообще не деньги! Вы и раньше-то, благодаря Мишиной должности... а теперь... Ты понимаешь, что для меня это единственная надежда пожить по-человечески? Не в роскоши, а по-че-ло-ве-чес-ки!

— При чем здесь Мишина должность? И что — раньше? Крутились, сэкономили на всем. За границу ездили — пакетных супчиков полные чемоданы, чтобы привезти что-нибудь.

— А сейчас? У вас же все есть. Получишь ты свою долю — так ты же ее за месяц потратишь! На туфельки и косметику.

Они не кричали, но голоса звенели от напряжения.

— А какая разница, как я потрачу? Получается, раз я не нищая, то не имею право на наследство?

— Наследство?! Ты... Ты же уехала — и всех нас с глаз долой! Столько лет... А ты знаешь, что такое со стариками жить?

Она замолчала. Об этом говорить было бесполезно. Конечно, Таня знала, что папа, их замечательный папа быстро оправился после первого раннего инсульта, но стал жутко брюзгливым и с памятью начались серьезные проблемы. Что у мамы через несколько месяцев после его смерти отказали ноги и последние полтора года она лежала или сидела в кресле, которое Виктор разворачивал то к телевизору, то к окну. Но одно дело — знать, а другое — с утра до вечера слушать ворчание о том, как раньше было хорошо, а теперь кошмарно, и три, пять, десять раз в день отвечать на один и тот же вопрос, пытаться объяснить, почему цены теперь в миллионах, а Катя ходит в таких обтягивающих штанах... Одно дело — знать, а другое — жить в этом. Видеть, как меняется до неузнаваемости близкий человек, мучиться от раздражения, бессилия и жалости.

Конечно, Таня тогда присылала им деньги, лекарства. Она предлагала и любую другую помощь, но они отказывались. В самом деле — не вызывать же было ее с другого конца страны, чтобы ухаживать за мамой... Что они, сами без рук? Раз уж так сложилось, что Таня далеко, а они — с родителями.

Так сложилось... Никто ничего не делал специально — шли по той дороге, что была. Жили вместе с родителями — и весь груз их старости взяли на себя. Но Таня не принимает этого «так сложилось». Они с Михаилом всегда все складывали сами — так, как надо.

Виктор сломал сигарету в пепельнице. Да, этот узелок не распутать. Как тут быть, чтобы справедливо, честно и по закону?..

Он вошел в комнату в тот момент, когда Таня ледяным тоном произнесла:

— Значит, тебе за то, что ты ухаживала за родной матерью, полагаются деньги? И сколько это стоит? Ладно, я еще с юристом посоветуюсь.

Людмила вскочила, хотела выйти, но Виктор перехватил жену в дверях и усадил за стол.

— Девочки, тише, тише. Как говорил кот Леопольд, давайте жить дружно! Таня, ты остынь. Делить-то пока нечего.

— Как — нечего? Ты же сказал — вам шестьдесят тысяч дают.

— Дают. А мы не берем. Еще можно потянуть кота за хвост, и через месяц они дадут больше.

— И сколько ты хочешь?

— Двести.

Татьяна посмотрела на него с сожалением:

— Все не так плохо, как я думала, все гораздо хуже. Ты ненормальный. Они столько не дадут.

— А куда они денутся, если мы не съедем?

— Да вышвырнут они вас отсюда!

Она заговорила спокойно и уверенно, и Виктор похолодел. Он пытался ее перебить:

— Не имеют права, я узнавал, квартира приватизирована, — а Татьяна продолжала, зачем-то постукивая ладонью по столу. «Будто свай забивает», — промелькнуло у него в голове.

— Газ уже отрезали? Все остальное тоже отключат. Ты хочешь сидеть при керосинке? Будешь носить на четвертый этаж воду, греть ее на примусе, стирать в тазике? А они устроят пожар. Или разольют ртуть. Очень просто — купят в аптеке пару десятков обыкновенных градусников... У вас же в магазинах все есть... и в аптеках тоже. Потом приедут эмчэсники — и мигом тебя эвакуируют. Понял? Тебя не выкинут, а эвакуируют! Чтобы сделать в доме дезактивацию.

— Ну, эвакуируют...

— Отвезут на эвакуопункт, сдадут врачам. Даже если мигом сюда вернешься, за это время в квартире разрушат стенку. Случайно. Экскаватор ковшом стену зацепит. Неумышленно, конечно. Такому дому много не надо — сразу получится Пизанская башня. В суд пойдешь? Правильно! Они тебе честно вернут деньги. Только уже никаких договоренно-

стей! Получишь по экспертной оценке. Это, Витя, не шестьдесят тысяч. И даже не сорок... А еще тебя можно объявить психом. Заберут в диспансер...

— Нет, подожди. — Он растерянно потер лоб. — А если в прокуратуру?..

— Витенька, ну неужели ты думаешь, что у серьезной девелоперской фирмы не решены все вопросы в прокуратуре? Тебе там скажут, что разберутся... и все.

Людмила, которая до сих пор сидела безучастно, прикрыв глаза, вдруг посмотрела на Татьяну:

— Откуда ты все это знаешь?

— У Миши доля в строительной компании. Там такие истории каждый месяц. — Она словно обожглась о взгляд Людмилы, вспыхнула и продолжила возмущенно: — И я их понимаю! Сто квартир выкупили, а из-за сто первой стройку останавливать? А сколько людей без работы останется, ты подумала? Только потому, что какой-то дедушка хочет умереть в квартире, где прожил свою счастливую жизнь?

Она замолчала. Сидели глядя в стол, Виктор вертел в руке вилку. Когда она выскользнула из пальцев и со звоном упала на тарелку, Людмила с Таней вздрогнули, но так и не посмотрели на него. Наконец Татьяна произнесла:

— Витя, дают шестьдесят — бери. Лучшее — враг хорошего. Зачем тебе двести?

— Потому что двести — больше.

— А почему не сто пятьдесят? Не триста?

Он молчал.

— Витя! Ты можешь объяснить?

Еще полчаса назад, когда они, смеясь, ели креветок, он готов был рассказать ей о суде и кредитах, но сейчас боялся, что Татьяна опять несколькими фразами разобьет все задуманное. И Люда, которая, услышав про шестьдесят тысяч, смотрела с радостной улыбкой, снова закроет дверь в спальню на ключ у него перед носом.

Да не в суде дело, не в креветках, не в собственном бизнесе! Но он даже Людке сейчас не может этого объяснить — не нашел еще таких слов. Тем более — Татьяне...

Хлопнула дверь. Людмила вскинула голову и негромко, но твердо сказала:

— Таня, давай потом договорим.

Виктор увидел, как Татьяна поджала губы, но через секунду уже улыбалась навстречу Кате. Все-таки Людмила не зря столько лет проработала в школе. Умеет включить такую интонацию, что не поспоришь...

Катя уже обнимала и целовала родную тетку, по требованию Тани («Не спеши, дай полюбоваться!») отстранилась, прошлась по комнате модельным шагом.

— Господи!.. Встретила бы на улице — не узнала! Что ж ты одна, без мужа?

— А он пока не муж, — легко улыбнулась Катя.

— Да? А я думала — раз вместе живете... Ну что, еще по глоточку — за женский день? Витя, наливай!

Он засуетился, наполняя рюмки, Люда стала раскладывать всем на тарелки салат, а Катя тем временем расспрашивала тетку о столичных театрах. Оказалось, что Таня в них бывает редко:

— Ставят одно и то же: Чехов, Шекспир, Островский... Я это все еще в молодости пересмотрела. А ты к нам не собираешься? Ты же когда-то хотела в столице в театральный поступать.

— Да поздно мне уже, тетя Таня, — устало произнесла Катя.

— Поздно в искусстве не бывает, в искусстве бывает только рано, — вмешался Виктор.

Татьяна глубоко вздохнула:

— Правильно, Катя. Всю жизнь говорить чужие слова не своим голосом... Театр — это несерьезно. Опору надо в жизни искать, о будущем думать.

Она произнесла это с таким ожесточением, что Катя удивленно замерла. Люда вздохнула:

— Таня, ну ладно тебе...

Виктор вскочил и начал новый тост:

— Хочу выпить за Клару Цеткин и Розу Люксембург. Был у них когда-то большой цветочный магазин, но торговля шла хуже некуда, особенно весной. Тогда они придумали Международный женский день, и цветы стали уходить, как дети в школу. А на вырученные деньги дамочки организовали мировую революцию, главной целью которой было — отменить деньги как таковые...

Таня сдержанно улыбалась, а Людмила смотрела в тарелку: эту историю она слышала уже не в первый раз.

— Ну, за женский день, за прекрасных дам, в том числе и за присутствующих.

Наконец выпили. Напряжение спало.

Через пару минут Таня поднялась:

— Извини, Люда, пойду я. Голова разболелась, лечь хочу.

— Вы разве не у нас?

Катин вопрос повис без ответа. Таня вышла в прихожую, но, надев куртку, вернулась:

— Катюша, мы послезавтра в ресторан идем. Часов в пять приходи, отсюда поедем вместе. У тебя есть что надеть?

— Конечно. Я приду. — Катя растянула губы в улыбке, и Виктор подумал: «Репетирует. Элиза Дулитл на приеме».

Проводив Татьяну, Люда вернулась к столу. Начала прибираться, ссыпала в одну тарелку креветочные очистки, что-то перекалывала и переставляла под внимательным взглядом Кати. Потом села, стала чистить креветку:

— Остыли наконец-то. Катюша, ешь. Вкусные. — И Виктор услышал в ее голосе слезы.

Катя обернулась к отцу:

— Вы чего тут?..

— Да так... — Он кисло улыбнулся. — Делили шкуру неубитого медведя.

Катя подняла брови:

— И как?

— Тетя Таня хотела хвостик на воротник, — хмыкнул Виктор.

Катя расхохоталась так заразительно, что он тоже засмеялся и у Людмилы поползли вверх уголки губ.

Отсмеявшись, Катя пошла на кухню, вернулась с одной из Таниных подарочных коробок. Открыла, достала конфету, отправила в рот.

— Мм... Неплохо. Надо чайник поставить.

Людмила быстро вышла на кухню — то ли затем, чтобы включить плитку, то ли хотела вытереть глаза.

В комнате погас свет.

— Люд, ты плитку включила? — крикнул он.

— Да. — Она появилась в дверях, растерянная, с чайником в руках. — Это пробки, да? Или...

Он перебил Людмилу и сказал строго, повернувшись к дочери:

— Катя, какой чай? Сок же есть!

Снова расхохотались, и Людмила, не скрываясь, вытирала выступившие слезы.

* * *

Дом видел, как женщина в белой куртке решительным шагом спускалась по лестнице. Она задержалась только на площадке между первым и вторым этажами. Именно здесь много лет назад она целовалась с парнем и вздрагивала, когда наверху хлопала чья-то дверь.

Женщина остановилась.

Дом замер — ему показалось, что она всхлипнула.

Женщина рассматривала сломанные перила, торчащий гвоздь и свой порванный рукав. Губы вздрагивали — точно так же, как тогда (Дом помнил и узнал!), когда она, второклашка с косичками, шла домой из магазина. Деньги потеряла, которые мама дала, чтобы купила хлеб, молоко и — главное! — себе мороженое.

Сейчас, почти плача, она рассматривала рукав. Потом сжала губы, в последний раз шмыгнула носом и пошла дальше, тем же решительным шагом. Миновав площадку, где когда-то целовалась.

Она не вспомнила. Так и ушла, не оглянувшись на Дом.

На следующий день она пришла сюда снова, но не стала подниматься, а села на скамейку у подъезда и тут перехватила сестру, возвращавшуюся с работы со стопкой школьных тетрадей в кульке. Вдвоем они ушли в сторону ближайшего кафе.

* * *

Людмила вернулась только через час. Подходя к дому, она по привычке вскинула голову, чтобы встретиться глазами с тем, кто, может быть, стоит у окна на четвертом этаже. У кухонного окна с голубыми за-

навесками. Или у окна в комнате, где уголок форточки перечеркнут тонкой трещиной. Но там никого не было. Он ушел, так что могли с Таней и дома поговорить, а не в кафешке, где сквозняки гоняли по залу лоскуты табачного дыма.

Теперь она может посидеть на кухне одна. Смотреть на чайник, тихонько ворчащий на электроплитке, и думать о том, что сказала ей сестра.

Конечно, если бы они просто поменяли квартиру, одну на другую, не было бы никаких разговоров о наследстве, никаких вопросов. А теперь:

— Люда, почему вы не соглашаетесь на шестьдесят тысяч? Почему двести? Что он с ними собирается делать? Людочка, я просто за тебя боюсь. Ты не представляешь, что в этом бизнесе творится! А если вы вообще останетесь без ничего? Люда, такое — сплошь и рядом...

Страшно. Ведь и на самом деле можно остаться без крыши над головой.

Таня больше не говорила про свой поход к юристу, а Люда не спрашивала, боясь наступить на мину, способную разорвать кровные узы навсегда.

Она прислушалась — и поняла, что чувствует гулкую пустоту квартир, оставленных соседями.

Где-то раздавался мерный стук.

По коже побежали мурашки: может, кто-то заколачивает ящик с собранными к отъезду вещами? Нет, слишком редкие удары. Будто пульс старика, слабый и неровный.

Страшно.

Свист чайника заглушил странные звуки. Людмила быстро сняла чайник с плитки.

Тишина.

Она налила кипятка, бросила пакетик — и над чашкой поднялось облачко пара, пахнущее жасмином.

Больше не стучат? Она напряженно прислушивалась и вздрогнула от резкой трели телефона.

* * *

Поговорили. Совсем быстро. Она осторожно отхлебнула чай — горячий еще, не успел остыть.

Раньше она радовалась каждому его звонку. Даже если не было возможности разговаривать и приходилось произносить равнодушно: «Перезвоните, не слышно», — все равно ей становилось тепло, будто он снова набросил ей на плечи свою куртку, как в тот сырой осенний день. А теперь... Она была одна дома, но разговор не клеился. Он спрашивал, она бормотала в ответ невнятное и краснела. То, о чем думала, вслух сказать не могла.

«Что ты делаешь?» — «Да так, по дому...»

Что я делаю? Собираюсь гладить блузку. Для завтрашнего вечера.

«А завтра? Не встретимся?» — «Нет, извини. Сестра приехала, мы с ней несколько лет не виделись. Завтра идем в ресторан».

И там будем отмечать серебряную свадьбу. Нашу с Витей.
«Ты чем-то расстроена? Что-то случилось?» — «Нет-нет, что ты...
Просто устала немного».

Немного. Устала. Устала... устала... устала... устала.

«Я скучаю по тебе. Я тебя люблю». — «И я».

Я?.. Люблю?..

Она водила утюгом по серому шелку. Измятая ткань становилась гладкой, блестела празднично. Хорошо, что пока электричество не отключили.

В голове сами собой всплыли строки стихотворения Виктора: «Мы похожи. Может, даже очень...» Надо же, оказывается, она знает наизусть. До этого единственным стихотворением Виктора, которое она помнила, были пять строк на тетрадном листе, оставленные им на ее столе в аудитории перед лекцией по теории литературы. После того как она отказалась от сделанного им предложения и заявила, что они никогда не будут вместе.

Как сказала Таня? «Жалостливая ты. Жалеешь? Значит, любишь?»

Жалость. Само слово ей раньше казалось каким-то кислым, а теперь... Получается, без жалости у любви совсем другой вкус.

Людмила повесила блузку в шкаф, достала рубашку Виктора. Он теперь рубашки надевает редко, поэтому все неглаженные. Зимой — свитера, летом — футболки. А раньше — каждый день рубашка и галстук, как униформа. Пятнадцать лет в школе, в те времена, когда за неправильный внешний вид директор мог выволочку устроить что ученику, что учителю.

Виктор ушел из школы со скандалом. Руководство, с одной стороны, понимало увольнявшихся, особенно мужчин. На эти копейки жить невозможно. Но, с другой стороны, написать заявление в середине года... А он не слушал никаких уговоров, отмахивался от вопросов — куда? почему так срочно? — стащил с шеи галстук, уволился... и — началось.

Он покупал и штудировал тощие брошюры с длинными названиями, что-то типа «Если ты умный — почему не богатый?» или «Как привлечь денежные потоки в свою жизнь» (Людмиле все эти «как» и «почему» казались насмешкой). Он пытался следовать рекомендациям бизнес-гуру и искал «ниши». Все, которые находил, казались Людмиле сомнительными, но, видимо, кто-то из «великих» в какой-то из книжонок призывал рисковать. И Виктор рисковал, однако все его идеи рассыпались в прах. Он оформлял, регистрировал, получал разрешения, но очень скоро появлялись проблемы, о которых в брошюрках не писали.

Тогда ее утешало одно: он перестал пить, и даже когда очередная забота проваливалась, не брался за рюмку.

Пить перестал, но начал курить.

Нельзя сказать, что курил так, как Людмила, — нет, только когда нервничал. Но количество выкуренного было пропорционально нервному напряжению.

Людмила погладила рубашку, достала другую. Может, надо было эту? Снова включила утюг.

Она уговаривала его вернуться в школу — он только смеялся. Она нашла для него место в торговой фирме, где работал муж хорошей приятельницы, но Виктор отказался. Он листал рекламные газеты, загорался очередным проектом, потом остывал и, наконец, устраивался на работу, но все, что казалось Людмиле стабильным и просто нормальным, обходил стороной. То пошел администратором в салон красоты для животных, то в брачное агентство — редактировать письма девиц, рвущихся в невесты. Зарботки в таких заведениях были в духе тех лет: не аванс, не зарплата, а так — время от времени толстая пачка купюр, сотни тысяч и миллионы, которые разлетались за неделю. Часто вместо денег приносил продукты или вещи: «Девчонки, налетай! Сегодня опять бартер. По-моему, неплохо, а?» — и вручал им с Катей коробку колготок или импортного мыла, дефицитный в то время чай... Так «зарабатывали» многие, и у Людмилы в учительской быстро наладился обмен. Были моменты, когда он нигде не работал, но вдруг приносил деньги, и она могла только догадываться — одолжил? где-то подхалтурил? У кого, как?..

Виктор пытался помогать ей по дому, мыл пол, неуклюже комкая тряпку, или пылесосил, но редко доводил уборку до конца. Людмила в ужасе замирала, когда он брался починить кран или побелить потолок, пятнистый после очередного потопа — иногда после его ремонта становилось только хуже. Зато, когда начались проблемы с мамой, он хлопотал вокруг нее лучше любой сиделки.

Катьке было тринадцать или четырнадцать, когда она вдруг спросила: — Ма, а за что ты папу полюбила?

Странно, сегодня Людмила помнила, что они были на кухне вдвоем, на плите кипел вермишелевый суп, а Катя ела гречку, посыпав ее сахарным песком. А вот что она тогда ответила дочери — не вспоминается. Наверное, что папа добрый и честный. А что еще можно ответить девочке такого возраста...

Людмила услышала, как в скважине завозился ключ, хлопнула дверь.

* * *

Он бодрился, но понимал — завтра в ресторан пойти не сможет. Ему казалось, что болит все тело, от макушки до пяток, к тому же последние полчаса он чихал как заведенный. Люда смотрела огорченно: было ясно, что к ночи у него поднимется температура и всю следующую неделю он проведет в постели. Конечно, никаких отлучений, и Таня к ним больше заходить не должна. Не хватало еще, чтобы она тоже загрипповала, у нее же через неделю Вечный город!

Он говорил уже осипшим голосом:

— Почему все отменять? Идите без меня, посидите... — Но Люда не слушала, сняла трубку, набрала номер.

Пока Виктор передевался, она успела позвонить (из-за собственного чихания он так и не услышал, о чем они с Татьяной договорились), поставить чайник, найти нужные таблетки и полбанки засахарившегося малинового варенья.

Час спустя он, закрыв глаза, лежал на диване. Словно сквозь вату слышал, как на кухне льется вода, позвякивает посуда. Опять засвистел чайник — наверное, Люда решила запастись кипятком и наполняет термос. А может, будет варить на завтра суп? Но зачем, завтра же ресторан...

Он услышал ее шаги, почувствовал, как она присела на край дивана и осторожно тронула его лоб тыльной стороной чуть влажной кисти руки. Не открывая глаз, схватил ее пальцы, прижал к щеке.

— Люд, а что Таня подумает? Что я специально... чтобы больше не говорить с ней про квартиру?..

— Ничего она не подумает.

Он разлепил веки. Даже сумеречный свет резанул по глазам.

— Люда, давай я с ней по телефону поговорю, а? Чихать в трубку не буду, честное слово. Я просто ей объясню про деньги...

— Я сама с ней завтра поговорю.

— А Танька наша — молодец. — Он усмехнулся. — К юристу собирается. Вот что значит деловые люди.

— Ни к кому она не пойдет, это она так лягнула, — успокаивая себя и Виктора, почему-то тихим голосом произнесла Людмила. — Просто Таня переживает. Она же на самом деле знает, что эти, строительные, могут сделать. Поэтому за нас боится. — Людмила встретила с ним глазами и продолжила: — И я боюсь. Витя, я очень боюсь.

Она говорила, так и не отняв руки — пальцы послушно лежали под его горячей ладонью.

— Люда, да ты что?! Людка! — Он приподнялся и сел. — Ты думаешь, что я это все — только ради денег? Да не буду я никакое судно покупать, не буду!

— Витя, а зачем тогда?

— А затем! — В запале он попытался говорить громче, но тут же поморщился и перешел на хриплый шепот: — Чтобы они поняли, что я тоже человек! А не пешка. Они меня с одной клетки на другую, с черной на белую, с белой на черную, а я хочу — на пять шагов вперед!

— Да плюнь ты на них...

— Лю-юда! Ну как же ты... Ты! Ведь твой же отец!..

— А что — отец?!

Неужели она действительно не понимает?..

Он всегда считал Николая Петровича человеком принципиальным, но недалеким и заикленным на своей работе. Он относился к тестю так, как большинство молодых — к «старикам». Хотя какой там старик, и стариком-то побывать не успел, умер, когда ему было шестьдесят пять.

О той истории с захватом и ожиданием штурма дома в семье вспоминали нечасто, а Виктор серьезно задумался о ней уже после смерти тестя — и теперь жалел, что в свое время не расспросил его о подробностях.

— Люда, сама подумай — твоего отца могли уволить... и не «по собственному». Всю жизнь сломали бы, работал бы потом дворником... А могли и в психушку пристроить. Тогда такое — запросто! Почитай, что теперь пишут про карательную психиатрию: изобрели диагноз «вляоте-

кущая шизофрения» и сажали всех, кто мешал строить светлое будущее, в больницу с решетками на окнах. А он — решился! Почему? Только потому, что квартиру хотел? Дали бы ему квартиру, через годик. Просто он не хотел, чтобы за него всё решали! Мы в ответе не только за тех, кого приручили, мы ответственны за все, что можем изменить.

Если бы Виктор в этот момент закашлялся, вообще был бы как герой в старом фильме про революционеров, который умирает от чахотки. Но он не кашлянул, а чихнул, смешно сморщившись, потом еще и еще раз, и у Людды дрогнули уголки губ.

— Лежи, борец. — Она подтолкнула его на подушки. — Чаю еще выпьешь?

Он лег и почувствовал — знобит. Плохо... Не вовремя. Надо наведываться в «Атлант», надо помогать Люде хотя бы готовить, чтобы она после работы не возилась с плиткой.

— Людка, не бойся! Все будет хорошо. Очень хорошо. Потерпи еще немного.

Она перестала улыбаться и смотрела очень серьезно. И с жалостью. Его прошиб пот: жалеет.

Она опять прикоснулась ко лбу, и ему показалось, что пальцы у нее ледяные.

— Думаешь, это у меня бред?

— Я думаю, что еще одна чашка с малиной не помешает.

Она поднялась и ушла на кухню.

* * *

У дверей подъезда загружали очередную машину. Молодые парни таскали мебель, ящики, тюки, сплевывали и матерились, не стесняясь ругать хозяев:

— Серёга, принимай столик. Держи, говорю, он рассыплется щас! На помойку это все надо свезти, а она еще ноет — «не разбейте, не сломайте». Таскают за собой такую рухлядь!..

Рыжий в комбинезоне вынес большой узел и люстру, хотел передать напарнику, который принимал вещи и укладывал их в фургоне, но тот замешкался, и рыжий оставил свой груз на скамейке у подъезда.

Люстра на скамейке. Старенькая, на три рожка, узорчатые плафоны: стекло — будто в снежинках.

Дверь в подъезд качнулась, раздался печальный скрип петель. Дом узнал эту люстру. Ее повесили в тот самый день... В день, когда Дом взяли. Взяли без спросу и заняли круговую оборону.

Эта стройка была особенной. Строили для себя. Работникам строительного управления № 15 сразу пообещали, что три четверти квартир в Доме достанутся им, и, когда *выгнали* первый этаж, они ходили по панельным лабиринтам и осматривались с таким восторгом, будто гуляли по дворцу. Хотя — какие еще дворцы? Дворец — это наше проклятое прошлое, с которым уже навоевались, а отдельная квартира — светлое будущее. И не тот коммунизм, до которого еще шагать и шагать — лет

двадцать, так обещали, — а совсем близкое. «К лету успеем? Сдадим?» — «Ну, если поднажмем...»

И «нажимали»... как могли. В три смены, плюс субботники и воскресники. Когда были перебои с материалами, не посмеивались, как раньше: «Раствора нет — сижу курю. Кирпича нет — сижу курю», — а ругались крепко. Кричали на Павлова: «Петрович, что за дела? Потопропи там!» Но это на работе, а вот дома счастливики, попавшие в список, наоборот, ругались меньше. В крохотных комнатках с ширмами и огромных кухнях коммуналок и общаг почти утихли скандалы: ничего, потерпим, сколько уж там осталось? Уже четыре этажа! А ордера? Ордера скоро начнут выдавать, обещали в следующем месяце. Ну когда же?! Уже отделочные начались!..

Как раз тогда, когда начали работать штукатуры, по управлению пошел слух: ордеров не будет. Потому что этот дом обком забирает для себя, для своих очередников. Начальник СМУ пытался добиться, чтоб хотя бы половине очередников из утвержденного списка дали жилье сейчас, но в обкоме ему сказали:

— Ваше управление уже начало строительство следующего дома?.. Ну вот. В нем и получите... Там первый этаж готов? Вот. Вы свои сроки работ лучше нас знаете. Потерпите.

С этим, последним, словом было особенно нехорошо. Вначале говорили, что товарищ из обкома попросил: потерпите. Но когда в управлении стали друг другу пересказывать беседу в кабинете, уже зазвучало «потерпите». С ударением на втором, а не на третьем слоге. И интонация была другая.

Ходили мрачные, крыли и обкомовских, и свое начальство.

— Не-е, ребя, вы как хотите, а я увольняюсь.

— И куда пойдешь?

— В семнадцатое. Там начальник — мужик, он бы добился.

А наши...

— Та ладно, они сами без хат остались. Вон и Романенко должен был получить, и Павлов тоже в списке.

Большинство, изматерив бессильно всех и вся, в конце концов притихли, только крановщик, конопатый молчун Кравцов, вдруг заговорил — все ходил от одного к другому, заглядывал в глаза и монотонно бубнил:

— А вот я вселюсь. Мне обещали? В список внесли? Что мне теперь?.. Вселюсь. А что они мне сделают? Что?

От Кравцова отмахивались, а между собой ворчали:

— Ладно, чего теперь?.. Будем следующего ждать. Если эти суки опять не обманут.

В здании заканчивали отделку, подключали коммуникации.

До сих пор Павлов называл его объектом, как и все свои предыдущие стройки. «Я на объекте... когда вернусь с объекта...» А теперь смотрел на пятиэтажку и понимал — это Дом.

В пятницу в конце рабочего дня Павлов собрал всех «списочников» и начал странно:

— Вот тут Кравцов вселиться собирается... Боюсь, скучно ему там будет. Может, составим Кравцову компанию, а?

Дальше Павлов говорил уже без шуток. Он предложил вселиться в Дом. Всем без исключения. Как трудовому коллективу, который поверил обещаниям руководства управления и добивается справедливости.

Гробовое молчание нарушил все тот же Кравцов, пробормотавший тихо:

— Выкинут они нас.

Но Павлов его расслышал:

— Вот если одни вселятся, а другие побоятся — тогда выкинут. И не только из нашего дома, но, может, и с работы. Поняли? В общем... Предлагаю. Вселяемся. Завтра, быстро, за один день, все сразу. По поводу машин я с базой договорюсь. А когда въехали — на чемоданах не сидим. Чтобы к вечеру у всех были окна вымыты, занавесочки висели, а на балконах белье сушилось. Чтобы они знали — мы не хулиганы какие-то, мы... в общем... — Он сбился, помолчал и закончил: — Ну... все. Думайте. Полчаса.

Они согласились, все.

На следующий день вселились, и Дом стал напоминать муравейник. Они сновали по лестницам, тащили наверх табуретки и этажерки, половики и подушки. Еще утром пустые, бетонные коробочки наполнились стуком и грохотом: до поздней ночи в Доме двигали мебель, прибывали карнизы, полки, крючки. Вечером Павлов пошел по квартирам, чтобы еще раз обсудить, что делать и говорить, когда начнется. Зашел к соседу, с порога оглядел «залу». Конечно, вещи пока не все разобраны, везде узлы, тюки, но на окне — шторы в цветочек, вместо голой лампочки — люстра, три узорчатых плафона, стекло — будто в снежинках... и в комнате уже уютно. Хорошо. Правильно.

Скандал был громким. Сколько начальников всех мастей Дом повидал за две недели! Они приезжали в одинаковых, наглухо застегнутых костюмах, мрачно смотрели на балконы, завешанные пеленками, ходили по квартирам, уговаривали, угрожали, нервно теребили узлы затянутых — в самую жару! — галстуков, багровели лицами, промакивали лбы наутюженными платками. Жильцы повторяли как заведенные:

— Нам обещали. У нас дети. Условия невыносимые, коммуналка. Мы год без отпусков, без выходных, субботники... Нам обещали!

Мужчины старались говорить спокойно, женщины срывались на крик. В строительном тресте всех по одному таскали: партийных — в партком, беспартийных — в профком; там повторялось то же самое.

Первую неделю в Доме практически не спали — ждали, что приедут с милицией и выселят. Почему-то были уверены, что это будет ночью.

Две недели спустя Павлов стоял на кухне у окна, мял папиросу и смотрел, как из машины, остановившейся возле подъезда, выходит высокий мужчина в сером костюме, с упитанным портфелем. Через минуту в дверь позвонили. До конца жизни он помнил, как Вера вцепилась в его руку.

Человек с портфелем сообщил Павлову, где и в какое время жильцы Дома могут получить ордера.

Стоя у окна, они с Верой смотрели, как этот, в костюме, усаживается в машину. Только тогда, когда авто скрылось за поворотом, Вера зарыдала, а вслед за ней моментально разревелись испуганные девчонки, Таня и Люда.

Почему им это сошло с рук? Павлов сам так и не понял. Кто-то считал, что они взяли числом: выселить сорок три семьи, с детьми — слишком много шума. Поговаривали, что обкомовским руководством не очень довольны на самом верху, поэтому начальство и решило все спустить на тормозах, пока в ЦК детально не поинтересовались, что тут происходит.

В общем, скоро все получили документы, ходили радостные, но Павлов попросил радоваться исключительно в семейном кругу и не очень-то болтать об этом деле с приятелями. И если кто расспрашивать будет — тоже обойтись без подробностей. Да, было недоразумение, вовремя новоселам ордера не выписали, но уже все улажено.

Его послушали, зря не болтали, но со своими и под бутылку об этой истории, конечно, говорили еще долго. И Дом в округе так и называли — «Дом Павлова». С тонким намеком на тот самый знаменитый сталинградский дом, так и не сдавшийся врагу.

Сейчас-то об этом забыли почти все...

Апрель

Катя заняла очередь за молоденькой девушкой, совсем еще девчонкой, села и расстегнула куртку: душно, а гардероба тут нет. Перед девчонкой сидит еще одна, с журнальчиком. Уже начало четвертого, а прием — до пяти часов. Успею? А потом — к родителям. К ним сегодня обязательно надо заскочить. Две недели не была, только звонила, а со вчерашнего дня у них телефон не отвечает. Сто раз уже набирала.

Катя откинулась на спинку. Черт, где они откопали такие неудобные стулья? Она поерзала, попыталась устроиться поудобнее, прикрыла глаза. Подремать бы... Но в голову полезли все те же мысли, которые не давали уснуть ночью.

Что делать, если все подтвердится? Надо будет срочно решать с квартирой. При наших зарплатах дальше снимать — не потянем. Даже если попытаться найти подешевле.

А как быть со студией? Обидно. Роль Заречной в «Чайке» выгрызала зубами, а что теперь? Теперь — не выйдет. Если подтвердится.

Интересно, что в конце концов скажет Кирилл? Пока молчит. Ждет. А что там ждать — и так все ясно. Почти.

Дверь открылась, в коридор вышла кругленькая коротышка. Девушка с журнальчиком подхватила плащ, лежавший у нее на коленях, и прошла в кабинет.

Успею? Если никто без очереди не встрянет. Она полезла в сумку, достала пакетик с сушками, разгрызла одну. Надо же, как аппетит разгулялся! Два часа назад нормально поела, уже опять хочется. Никогда такого не было.

На стенке напротив — плакаты, медицинские агитки вперемежку с рекламой. Вон что-то о правильном питании и о витаминах. На картинке

длинноволосая красотка одной рукой поддерживает животик, в другой — яблоко. В углу плаката целый натюрморт: груши, персики, бананы... Ага, бананы с персиками. А до зарплаты еще неделя. Если не задержат. А первого за квартиру платить. Поэтому — суши.

Она снова посмотрела на часы. Поскорее бы! Услышать окончательный ответ, к которому, в принципе, уже готова, и к маме. Почему они трубку не берут? Может, уже телефон отключили, а может... Лучше не думать, что еще может там случиться. Страшно представить, как они там, в пустом доме. Почти пустом — соседи остались в трех или четырех квартирах, но все, кроме нас, вот-вот съедут. Просто люди купили жилье, которое еще не освободили прежние хозяева, а перекантоваться им негде, вот и сидят на чемоданах и при свечах. А в любой момент им могут уже и воду отрезать, и что тогда? Все равно придется съезжать. Всем.

Папа, конечно, в этот раз удивил, добился своего. Шестьдесят тысяч вместо двадцати пяти — это круто. Но еще круче было бы эти деньги получить и купить на них две квартиры. Почему они до сих пор сидят в этой несчастной хрущобе? Ладно бы сидели без газа, но теперь еще и без света! Почему мама по вечерам проверяет тетради при свечах? При керосинке не может — голова болит от вони. По телефону жаловалась на днях. Говорила тихо, и Кате показалось, что она едва сдерживается, боится расплакаться. А вчера трубку никто не брал, ни с утра, ни вечером. Хотела сегодня прямо с работы к ним ехать, но и прием отложить нельзя. Скорей бы...

Та девица уже пятнадцать минут в кабинете. Наверное, скоро выйдет. А потом еще эту мелкую ждать? Нет уж!

Катя распахнула куртку, тяжело задышала, потом прикрыла рот ладонью. Наконец, обратилась к девчонке жалобным дрожащим голосом:

— Девушка, извините... Вы меня не пропустите? Тяжело сидеть. Второй раз уже на прием попасть не могу, тошнит сильно.

Девчонка сделала кислое лицо, но все-таки кивнула. Видно, опыта сидения в этой очереди у нее пока не слишком много.

Когда дверь кабинета открылась, Катя почувствовала, что ее по-настоящему мутит. Сердце ухнуло куда-то вниз, она побледнела, поднялась и на слабых ногах пошла в кабинет.

Девчонка смотрела ей вслед с сочувствием.

* * *

Виталий убрал документы в сейф, подошел к настенному календарю, оторвал страницу — апрель долой! — и подвигал туда-сюда красный квадратик на прозрачной полоске — окошечко, отмечающее дни. Завтра — первое, мир-труд-май. Виталий сдвинул квадратик на двенадцатое число: раньше в офисе все равно никто не появится. Кроме него.

Многие в конторе выпросили у начальства пару дней дополнительно и уехали уже сегодня. Кто-то, стосковавшись по теплу, рванул в Турцию, кто-то накупил мяса, вина — и на дачу.

Виталий знал, что проведет майские в городе, но по этому поводу не расстраивался. Последние пять лет он жил один и только радовался своей

свободе. Развод, как и сама семейная жизнь, отобрали столько нервов, что думать о новых серьезных отношениях абсолютно не хотелось. Бывшую жену он называл «солнышко», но не от большой любви, а потому что по любому вопросу она отвечала одно и то же: «Ясно». При мысли об этом ему теперь становилось тошно. Одиночества, которое вдохновляет поэтов и угнетает обывателей, он пока не чувствовал. Наоборот, появилась масса интересных дел, да и отношения с дочкой, такие сложные и удручающие раньше, после развода стали ярче и значительнее. Они виделись раз в две недели. Находить общий язык с взрослеющей барышней становилось все труднее, тем ценнее были моменты взаимопонимания. Он водил ее в театры, в цирк, в кино, они обедали в кафе, часами фотографировали друг друга в парке... Он продумывал заранее план мероприятий, а потом анализировал встречи, и ему казалось, теперь он занят еще одним важным делом — воспитанием.

«Хорошо, что дочка, — часто думал Виталий. — Сыну, мальчишке, расти без отца было бы сложнее».

За то, что майские каникулы для него начнутся позже, спасибо этой хрущевке. Про себя он называл ее «Домом Павлова». Вроде была какая-то история, какой-то Павлов незаконно вселился. Правда, среди прописанных никого с этой фамилией Виталий не обнаружил.

Если бы все выехали, мог бы тоже спокойно отдыхать, но... Кстати, хорошо бы посмотреть, что это за история такая была.

Он включил компьютер и вошел в поисковую систему. Ого, миллион ссылок по теме. Виталий обратился к первой.

«Дом Павлова расположен в Сталинграде на площади Ленина. Перед войной относился к числу престижных, в нем проживали партийные работники. Характерной особенностью являлось наличие прямой дороги от дома к берегу Волги, что и решило военную судьбу здания.

Когда в 1942-м начались бои, обе стороны оценили выгодное положение здания и прикладывали все усилия, чтобы завладеть им.

27 сентября 1942 года разведывательный дозор из четырех солдат 13-й гвардейской стрелковой дивизии во главе со старшим сержантом Яковом Павловым был отправлен на разведку здания, которое тот сумел отбить у немцев.

В дальнейшем гарнизон защитников пополнялся, причем не только людьми, но и тяжелым вооружением.

Советские воины продержались два месяца.

Немцам несколько раз удавалось захватить первый этаж, при этом они не могли понять, как защитники верхних этажей получают боеприпасы и продовольствие. Несложно себе представить испытание, выпавшее на долю защитников дома, вынужденных в течение двух месяцев ежедневно отбивать атаки противника и не имеющих возможности ни отдохнуть, ни привести себя в порядок».

Виталий остановился. Так, теперь все понятно. Отдых будет не скоро...

Он прибирал на столе, раскладывал по местам блокноты и бумаги, рвал и бросал в мусорную корзину ненужные записи.

Чего он хочет, этот псих? Ну, понятно, денег. Но семьдесят тысяч — это что, не деньги? Ясно — пошел на принцип. Но вроде ж не дурак, должен понимать, что двести тысяч фирма ему не заплатит. Потому что об этом сразу станет известно, и на следующем объекте обязательно возникнет еще один такой герой. А может, и не один.

Он разорвал ненужный листочек в мелкую крошку с таким ожесточением, что сам себе удивился. Ого! Нервишки-то пора в порядок приводить. Вот завтра поговорю в последний раз с этим типом — и на дачу. Сидеть на веранде, читать... Нет, в таком состоянии читать не смогу, проверено. Надо просто закрыть глаза, слушать свист ласточек — и ни о чем не думать. А может, тоже валерьяночки попить?

Он улыбнулся. Да, с валерьянкой удачно вышло. Как раз нашлась подходящая квартира, пустая, хозяйева уже за бугром. Пришел за час до назначенного времени, в нескольких местах валерьянки накапал — аккуратно, чтобы только кот учуял. Бабку ждал у подъезда. Поднялись в квартиру, только дверь открыл — Барсик внутрь рванул, бабка его оттуда потом еле вытащила.

Да, Сталина Петровна ему знатно нервы помотала, но он не в обиде. Что взять со старого человека? Может, в ее возрасте сам таким будет, придирчивым и мнительным. А вот ровесников не жалко. Видел он таких, как этот Виктор. Насмотрелся за последние десять лет. Искатели шансов. На фирме такие тоже регулярно появляются. Услышат, что в недвижимости заработки хорошие, приходят, полгода клиентов поводят по квартирам, пару сделок заключат — и удивляются, почему еще не могут купить тачку и новую квартиру. В этот момент такому ценному сотруднику кто-то расскажет, что самые крутые деньги — у тех, кто занимается гербалайфом. Или косметикой на плаценте. Или цептеровской посудой: от нее и худеют, и хорошеют, и вообще — живут вечно. Он бросает недвижимость, влезает в долги и покупает набор посуды, однако тут тоже как-то не складывается — и вот несчастная жена этого золотоискателя уже варит в кастрюле за сто баксов картошку в мундире, а муж снова в поисках.

Да не искать надо, а просто пахать. Бросить все мечты, недописанную диссертацию и любимую рыбалку — и вкалывать, на одном месте, поначалу без выходных, отпусков и без особо серьезных заработков. Постепенно разберешься в том деле, за которое схватился, и даже полюбишь его. А потом вдруг почувствуешь, что и дело тебя полюбило — пришла удача, появились деньги. Потом появятся и выходные, и можно будет в субботу посидеть с удочкой. Или откопать на антресолях папку с диссертацией «Стендаль как историк наполеоновской эпохи». Полистаешь, попытаешься вспомнить, на чем застрял, — и вдруг поймешь, что тебя уже не интересует, как писатель оценивал военные события 1812 года: поражение в Испании и гибель Великой армии в России. Сегодняшняя жизнь ярче.

Ну что — на столе порядок... Пора домой.

Май

— Ма-а-а, это ты?

Услышав голос дочери, Людмила в полутьме коридора попыталась рассмотреть себя в зеркале, быстро провела пальцем под глазами, проверяя, не потекла ли тушь, и пошла на кухню.

Катя грызла сушки, запивая их кефиром прямо из пакета.

— Привет, ма! А я думала картошку пожарить, но примус все время гас, техника полный отстой! Что делать?

— Ты еще спроси — кто виноват...

— Ладно... Уже думала — не дождусь. Хотя папа строго приказал сидеть, пока ты не придешь. Или он. Ты где была?

— К ученику ездила. Они на майские вроде никуда не собирались. Сегодня приезжаю, бабушка дверь открыла: «Мы вам вечером звонили-звонили, хотели предупредить». Они ж не знали, что наш домашний отключен. Уехали в Крым.

Катя протянула ей сушки, Людмила взяла одну.

— Чай будешь? Кажется, в термосе еще есть.

— Не-а, я кефир... — ответила Катя.

Она прибежала несколько дней назад, перепуганная из-за того, что никто не отвечал на звонки. Узнала, что в доме отключили телефон, вроде успокоилась, хотя Людмиле казалось, она хочет что-то сказать, но не решается. Посидели, поболтали о какой-то ерунде, не касаясь главного. Уже стоя в дверях, Катя покосилась на комнату, где оставался Виктор, и прошептала:

— Ма, если вдруг что, наш телефон ты знаешь. И адрес.

Запрокинув голову, Катя выпила из пакета последнее, вытерла кефирное пятнышко в уголке губ.

— Чудо техники я так и не освоила, — она кивнула на примус, — к тому же вначале картошку мыть, потом руки... Побоялась ваш водяной запас потратить. Ты хоть в школе нормально обедаешь?

— Обедаю. Ты-то как?

— Я-то? — Катя улыбнулась одними губами, и Людмиле опять показалось, что она запнулась в нерешительности. — Да нормально.

День выдался пасмурным, небо набрякло слезами, и на кухне было мрачно и сыро. Катя поверх кофты накинула толстый махровый халат. Попыталась сесть поудобнее, заглянула под стол:

— Ой, блин... Папа свои боеприпасы еще не пристроил?

— Нет. И ружья лежат.

— Нужная вещь в хозяйстве, ничего не скажешь.

— Нам бы сейчас коромысло, — усмехнулась Людмила.

— Ты что? Когда коромысло придумали, хрущевок не было. На нашей лестнице с ним застрянешь.

Воду отключили четыре дня назад. Хорошо, что Виктор договорился в продуктовом магазинчике через дорогу: продавщицы ежедневно набирают ему в подсобке пару пятилитровых бутылей воды «для хознужд», а питьевую он покупает сам там же.

— Ой, ма, я же тебе такое принесла! Пошли!

В комнате, на столе, где Людмила проверяла тетради, стояло нечто пластиковое. Катя пощелкала кнопками, что-то повертела — заиграла музыка, загорелась лампа.

— Вещь — супер, специально для подводников. Радиоприемник плюс фонарь, на батареях.

— Солнышко, спасибо!

Она обняла Катю, поцеловала, но и сама чувствовала: ее благодарность — бессильная и бледная. Чтобы отвлечься и удержать близкие слезы, стала расспрашивать, как включается лампа, на сколько хватает батареек. Катя объясняла. Оказалось, что от батареек фонарь работает недолго, лучше использовать аккумулятор, а его надо подзаряжать от сети.

— Ты в школе сможешь заряжать?

— Да, только выходные сейчас.

— Черт, забыла совсем. Если что — заберу к себе, заряжу. Все равно — не экономь, используй на полную катушку.

— Что ж ты, туда-сюда с ним бегать будешь?

— Ничего, побегаю немного.

— Я надеюсь, много не понадобится. Мы ж все равно со дня на день...

— Да я поняла. — Катя кивнула в сторону шкафа, возле которого стояли коробки.

Работа, частные уроки, темная лестница, бесконечные бутерброды, стирка белья в тазике при свечке... Последние недели совсем уже не жизнь — кошмарный бред. Пока Людмилы не было дома, Виктор не выходил, боялся, что в этот момент квартиру вскроют. Варил супчик или кашу на примусе, который купил на барахолке, пытался проветрить квартиру, пропахшую керосином, а как только Людмила возвращалась — «сдавал вахту» и бежал в магазин за продуктами.

Иногда она пыталась с ним поговорить, но только начинала: «Вить, послушай...» — как он хватал ее за плечи, прижимал к себе, шептал в самое ухо:

— Людочка, еще пару дней, пару дней — и все!

Что — «все»? Не было сил требовать от него объяснений, уговаривать, спорить, не было сил о чем-то думать. Только в тот день, когда открытый кран издал сухое утробное урчание, Людмила словно очнулась и молча начала паковать вещи.

Виктор не стал возражать, сам побежал по ближайшим магазинам, принес несколько картонных ящиков и четыре замечательных огромных полиэтиленовых мешка, сам взялся увязывать книги, и теперь комната казалась непривычно маленькой — опустевшие шкафы, загроможденные углы.

Они пакуются, но когда съезжать и куда? Людмила его не спрашивала, и с Катей об этом они сейчас, не сговариваясь, молчали.

— Ну что, пошли бороться с примусом?

— Не, мне уже пора. — Катя сняла халат и пристроила его на спинке кресла. — Ты позвонишь? А, ну да, выходные...

С тех пор как отключили телефон, Людмила звонила ей из учительской, когда удавалось пробиться к постоянно занятому аппарату. Найти возле дома работающий таксофон непросто. Конечно, надо бы купить мобильный, но денег нет, совсем. А долги уже есть. Виктор у Кости к Таниному приезду занимал и наверняка еще у кого-то за это время перехватывал, хотя и не говорит.

В дверях они снова обнялись, и Людмила вдруг провела руками по Катиным плечам, всмотрелась в ее лицо:

— Ты вроде поправилась.

— Ага. — Катя улыбнулась, и лицо округлилось еще больше. — Волнуюсь же за вас, а от нервов ем сто раз в день. И вечером еще раз.

— Не боишься? Толстых Заречных не бывает.

— А у меня будет! — И, уже открыв дверь, она посмотрела на Людмилу строго и прямо: — Мам! Последнее китайское предупреждение — если что... Мой адрес вы знаете.

Людмила вернулась на кухню, заглянула в казанок. Гречка. Она поковыряла ложкой холодную кашу, стала есть прямо из казанка. Надо же, на примусе гречка вкуснее получается.

Побрела в комнату, нашла старые газеты — рекламные, исчерканные, с объявлениями о работе. Распотрошила их на отдельные страницы и стала заворачивать чашки и блюда — сервиз в незабудках, в школе подарили на позапрошлый день рождения. Закончив с сервизом, Людмила повозилась с фонарем-приемником, нашла на радио что-то милое и легкое, отвлекающее от бетонной тишины Дома.

Конечно, можно сейчас обойтись без музыки, аккумулятор садится, а вечером лампа нужнее, но ничего, долго не потребуется. И Катю гонять, чтобы подзарядила, не будем. Все равно — со дня на день...

* * *

С недавних пор Виктор, поднимаясь по лестнице, обязательно что-нибудь напевал, и Людмила понимала — он подает сигнал: спокойно, свои. Вот и теперь она услышала громкое «Хорошо живет на свете Винни-Пух!», его шаги, а потом возле двери что-то грохнуло, в замке заскрежетало, дверь открылась. Из коридорчика донеслось какое-то шуршание и возня. Наконец Виктор заглянул в комнату:

— О, ты дома? А чего молчишь, не отзываешься?

— Я не молчу. — Людмила с треском размотала рулон скотча, заклеила набитую доверху коробку. — Что ты там приволок? Коробки? Надо. Всего одна осталась, а барахла еще!..

— Не коробки, не угадала. Осталось две попытки.

— Витя!

— Ну ладно... — Он принес и положил перед ней связку рулонов. Вытащил из связки один, не упакованный в пленку, развернул обои, но Людмила даже не посмотрела на узор.

— Витя, ты можешь объяснить?

— Ну, во-первых, я был на фирме.

— Сегодня? В выходной?

— Нет, вчера.

— А почему не сказал? Ладно... Был на фирме — и что?

Он помолчал пару секунд и торжественно произнес:

— Семьдесят!

Она опустилась на диван, уткнулась лицом в ладони. Виктор уже хотел кинуться успокаивать, но она сама вскочила, повисла у него на шее:

— Витька! Я... Хватит, да? Я уже не думала... Честно, я не верила, что у тебя получится... такие деньги... Господи! И себе квартиру найдем, и Кате останется. С такими деньгами можно хоть завтра найти квартиру на пару месяцев, снять — и уже спокойно искать. Да?

Он чуть замешкался, но тут же согласно закивал:

— Да, конечно, снимем — и будем искать без спешки.

Людмила распахнула дверцы шкафа, схватила одеяло, бросила на диван, приподняла и поставила только что заклеенную коробку с посудой.

— Совсем немного осталось, я за вечер смогу упаковать. Вот только еще книги... и в спальне... Ты коробки еще принесешь? На кухне надо...

— Она тараторила и не могла сдерживать улыбки. Потом вдруг посмотрела на него с подозрением: — А почему вчера не сказал?

— Сюрприз хотел сделать.

— Ну ты даешь! Какие тут сюрпризы...

Она махнула на него рукой, потом села, вытерла взмокший лоб, попросила тихо и хрипло:

— Вить, принеси попить, а?

Он бросился на кухню, звенел чашками, отыскивая чистую, принес.

— Люд, а где коробка с лекарствами? Я хотел корвалола накапать.

— Спрятала уже. — Она махнула рукой в сторону коробок. —

Не надо ничего капать. Так, пересохло...

Она пила медленно, отдыхала между мелкими глотками, и комнату накрыла ватная тишина. Допив, Людмила поставила чашку на стол и внимательно посмотрела на Виктора:

— Витя, а зачем обои?

— Как зачем? Для ремонта! Нравятся?

Он снова развернул распакованный рулон и приложил обои к стене. Светлая нежно-песочная полоса просияла в комнате, словно солнечный луч.

— Нравится, очень. Только надо было подождать, с метражом не угадаешь. Вдруг докупать придется?

— Да что тут угадывать? Все меряно-перемеряно. Эти — в спальню, а сюда, в большую, что-нибудь поярче поищу.

Людмила молчала, только опять взяла со стола чашку и вертела ее в руках, внимательно рассматривая белое нутро с тонкой темной полосой — плохо отмытым следом от чая.

— Завтра-послезавтра и начну, — продолжил он, помолчал и, не дождавшись ответа, бодро предложил: — Ну что, за стол? Как-никак... праздник сегодня. Мир, труд, май! Вот за труд и выпьем, за начало ремонта.

Она наконец оторвалась от чашки, спросила безжизненно:

— Какой ремонт? Где?

— Здесь.

— Витя, ты помнишь, что Таня про психдиспансер рассказывала? Мне кажется, у них есть для этого все основания. Ты шутишь? Зачем ремонт?

— Затем. Чтобы они поняли, что это серьезно. Что я останусь здесь до тех пор, пока они не пойдут на мои условия.

— Твои условия? Ты забыл, что ты тут не один! — Она почти крикнула это, но тут же произнесла тихо, почти просяще: — Витя, нам дают хорошие деньги. Давай согласимся и закончим этот кошмар. В конце концов, я женщина, а не десантник. Я жить хочу, а не сражаться.

— Люда, я же говорил тебе — дело не в деньгах! Меня всю жизнь как пешку двигали, куда хотели. Все решали за меня. А теперь? Они нас просто не слышат... и слышать не хотят. Но тут, Люда, как в шахматах. Когда пешка до последней линии дошла, до края доски, до самого края, — она становится ферзем. Люда, неделя осталась, не больше! Честное слово! Я сейчас... мы с тобой сейчас — на предпоследней линии! Чуть-чуть осталось.

— Нет, Витя. — Она осторожно поставила чашку на стол. — Я уже на последней.

Людмила поднялась, отодвинула в сторону коробку, достала дорожную сумку, в которую еще вчера складывала постельное белье.

Виктор смотрел, как она кладет стопку наволочек на диван и в открытую пасть сумки, ощерившуюся зубцами замочка-«молнии», опускает тапки, полотенце, шампунь. Когда она пошла в спальню, Виктор двинулся за ней. Он так и держал в руке размотанный рулон, и обои, шелестя, волоклись за ним.

— Людка, ты что — серьезно?!

Она смела с тумбочки в сумку все тюбики и баночки, вытащила из-под подушки ночную рубашку.

— И куда же это?

— Ты сам говорил: «Временно перекантуемся». Вот я и перекантуюсь. Пока не сниму себе комнату.

— Снимешь? Знаю я... Ну и снимай! А я не сдамся!

— Жить хочется, а не бороться, понимаешь?! Жи-и-ить!

Давясь прорвавшимися наконец слезами, она надела жакет и вскинула на плечо сумку, обернулась в дверях:

— Жду внизу две минуты. Не выходишь — уезжаю к Кате.

Он шагнул вперед, протянул руку, но она отвернулась и вышла.

Захлопнулась дверь. Тишина. Шагов не слышно.

Она стоит под дверью?

Виктор бросил рулон, открыл дверь — на площадке пусто. Подойдя к кухонному окну, он увидел, что Люда стоит возле подъезда. С дорожной сумкой на плече, одета будто в дорогу: брюки, темный жакет. И туфли вроде мокасин, без каблуков, на мягкой подошве. Поэтому он и не услышал ее шагов на лестнице.

Люда не смотрела вверх, на окна. И на часы не посмотрела. Постояла немного, потом пошла. Так и не обернулась.

* * *

Дом коченел. Эта весна его уже не согревала. Даже в ясные и теплые дни он оставался стылым, и в окнах, пропыленных с зимы и не вымытых в этом апреле хозяйками, не отражалось солнце.

Дом застыл, словно разбитый параличом. Обесточены провода, обезвожены трубы... Только одна клетка жива. Еле жива. А в этот день и из нее ушла жизнь.

Простонала дверная пружина, охнула дверь подъезда.

Она ушла, закинув на плечо дорожную сумку.

* * *

Виталий подошел к квартире, но постучать не успел — дверь распахнулась. У Виктора, стоявшего на пороге, было лицо... словно у ребенка, который в новогоднюю ночь ждал Деда Мороза, а увидел пьяного соседа, пришедшего к родителям, чтобы отметить.

Впрочем, и с Дедом Морозом тоже неудачно вышло, вспомнил Виталий.

Виктор посторонился:

— Ну заходи...

На «ты»? Это уже лучше. Может, удастся нормально поговорить. Виталий пошел в комнату следом за Виктором. Так и не поздоровались — сели молча у стола с привычным для холостяцкого ремонта натюрмортом: салат из окурков, открытая бутылка водки, немытая чашка, полуразмотанный рулон обоев.

— Ты один?

Виктор криво усмехнулся:

— Не то слово. Ну что, Бухара, выпьем?

— Выпьем. Только водку свою убери.

Может, действительно, вот так, один на один и под бутылку — сможем договориться... Не зря, значит, в магазин заскочил.

Виталий открыл портфель и достал плоскую бутылку.

— Коньяк? Давай! — Виктор покопался в одной из многочисленных коробок, которыми была заставлена вся комната, зашуршал газетами, достал пару рюмок. Потом остановился, посмотрел удивленно: — Ты что, пить начал?

— С твоей легкой руки.

Пыль, грязь... И посуду не вымоешь — воды-то нет. Отутюженным носовым платком Виталий протер хрупкие рюмки на тоненьких ножках, освободил для них место, смахнув со стола газетную рвань, достал из портфеля глянцевою коробку.

— Конфеты? — разочарованно протянул Виктор.

— Да, чернослив. Лучшая закуска под коньяк.

Открыли коробку, наполнили рюмки. Виталий взял свою, но молчал, глядя на Виктора. Держим рюмку, держим паузу. Пусть сам начинает.

— Ну? За что? — Виктор потер потемневший от щетины подбородок. — У меня поводов много. А — ушла жена. Бэ — пролетарский праздник. Вэ — начало ремонта. Гэ — гость в доме. Дорогой гость. Очень дорогой. А скоро будет еще дороже.

— Как — жена ушла?

— Шучу. К дочке поехала.

Виталий кивнул, рюмки хрустально звякнули.

Виктор опрокинул свою, будто водку выпил.

Виталий сделал маленький глоток и неожиданно обрадовался забытому ощущению — обожгло горло, потеплело в груди. Он достал из портфеля пачку «Camel», положил на стол ближе к Виктору:

— Что делать, люблю виргинские табачки покрепче. Угощайся.

— Спасибо, обязательно угощусь.

Интересно, думал Виталий, ища на столе зажигалку: Людмила на вечер уехала, помыться нормально и поесть горячего, или совсем ушла? Это важно. Как же ее разыскать? Ее или Катю. Черт, как же трудно с теми, кто до сих пор без мобильных... Так, а что он про ремонт ляпнул?

— Ремонт — тоже шутка?

— Нет, ремонт всерьез.

И в самом деле — обои валяются. Не понял...

Но, видимо, маленький глоток сделал свое дело, так что про поиск зажигалки Виталий благополучно забыл. Зато вспомнил запах клеястера и почти увидел, как ложатся рядом два куска обоев, части нарисованного цветка совпадают на стыке идеально, один в один. Он всегда отлично подгонял рисунок.

Виталий улыбнулся:

— Тебе помощники не нужны?

— Сам управлюсь, — буркнул Виктор, прожевывая уже третью конфету. Снова налил себе, подлил до краев Виталию, прокашлялся, провозгласил торжественно: — За солидарность!

Выпив эту рюмку до дна, Виталий тоже взял конфету.

И кто ему сказал, что надо закусывать черносливом? Кажется, тот самый напарник, который обходил подъезды сверху вниз. Все у него было по-дурацки. Конфетки... Надо было бастурмы купить. Или сыра. Просто давно не пил, забыл, чем лучше закусывать. А теперь в магазин спускаться не хочется. Да, слишком давно не пил. С Нового года.

Он закашлялся от шоколадной сладости в горле, сам себе плеснул на дно, выпил залпом, выдохнул, спросил резко:

— Вот ты мне скажи — чего ты хочешь?

Виктор откинулся на спинку стула, засунул руки в карманы джинсов:

— Опять двадцать пять! Я хочу двести тысяч.

— Не-е-ет, я не об этом. Вообще — чего ты хочешь?

— Я? Жить. — Произнеся это, Виктор помрачнел. — Как человек.

И чтобы семья жила — как люди.

— Чего ж не живете?

— Не давали! Ты, Виталик, молодой, в другое время жить начал, тебе не понять.

Другое время... А ведь у нас всего лет пять разница. Даже меньше пяти. А ощущение — и в самом деле, будто разные поколения. Жить ему не давали... Тоже мне, страдалец, жертва режима.

Коньячное тепло, разливавшееся в груди, устремилось вверх, обдало лицо изнутри жаром.

— Кто-то тебе мешал жить, а я за это должен расплачиваться?

— Ты-то при чем? Не из твоего кармана деньги.

— Много ты понимаешь, что из чьего кармана... А нервы? Я с вашим домом полгода вожусь! Одному район не подходит, второму — вид из окна. Третья сумасшедшая кот в сумке таскает: «У Барсика шерсть дыбом, ему квартира не нравится...»

— Но с Барси́ком-то все удачно вышло?

Знал бы ты, как оно вышло... Странно, когда валерьянку по углам капал — было просто смешно, а вот сейчас взяла злость — чем пришлось заниматься! Все из-за этих ненормальных.

Налил еще. Если так и дальше — придется в магазин идти за второй.

Вдруг вспомнил о том, что зудело в голове назойливым комаром уже много дней:

— Слушай, почему все ваш дом называют Домом Павлова? При чем тут Сталинград?

— Жило-было одно СМУ. — Виктор говорил ровно, не заплетаясь, но очень медленно. — И строило оно дом. Для себя. То есть для своих работников. Те старались — субботники, воскресники... Все по коммуналкам, об отдельных квартирах мечтали, как о загробной жизни. Дом сдали, а ордера не выписывают. Слух прошел, что обком для себя забирает. Или горком.

— Построить дом — не искусство. Искусство — получить в нем квартиру. — Виталий понимающе стал кивать головой. — И что дальше?

— Тогда начальник по фамилии Павлов собрал всех и сказал: вселяемся! Все как один! В общем, работяги дом фактически захватили. Каждую ночь тряслись, ждали штурма. Но обошлось.

— Ты тоже тогда поселился?

— Не, это когда было!.. Мне тесть рассказывал.

— А какую этот начальник себе взял? Четырехкомнатную?

— Нет. Двушку. Вот эту самую, где ты сейчас коньяк черносливом закусываешь.

— Так Людмила по документам... А, ну да, девичья фамилия...

Значит, это у них в роду — оборону держать. Ладно, хватит о ерунде, а то действительно напьюсь сейчас. Пора уже о деле.

— Вита! Я как атрибут праздничного стола... Что смеешься? Ты же сам меня так назвал. Так вот, я предлагаю снять оборону и подписать мирный договор в объеме семидесяти пяти тысяч. Се-ми-де-ся-ти пя-ти, — повторил он по слогам. — На что меня уполномочило высшее руководство.

— Две-сти. Знаешь, как пишется? Двойка и два ноля.

А он-то надеялся, что от рюмки-другой станет чуть легче, отпустит напряжение. Ни черта! Виталий почувствовал, что рука задрожала.

Рюмку осторожно — на стол, руку — под стол, на колено, и там — пальцы в кулак.

— Я не понимаю! Мне, чтобы такие деньги заработать, знаешь, сколько пахать надо? А тебе — за что? Легких денег ищешь? Искатель шансов...

— Это я — искатель? Много ты про меня знаешь! Я пятнадцать лет, как говорится, от звонка до звонка, учителем в школе! — Виктор подался вперед, заговорил зло и горячо. — Как-то послали на конференцию в Москву. Хотел там апельсинов купить. Домой позвонил, Люда говорит: Катя заболела, купи лекарство. Какое-то... Ну, у нас здесь такого не было тогда. Купил, вижу — на апельсины не хватает. Решил взять чищенные, они дешевле. Полтора часа простоял в очереди — не досталось. Домой вернулся и уволился из школы. Я тогда понял: чтобы иметь деньги, надо работать. Чтобы иметь больше денег, надо больше работать. А чтобы иметь большие деньги — надо что-то другое.

Он прав, конечно, прав. Только он тогда не понял, что одним вот это самое «что-то» дано, а другим — нет. Но пытаться ему это объяснить — бесполезно. Если за столько лет не дошло...

— Витя, ты понимаешь, что по-твоему не выйдет? — злился Виталий.

— На этот раз — выйдет. И никакие ваши окончательные решения не пройдут. У меня, кстати, вчера корреспондентка была. Из левой газеты, но девушка толковая. Все осветит правильно.

Интересно, врет или нет? Хотя... какая разница. Все вопросы с газетами давно решены. С левыми, правыми...

— Капитана спросили: что будет, если наше судно столкнется с айсбергом. — Последнее слово Виталию далось с трудом. — Капитан ответил: айсберг поплывет дальше... Витя, а ты даже не на корабле, ты на ма-а-аленькой лодочке! С двумя веслами, в парке культуры. А мы поплывем дальше.

— Виталик! Моряки не плавают. Моряки ходят. А плавает — знаешь что?

Одна рука на колене, пальцы — в кулак, второй рукой взял бутылку. Лево́й наливать неудобно, промахнулся, плеснул на стол, но и в рюмку налил, до краев. Поднял, обливая пальцы:

— Ну, я пойду. А ты звони.

— Звонить я могу только в колокол. Судовой.

Виталий снова достал платок. Не торопясь, неверными движениями вытер пальцы, мокрые от коньяка, и нашел в кармане мобильный. Ничего, родителей предупреджу, а по работе до двенадцатого никаких звонков быть не должно. В любом случае будем считать, что я на майские уехал, как все.

— На! — Он положил телефон на стол. — Для хорошего клиента ничего не жалко!

— Стоп! Есть тост! За связь с телефоном вашего абонента!

Виталий отвел рукой протянутую рюмку. Хватит на сегодня.

Виктор быстро опрокинул свою, вскочил и полез куда-то за диван:

— А я тебе знаешь, что подарю?

Шуршали газеты, хрустел целлофан. Виталий прикрыл глаза.

Он же нормальный, с высшим образованием, никогда никакую мистику не признавал, смеялся над тетками-агентами, которые рассказывали ему про «непродающиеся» квартиры. «Ты подумай, больше года туда людей вожу. Район отличный, ремонт, дом крепкий. И сбросили уже — ниже некуда, им бы продать побыстрее. А никто не берет, никто! Или хозяев слгазили, или квартира такая — не хочет других людей». Всегда считал эти разговоры идиотскими. Просто совпадение, обстоятельства — и никакой мистики. А тут...

Этот дом его не хочет. Однозначно. Этот дом ломал замки, гасил свет, бил его по голове... а теперь — напоил.

Надо уходить.

Он открыл глаза. Перед ним стоял Виктор с двумя пейнтбольными ружьями.

— Набор для дуэли. С тридцати шагов. Через платок.

Если бы не громоздкий пузырь сверху, над стволом, можно было бы принять за настоящий автомат. С таким оружием он дело имел не раз. Весь офис три-четыре раза в год ездит на пейнтбол. Рекламный отдел против отдела продаж, департамент строительства объединяется с бухгалтерией... Кстати, девчонки-бухгалтерши стреляют отлично.

— Классное ружье. Дарю. — Виктор протянул Виталию одно ружье. Взял поудобнее, проверил — заряжено.

— Не ружье, а маркер. Значит... ты меня вызываешь? — спросил Виталий.

— Да. Давай прямо тут. Все равно новые обои клеить буду.

— Не бойся, обои не пострадают.

Он отошел в угол комнаты. Виктор встал в противоположный, рассмеялся:

— Спорить с тренером по борьбе может только тренер по стрельбе. Смеется.

Виталий вскинул ружье, стал плавно опускать дуло. Замер. Положил палец на курок, смотрел на бледный, бисерно заблестевший лоб Виктора. Произнес с усмешкой:

— Стендаль советовал дуэлянтам, пока заряжают пистолеты, считать листья на деревьях.

— А ты откуда знаешь? — хрипло спросил Виктор.

— Я по нему диссертацию писал.

— Так мы с тобой оба историки, выходит?

— Типа того... Ты, Виктор, конечно, победитель, но я — Виталий, что означает «жизнь». А жизнь победить нельзя.

— Еще как можно. — Виктор тоже начал целиться. — Это смерть победить нельзя, ее можно только отодвинуть.

«Нажать?» — подумал Виталий. — Влепить ему десяток шариков? А если не шариков...»

Он приподнял дуло чуть выше, всего на сантиметр, и нажал на курок.

Над головой Виктора расплылась кровавая клякса. Тот постоял еще несколько секунд, обернулся, посмотрел на пятно.

— А говорил — обои не пострадают.

— Ты ж сам сказал — новые поклеишь.

Виталий бросил маркер на диван, тоже подошел к пятну. Прямо в угол, как в бильярде. Старые обои, забрызганные краской, морщились на стыке. Кто ж так клеит?..

— Ладно. Мобильный у тебя есть. В памяти разберешься? Там телефоны нашего офиса. И мой домашний. Если надумаешь.

Взял портфель, пошел к двери. На пороге качнуло — ударился плечом о косяк. Спускался, придерживаясь за перила. На лестнице темно, да и выпил все-таки... На первом этаже зацепился рукавом за какую-то железяку, торчащую из перил.

Аккуратно закрыл дверь подъезда, прошел несколько шагов, оглянулся.

Надо же... А с виду — обычный дом.

Но до сих пор сопротивляется. До последнего.

* * *

Виктор вытащил всю мебель из спальни, и теперь пройти через большую комнату было почти невозможно. Нашел на антресолях старый спортивный костюм, заляпанный краской, разыскал шпатель и начал снимать старые обои.

Подковырнул, потянул первый пласт, сорвал треугольный лоскут — и замер: открылись предыдущие обои, которые он клеил... В каком же году? Кажется, сразу после смерти тещи. Хотел тогда чем-то порадовать Люду — и действительно, ремонтными хлопотами отвлек ее от слез. Помнится, они еще спорили, снимать предыдущие обои или оставить. Решили клеить поверх. Значит, под этими...

Он поковырял ножом, поддел, поскреб. Эти обои снять было сложнее, но, провозившись час, он добрался до первого слоя.

Простенькие бумажные обои, желтенькие. А в углу...

Он присел, провел пальцем по буквам.

Они поставили Катюку в угол. За что? Сейчас уже и не вспомнить. Она стояла, обиженно шмыгая носом, потом всхлипывания стихли, началась какая-то осторожная возня. Взяв с тумбочки губную помаду, Катюка коряво вывела на обоях: «Дураки». Читать и писать она научилась рано, до школы.

Дураки.

Людка, какие мы с тобой дураки! Зачем ты ушла? Мне одному, без тебя, ничего не нужно. Я же это все — только для того... Хотел, чтобы тебе было хорошо. Чтобы ты мной гордилась, а не жалела. Мы же столько лет...

Дни тянулись, словно кисель из кастрюли, вязкие и мутные. По ночам он не мог заснуть, а днем, наоборот, дремал. Знобило, но проверять, есть ли температура, он не стал — не хотелось искать в этом бедламе градусник.

Ему показалось, что он путает дни. Сегодня третье? Или уже четвертое? Он нашел календарь, подаренный фальшивым Дедом Морозом и закинутый тогда за диван. Теперь Виктор все-таки повесил его на стену. Из-за фотографии Пизанской башни ему все время казалось, что календарь висит криво.

Четвертое, пятое...

Виктор перелистывал найденный в шкафу старый конспект, по которому преподавал историю в десятых классах. На обложке обнаружил забытые им стихи собственного производства.

Вечер. Не включая Катин фонарь в комнате, которую подсвечивала рекламная вывеска на соседней многоэтажке, он продолжал ковырять обои.

Утро. Опять дождь.

Пять дней молчания. Такое в его жизни впервые. Даже при ангине, наждачно раздражающей горло, всегда что-нибудь шептал, сипел. Сейчас — ни звука, и все чувства обострились до предела.

Еле слышный шелест. Это сквозняк касается содранного куска обоев. Еле ощутимый запах. Это где-то среди вещей стоит коробочка, в которую Люда сложила всякие кухонные мелочи и баночки со специями.

В эти дни он всей кожей ощутил тоску оставленных комнат, пустых коридоров, слепых окон.

Как бы то ни было, Дом доживал последние дни, и Виктор вдруг испытал к нему острую жалость. В какой-то момент показалось, что он сидит тут не из-за денег и не для того, чтобы настоять на своем, а просто затем, чтобы не оставлять умирающего в одиночестве.

Ночью в комнате неожиданно зажегся свет, из крана на кухне полилась вода, Виктор вскочил с кровати и, не успев по-настоящему удивиться, босиком побежал закрывать кран. Он еще не до конца осознал случившееся, когда его внимание привлек шум во дворе и огни мигалок патрульных машин у подъезда.

Не включая на кухне свет, Виктор прижался к оконному стеклу.

К дому подъехало несколько «мерседесов», из них быстро вышли люди и рассредоточились по двору вокруг дома. Вслед за ними у подъезда остановилась большая красивая машина. Выскочивший с переднего сиденья человек открыл заднюю дверцу и замер. Через минуту из машины вышел немолодой мужчина, говорящий по мобильному телефону, которого со всех сторон окружили молодые спортивные люди в строгих

костюмах. Двое из них подняли над головой говорящего большой зонтик, хотя, судя по сухим окнам, дождя не было. В облике этого человека было что-то очень знакомое, но кто этот большой начальник, Виктор еще не сообразил. Он отошел от окна и достал из кухонного стола кастрюлю в горошек, чтобы набрать в нее неожиданно появившуюся в кране воду, но его отвлекли шаги, а точнее — прыжки в парадной: несколько человек пробежали мимо его квартиры на пятый этаж и там остановились.

«Пятый — первому: помех нет», — услышал сквозь входную дверь Виктор. Чудеса, да и только, на эмчезников эти ребята не похожи, на строителей тем более, думал он, натягивая на себя спортивный костюм. Раздался звук дверного звонка — один, но очень убедительный короткий звонок.

— Кто там? — стараясь подавить волнение, спросил последний обитатель дома.

— Это я, — ответил знакомый, но еще не узнанный голос. — Извините за ночное беспокойство, нам нужно срочно переговорить, а другого времени нет, у меня все расписано на год вперед.

Виктор открыл дверь и замер. Перед ним стоял... президент. Президент, которого он видел и слышал столько раз, теперь видел и только что слышал его, Виктора Александровича Митина, историка по образованию, безработного по профессии.

— Здравствуйте... Проходите, пожалуйста... — сработали его голосовые связки и язык, как будто отдельно от команды головного мозга, еще не осознавшего, что произошло. — Извините, не ждал. У нас не убрано, — продолжал автономно работать речевой аппарат.

Виктор отступил вглубь квартиры. Президент вошел, коротко бросив охране: «Ждите здесь», — и захлопнул за собой дверь. Слабослышащие молодые люди с микрофонами в ушах остались на лестничной площадке.

Вошедший оглядел наполовину собранную, наполовину разобранный квартиру, улыбнулся и молвил:

— Картина Репина «Не ждали». Так где общаться будем? Может, на кухне? Не знаю, как у вас, а у меня все важные разговоры случались именно там.

— Да, конечно, проходите. Здесь самое удобное место, в комнатах я ремонт затеял. Сейчас примус разогрею и чай организую. — Речевой аппарат начал понемногу сотрудничать с центральным нервным. Виктор включил на кухне свет, пододвинул гостю стул и стал глазами искать примус.

— А ведь можно на электроплитке! — поделился он настигшей его мыслью.

— Разве газ не включили? — строго спросил президент.

Виктор чиркнул спичкой. Горелку окружило голубое пламя.

— Сейчас пару минут — и закипит... У меня, правда, ничего особенного к чаю... Но есть вкусное варенье, — предложил Виктор.

— Обо мне не беспокойтесь, я пить и есть могу только в строго отведенных местах и только после определенных оперативных мероприятий. Это по контракту, а его нарушать нельзя. Если бы вы знали, как иногда

хочется пирожок на улице съесть или кружку пива выпить, но нельзя. Контракт. Пункт уже не помню какой, но выполнять надо все. А сами пейте, закусывайте, я потерплю. Не привыкать.

— Я тогда тоже не буду. — Виктор выключил чайник. — А какой контракт, если это не гостайна?

— Какая тайна — вы меня выбрали, наняли, такой вот контракт с обществом. Вы же за меня голосовали? — Президент не мигая смотрел Виктору в глаза.

— Ну да, — соврал Виктор.

— Впрочем, неважно, за кого голосовали лично вы, важно, что общество большинством голосов решило, что лучше всех эту работу выполняю я. А подвести народ не имею права. Поэтому пирожки на улице до конца срока мне не светят... Теперь о деле. Времени мало, мне утром надо быть в столице. Твою историю, — президент перешел на генеральское «ты», — мне местный губернатор как анекдот рассказал: «Завелся у нас тут последний герой — почти как в телевизоре, только не на острове, где голые ходят и червяков едят, а в отселенной хрущевке осаду держит». А я думаю — нет, это не анекдот, это, может быть, тот человек, который мне нужен. Очень нужен. Все справочки про тебя навели: как учился, на ком женился, какие на тебя доносы коллеги-историки в школе писали, часы твои отобрать хотели... Ставку — по-вашему.

— Серьезно? — искренне удивился Виктор.

— У нас все серьезно... Даже мой зам, рука правая, очень серьезный мужик, умный, преданный, но не герой... Чего-то ему не хватает. А нам много чего поменять нужно. Идти-то мы идем, но куда? Ведут себя все точно на постоялом дворе: сегодня — здесь, а завтра — вон из страны... Кого ни возьми, у всех запасные аэродромы построены, разной степени замаскированности. Точку опоры теряем. Завоевать нас нельзя, а купить, как выяснилось, можно. Часто — за смешные деньги. А ты молодец. Не скрою, за ситуацией, которая у вас сложилась, я слежу недавно, но пристально. Застройщики, понятно, жулики, но из общей картины не выделяются. А ты, как я понимаю, не за деньги стоишь, а за свое достоинство. Тебе и двести тысяч дадут, все равно не уйдешь. Правда? — спросил гость и снова пристально посмотрел в глаза Виктору.

— Да, это так, — на этот раз не соврал тот.

— Ну а раз так, есть у меня на твой счет планы... Только ты мне сначала скажи, как сам-то думаешь, почему мы такие? Почему во всем мире все друг другу доброй ночи желают, а мы — спокойной? Всегда хотим чужого и не ценим свое. Откуда это у нас? «И жить торопимся, и чувствовать спешим». А когда хотят всего и сразу...

— ...получается ничего и постепенно, — закончил фразу Виктор. — Если позволите, я скажу...

— Так я за этим пешком на четвертый этаж поднялся... Валяй. — Президент кивнул и чуть наклонил голову, внимательно глядя на собеседника.

В горле у Виктора пересохло, но смочить его было бы неуважением к воздержанию гостя. С чего начать? Мысли сбились в клубок, перепута-

лись, как снасти у неумелого рыбака. Ведь он, Митин, столько раз мечтал о таком разговоре, сколько вариантов продумано, сколько отброшено...

— Вроде просто, — начал Виктор сухим, будто и не своим голосом. — Надо не врать и не воровать, причем всем, по обе стороны забора. Но для этого людям нужно веру вернуть не только в загробную жизнь, но и в собственную, в земную. Мой план состоит из трех этапов. Как говорил Мольер, ненавижу бессудную тиранию. Поэтому этап первый — суды. Без справедливости ничего не получится.

В этот момент в комнате зазвенел телефон.

— Простите, я только отвечу. Жена, наверное, — извинился Виктор.
 — Так перезвонит... — недовольным голосом произнес гость. — Тут дела поважнее обсуждаются...

— Я на секундочку, она волнуется за меня сильно. — Виктор подлетел к телефону, схватил трубку. — Алло, алло! Не слышу, Люда, это ты? Люда, я тебя не слышу, у нас... знаешь, кто? Мы победили! Люда, ты меня слышишь?..

В трубке по-прежнему молчали, зато громко хлопнула входная дверь, свет погас... и Виктор проснулся. Вокруг было темно и тихо.

Он встал с кровати, включил фонарь, вышел на кухню, покрутил кран — воды не было, посреди кухни стоял стул.

Виктор подошел к окну, закрыл открытую форточку. Двор был пуст. Значит, точно приснилось, надо же, думал он, смотря на оставленный посреди кухни стул. Только сейчас заметил, что он в спортивном костюме — наверное, в нем и уснул. Подошел к входной двери — закрыта, точнее захлопнута. Видимо, забыл закрыть, а потянул ночью сквозняк — вот она и хлопнула.

* * *

Дом не знал, какой сон снился его жильцу. Знал бы, не хлопнул открытой дверью, а дал бы досмотреть. Но он и своих-то снов никогда не видел, не то что обитателей. Не сподобили его на это строители. Так что и обижаться не на кого...

* * *

Сорванные обои Виктор запихивал в полиэтиленовые мешки, которые принес неделю назад, чтобы паковать вещи. Утрамбовал два мешка до неподъемности, выпихнул за дверь, на лестничную клетку. Зло усмехнулся: ну вот, начинаю строить баррикаду.

В спальне было пусто и чисто.

Он стоял в центре комнаты, озираясь. Неожиданно хлопнул в ладоши, и стены отозвались звонким эхом. Он засмеялся.

А наутро к Дому пришли машины, мужики в спецовках стали выгружать и устанавливать панели. Виктор наблюдал за ними с кухни и заметил, что рабочие поглядывают на окна, а вот старший, командовавший разгрузкой, наоборот, головы не поднимает.

К вечеру вдоль дома со стороны подъездов вырос забор.
Ничего. Не наглухо же они закрывают. Если Люда вернется — она сможет пройти.

* * *

— Алло! Костя? Привет, это Витя. — он говорил весело, но чувствовал, что после недели молчания в пустой квартире голос дрожит. — Да нормально все! Нет, не переехали, еще воюем. До победы. Сегодня-завтра все решится. Я же их задерживаю! Да, кроме меня — никого. Костя, — с чапаевской интонацией спросил он, — где по уставу должен находиться командир при командовании строем? Нет, не впереди. И не сзади... Там, где ему удобно!

До сих пор он не пользовался подарком Виталия, а теперь вдруг испугался, что батарея в телефоне вот-вот сядет, и решил набрать хотя бы Костю.

Бывший сосед отвечал невнятно — то ли в подпитии, то ли споро-нья. Поудивлялся, потом напомнил про долг. Оказалось, что весь навар с квартиры потратил.

— Уже? Ну ты... шмайсер... нет... Шумахер! Конечно, отдам. И одолжу тебе, когда растрясу этих «атлантов». Слушай, чего звоню: я тут обои клеить собрался... Так надо, Костя! Не отвлекайся, давай о деле, а то телефон сядет. Сколько в клейстер муки класть?

Выслушал рецепт клейстера, записал телефон бабы Стали. Надо будет завтра позвонить, поздравить ветеранов.

* * *

Утром он обнаружил, что остановились часы. Пришлось включить приемник. Послушал программу с военными песнями, дождался выпуска новостей, потом снова запели: «Этот День Победы порохом пропах...»

Опять двадцать пять. А может, и хорошо, что из года в год одно и то же, и пусть не появляются новые поводы для героизма, не надо нам новых побед, лучше эту тысячу лет отмечать.

Вспомнил, как в детстве узнал значение своего имени: победитель. Не верящий в ангелов-хранителей пионер, будущий комсомолец, атеист, он вдруг почувствовал какую-то радость, особое тепло, будто это был знак свыше, дополнительная защита.

Пора звонить ветеранам.

— Алло! Сталина Петровна? Это Виктор беспокоит. С праздником вас, с Днем Победы! — Виктор стал говорить громче, вспомнив, что она плохо слышит. — Правильно, наш народ непобедим!.. Спасибо, передам... Нет, еще со старой. — Виктор включил грузинский акцент. — Адын, савсэм адын... — Посмеялись, и он продолжил своим обычным голосом: — Но есть свои преимущества. За стенкой тихо, на голову не капает, так как воду отключили. Вместе со светом и телефоном... По мобильному. Растет благосостояние трудящихся на постсоветском

пространстве! — Он, как всегда, увлекся общением и чуть не забыл про свой ремонт. — Сталина Петровна, я за советом. Забыл, как клейстер варить — сколько муки, сколько воды... Соли не надо? Да, запомнил. Как только переберемся — придем в гости, расскажем... Последний герой? В смысле? А-а, передача... Нет, у нас же света нет, какой телевизор... Ладно, тетя Стая, еще раз с праздником, деду привет и поздравления. Он уже сто фронтовых принял? Ну, дай бог ему здоровья! До свидания.

Виктор пошел на кухню, вернулся с примусом, мастерски разжег его, потом принес из кухни и поставил на примус ведро воды.

Из-за музыки, продолжавшей звучать из приемника, он едва услышал телефонную трель. Выключил приемник, жадно схватил трубку. Ну?..

Звонил Виталий. Вежливо, на «вы», — будто не было ни драки в новогоднее утро, ни коньяка, ни дуэли на маркерах — он поздравлял Виктора.

— С чем? С каким задатком?

Бодрым голосом Виталий объяснил, что вчера они с Людмилой подписали бумаги, оформили задаток. Да, без вас. Потому что вы не являетесь ответственным квартиросъемщиком. Екатерина Викторовна? Она тоже согласна, все подпишет.

— Значит, так... Никакого согласия я не давал. И не собираюсь. И вы это прекрасно знали. Вы не имели права оформлять задаток без меня! Это незаконно! Требуется согласие супруга, и вы, мошенники, это прекрасно знаете. Восемьдесят тысяч? Виталий! Я уже тебе сказал: нет денег — не стройте! Я все равно отсюда не уйду. Надо было меня спросить. Позвонить вот по этому телефону и спросить. Почему ты не позволил? Я тебе скажу: ты дал им задаток, чтоб загнать меня в угол.

Как, как Виталий смог найти Люду и Катю? Не мог. Значит, они сами пришли. А может, Люда пришла поговорить с Виталием, а он на нее надавил? Чем-то пригрозил?

Виталий все таким же ровным тоном предупредил: сегодня компания «Атлант» приступает к сносу дома.

— Приступает? Сегодня? В праздник? За двойную оплату?! А, ну да, чтобы никто не помешал. Пожалуйста! Ломайте! Только вместе со мной. Готовь, Виталик, теплое белье. Себе и своим буржуям.

Он бросил телефон на диван и похлопал себя по карманам. Черт, покурить бы! Побрел на кухню, распахнул все дверцы так и не снятых кухонных шкафчиков, хотя все обшарил в поисках припрятанных сигарет еще вчера.

Лязг, скрип, голоса, ворчание моторов... Он бросился к окну. Ворота новенького забора были распахнуты, и возле дома высился кран с «бабой», огромным чугунным шаром на цепи.

Осторожно ступая, стараясь не шуметь, он пошел к входной двери и проверил замок. Заперто. Прижался ухом — на лестнице было тихо. В это время за спиной, в комнате, опять затрещал мобильный. Номер тот же, с которого только что звонил Виталий, и Виктор приготовился

снова прокричать: да, вижу, пришла ваша «баба»... и мужики пришли, а я все равно... Но услышал голос дочки.

— Алло! Папа! Алло! — с тревогой в голосе повторяла она.

— Катя! — закричал в трубку Виктор и вдруг почувствовал: у него осталось очень мало сил. — Как же вы могли? Зачем? — Он говорил тихо, без напора, почти шепотом. — Послушай, ты что думаешь, я тут сижу — для себя? Я же хотел, чтобы ты и мама...

Дрожащим голосом она сказала, что ей ничего не надо, его подвижки ни к чему, ей и однокомнатной хватит.

— Дурочка! Из одной клетки — в другую. А я хотел тебе трехкомнатную!

Она расплакалась, и он вдруг подумал, что ни разу не видел ее, взрослую, в слезах. Обиженную, сердитую, расстроенную — да, но не плачущую. Он представил ее такой, какой она была двадцать лет назад — с покрасневшим носиком, слипшимися ресницами и солеными горошинами на толстых щеках. Тогда она потеряла в песочнице пластмассовое колечко, и горе было невыносимым.

— Катюшка, ну что ты...

Захлебываясь и как-то поскуливая от рыданий, она сказала, что беременна. Время идет, и надо что-то решать с квартирой, потому что с ребенком на съемной... «И вообще, мне ничего не надо, только ты уходи оттуда, они сейчас все разрушат».

— Катюша... А что ж ты раньше не говорила? Ладно... Ну, дай бог. Все, Катя, не плачь, не надо. Теперь тебе плакать нельзя. Катя, а кто будет — мальчик или девочка? Рано еще? Ну ладно, понял, не дурак...

Ему показалось, что она улыбнулась, слушая, как он мелет про фрукты и про прогулки в парке и как умоляет не скакать в своем театре.

— Что я, не знаю? Если классическое играть — надо в корсет затягиваться, а современное — колесом ходить. Ну ладно... Катюш, а мама? Она у тебя?

Он услышал, как она замешкалась, и после секундной паузы сам продолжил:

— Катя, дай мне ее телефон, пожалуйста.

Огляделся в поисках бумажки, записал номер прямо на обоях.

— Катя, я тебя люблю. Все будет хорошо. И обязательно поешь.

Отбой.

* * *

Кажется, их было много. Они поднимались по лестнице, открывали двери, входили в пустые квартиры. Стучали в его дверь — настойчиво, сильно.

— Откройте, это спасатели! В парадной кто-то разлил ртуть, всех эвакуируем!

Потом еще, немного тише:

— Там он?

— Да там, там. Я его в окне видел.

Снова стук, кулаком, а потом, кажется, и ногой.

— Так, открывать не собираются... Коля, пошли за ломом.

Он стоял у стены, на которой записал номер, медленно нажимал на кнопки мобильного, боясь сбиться, потом слушал длинные гудки. Наконец сигнал соединения.

Он прокричал ей, что они пришли и разлили ртуть, как предупреждала Таня. Потом немного помолчал и продолжал уже спокойно и негромко — о том, как глупо все вышло. Нет, не глупо... Поздно. О том, что разговаривал только что с Катей, и дай бог, чтобы у нее все было хорошо.

— Да! Нашел Катькины художества на старых обоях в углу спальни. Помнишь? «Дураки»... Люда, ты же всегда меня понимала, почему же сейчас?.. Зачем ты взяла эти деньги?!

Еще он сказал ей о том, что Дом живой. Он услышал это ночью. Никогда тут не было так тихо: ни у кого телевизор не бубнит, музыка не играет, краны не гудят. Грибники не звонят. И ученики твои... По лестнице никто не топает. И все равно — Дом живет. Поскрипывает чем-то, вздыхает. Не спит. Готовится.

— Люда, ты прости меня, дурака.

Договорил, нажал на красную кнопку, а потом отключил телефон, совсем.

Это хорошо, что он Люду дома не застал. Наверное, она сейчас и говорить с ним не стала бы, а так автоответчик прослушает.

Положил телефон на стол и пошел в спальню. Остановился на пороге пустой и звонкой комнаты. Постоял, положив руку на косяк, как раз между отметкой Катиного роста и следами гвоздей. Потом вошел и тихо прикрыл за собой дверь.

* * *

Они сломали замок быстро — что там ломать-то. Вошли в квартиру с опаской — кто его, этого психа, знает... Теснились втроем в коридоре, заглянули на кухню, прошли в большую комнату.

— Ну и где он?

Один отправился проверить туалет, второй заглянул в спальню:

— Пусто.

— Нормально посмотри.

— Куда посмотреть? Комната пустая. Он все вещи сюда вынес.

Вертелись по квартире, заглядывали в шкафы, за диван.

— Но он же тут был...

— Или не был. Какая разница... Сейчас нет? Нет. Ну и все. Даем отмашку, пусть ломают.

— А может, он в другой квартире спрятался? Поднялся на этаж?

— Куда поднялся? Мы ж под дверь стояли, слышали, как он по телефону разговаривал.

— Может, нам послышалось?

Стояли, переглядываясь, пока смуглый парень с ломом в руке не потер затылок и не задрал голову:

— Че за фигня?

На потолке, расщепленном длинной темной трещиной, висела капля. Сорвалась — и вслед за ней сразу набухла новая.

— Тут же месяц как воду отключили...

Отошли к двери, подальше от мокрого пятна на потолке. Решили еще раз заглянуть в соседние квартиры — и торопливо вышли. Последний захватил с собой стоявший на полу приемник с фонариком.

Дверь в спальню осталась открытой, и в пустой комнате эхом отдавался звук падающих капель.

* * *

Дом превратился в груды развалин.

Передняя часть была разрушена до самого основания, пыль от обвалившейся штукатурки плотным занавесом повисла в воздухе.

Когда облако пыли развеялось, на фоне неба отчетливо стал виден неровный край уцелевшей задней части дома и фрагменты несущей стены посередине. Повсюду лежали обломки панелей, торчали углы оконных рам, блестели битые стекла. Развалины пестрели всевозможными оттенками выцветших обоев и кафельной плитки, торчали куски труб и несрезанных радиаторов.

Среди обломков выделялась часть стены с новыми, словно пару дней назад наклеенными обоями, на которых фломастером было написано:

«В моей захлопнутой квартире
Все живы, кроме ничего,
А ничего так много в этом мире,
Что вряд ли кто заметит одного...»

* * *

Прошли годы. На месте хрущевки вырос двадцатиэтажный дом. Нельзя сказать, чтобы быстро, особенно в послекризисные годы, но он заселился полностью.

Жильцы были непохожи на обитателей низкорослого предшественника. Это были люди, преуспевшие в новом времени, в их взглядах отсутствовала растерянность и тоска по прежней жизни. Они были горды тем, что сделали себя сами, и не собирались останавливаться на достигнутом.

Каждый год девятого мая к этому дому приходят с цветами Людмила, Катя с сыном Виктором, таксист Костя, Сталина Петровна с мужем-ветераном и так и не защитивший диссертацию по Стендалю риелтор Виталий. Приходят они в разное время, редко когда встречаются друг с другом, ставят цветы в принесенные с собой баночки у одного из подъездов и, постояв несколько минут, уходят.

К вечеру цветы уже валяются на земле, а баночки исчезают в торбе поселившегося где-то неподалеку бомжа.

Денис КОЛЧИН

ЗВЕЗДА ЗВИЗДЕЦ

* * *

Темень. Керченский пролив.
КПП. Два бэтээра.
Документы предъявив,
колесишь. Прощай, карьера.

Степь да степь, звезда Звиздец
негасимая. Отваги —
ноль. Воздушный холодец,
тарахтенье колымаги.

И куда тебя несет
за сопливыми войсками?
Что, прижалось, не поет,
у тебя в груди скребками
рвет, сигналы подает?

* * *

Последним поездом из Крыма,
ночным — ты-дык, ты-дык, ты-дык.
Очнувшись утром, образина,
сидишь, встречаешь материк,

нагрянувший степным простором,
весенним наливным Днепром.
Вагонное окно, в котором
торчишь бесформенным лицом,

уносится как можно дальше —
на киевский ж.-д. вокзал.
Ты-дык, ты-дык... Сидишь, тишайший.
С той стороны — садовый шквал.

* * *

Стук-постук бичевозы вдоль наших садов-
огородов и прочих предместий.

После крымского фронта погибнуть готов
на картофельном фронте. Два двести

уродился, и вот ветерок до сих пор
продувает, шатает, уносит.

Подойди, обними. Личный твой паникер,
поцелую твой маленький носик.

Полтора землекопа. Звучит бичевоз.
Ноет сердце. Картофель бросают,
зарывают. Взойдет, не обманет, авось.
От жары ничего не спасает.

* * *

Летом на проспекте — Туркестон,
засуха, цементная пыльца.
От похожего на бастион
университетского торца

плитку тротуарную кладут
внуки завязавших басмачей
в сторону гостиницы. Редут
образует плитка у дверей

обувного... Ишь ты, дискомфорт!
Засуха цементною пылью,
вязкой теплотой свое берет.
Сгорбившись, бредешь на водопой.

* * *

Озеро Шарташ, кафетерий «Каспий»,
на ухабах подпрыгивает маршрутка.
Эй, шофер-водитель, балбес горластый,
не дрова перевозишь — взрывчатку. Шутка.

Далее — Берёзовский. Тыфу, деревня.
Курбаши подворотню за подворотней
собирает, рубит бабло. Плачевна
атмосфера. Зато алкоголь добротный

в сумке. То есть нечего огорчаться.
Автостанция близко, не за горами.
Наддает ямщик, пристяжные мчатся,
громыхая колесами и дверями.

* * *

Седина к седине, а по-прежнему — кожа да кости.
Братья Кастеры нынче приснились. К чему? Непонятно.
Начитался, наверно. Снежные падают пятна.
Задувает гаражный, лесной. На заре девяностых

забабахали домик — железобетон плюс прорехи,
плюс десятый этаж, да еще угловая квартира.
К месту службы забег — марш-бросок по столице фронта,
окультуренного, одряхлевшего. Вехи-успехи

обернулись коррозией, каменной крошкой, трухую.
Собираясь на выход, жену обнимаю, целую.
Лифт, прокачанный давеча, вниз пролетает втихую.
На открытом пространстве снежочек с лихвою, с лихвою.

* * *

Грозненский ж.-д. вокзал, Донецкий аэропорт...
История любит кровавые бастионы.
Информация о потерях ее не берет,
не колышет. Глянь, что у девочки в телефоне, —

фото-, видеосвидетельства, беспросветный ад.
Выкладывает крошка в социальные сети.
Ставьте «нравится», если нравится чертов «Град».
Кому надо, сами смотайтесь проверьте.

Будет вам счастье вечное, правильное добро,
приветы посредством кочующего железа.
Как говорил один мой старый приятель: «Бро,
ситуация штатная». Антитеза —
снегопад. Запрокидываю табло.

Алексей ЕРОШИН

ИНГРЕДИЕНТЫ СЧАСТЬЯ

Р а с с к а з ы

Кровать волшебных сновидений

Бабушка у Шурика была с причудами. Она очень подробно написала в завещании, кому из родственников какая вещь должна причитаться. Вплоть до стаканов и трофейной серебряной чайной ложечки, найденной дедом при взятии Берлина. Кто-то получил кресло-качалку, старинную семейную реликвию позапрошлого века, кто-то — не менее антикварный буфет. Шурику досталась кровать. Не то чтобы он имел виды на что-то большее, но ему стало обидно. Должна же была бабуля понимать, что в однокомнатной хрущевке, где он жил с женой Шурочкой, этому двуспальному монстру со скрипучими пружинами да точеными ангелочками просто не хватит места. Впрочем, практичная Шурочка уладила дело просто: кровать решено было сдать в комиссионку, а на вырученные и сэкономленные средства купить раскладной поролоновый диван.

Практицизма Шурику всегда недоставало. Он чуть было не оставил кровать на месте вплоть до сдачи в комиссионку, но Шурочка настояла на том, чтобы забрать ее сразу: мало ли что, а впереди выходные. Да и ребята из похоронной конторы пообещали недорого помочь с погрузкой. Словом, когда кровать наконец втащили в семнадцатиметровку, оставшегося места едва хватило на тумбочку и телевизор. Надувной матрац, которым доселе обходилась молодая семья, спустив, закинули в кладовку.

Улегшись на скрипучее ложе и натянув одеяло, Шурик вдруг почувствовал странную легкость, как будто он повис в невесомости. Усталость утекала куда-то вниз, а взамен приходила приятная легкая истома, как от теплой ванны, полной ароматной пены. И даже легкое поскрипывание пружин при каждом вдохе совершенно не раздражало слух, а скорее напоминало мелодичное пение птиц в лесу. Вскоре Шурик дофантазировался до того, что свежая льняная простынь показалась ему шелковистой травяной лужайкой. Запахло цветами и земляникой. Шурик слушал, как шумит ручей, как ветер шевелит макушки высоких сосен, и улыбался. Утром он чувствовал себя невероятно бодрым, как после отпуска.

— Представь себе, я сегодня видел удивительный сон, — заметил он жене, подсадивая за завтраком яичницу, — будто мы с тобой целый день гуляли по лесу, ели землянику и собирали грибы. Много белых грибов, у каждого была шляпка размером с тарелку. А потом пошел дождь, и...

— И мы прятались от него в шалаше на берегу! — испуганно закончила Шуручка.

Было отчего испугаться. Все сходилось до мельчайших деталей. Шурики целое утро восстанавливали ход событий волшебного видения, пока окончательно не убедились, что пребывали в одном и том же сне. Помимо чертовщины в квартире до самого вечера пахло белыми грибами.

Всю следующую ночь Шурики гуляли по бесконечному цветочному лугу. Пели жаворонки, перепелки призывали поспать, мерное жужжание пчел над клеверными головками вселяло в молодых супругов покой и умиротворение. Проснулся Шурик от звона разбившейся тарелки. Это Шуручка, встав готовить завтрак, обнаружила на кухонном столе букетик ромашек. Учитывая, что стоял декабрь, это было более чем необычно.

Скрупулезный осмотр кровати не выявил ничего, кроме маленького дефекта: должно быть, при переноске грузчики проявили чрезмерное усердие, и в головах кровати край обшивки чуть надорвался. В дырке виднелась дерюжная прокладка и торчал бок пружины.

Всю следующую ночь Шурики нежились на море. Жарились на летнем солнце, купались и строили песочные замки. Утром, принимая душ, уже без особого удивления Шурик заметил, что у него обгорела шея и спина. Любимый внук поместил фотографию бабушки в рамку и водрузил ее на самое видное место.

— С этой кроватью надо разобраться, — заметила Шуручка за завтраком, перебирая в конфетнице россыпь цветных ракушек, еще пахнущих йодоформом.

Житейский практицизм жены прекрасно уравновешивал житейскую непрактичность мужа. Понимая это, Шурик не стал возражать, и вечером в квартире появился странный гость. Он обошел кровать и все углы с хитро изогнутыми металлическими проволочками, которые в его руках вращались, как сумасшедшие. После этого гость заявил, что всего за двести долларов он устранил энергетические аномалии, пока те не разрослись до космических масштабов, когда их устранение обойдется много дороже. И еще присоветовал купить у него парочку защитных амулетов, по пятьдесят долларов каждый. Шуручка заметила, что непременно над этим подумает, но после ухода гостя вычеркнула из телефонной книги его номер.

Ночью им снились горы. Шурики гуляли по альпийскому лугу, пили из горного ручья ледяную минеральную воду и любовались видами. Утром на столике их ожидал цветок эдельвейса в граненом стакане.

— Мы непременно должны разгадать, в чем секрет, — заявила Шуручка за ужином, — мне кажется, это наше будущее. Организуем фирму по выпуску таких кроватей. Купим коттедж в престижном месте, маши-

ну... и все такое. На путешествиях можно будет много сэкономить, мы ведь и так каждую ночь как в отпуске.

Шурик почесал в затылке. Фантазия услужливо принялась рисовать самые радужные перспективы, среди которых новенький черный BMW был одной из самых скромных.

— Может, осторожно разобрать ее и посмотреть, что внутри? — предложил он. — Должна же там быть какая-то техническая штучка, которая заведует этими чудесами.

— Знаешь, там, в кровати, лежит что-то твердое. Я просунула руку в дырку, между пружин, и нашарила это, — сказала Шуручка, — правда, не смогла вытащить, очень уж оно далеко. Попробуй ты, у тебя руки подлиннее.

Шурик встал перед кроватью на колени, вытер проступившую на лбу испарину, засунул дрожащие пальцы в дыру и принялся осторожно шарить между пружин, путаясь в слоях набивки. Погрузив руку до самого плеча, он вдруг обнаружил в кровати нутре что-то твердое и угловатое. Бабушка с фотографии на тумбочке укоризненно смотрела на действия любимого внука.

— Есть! — прошептал Шурик пересохшими губами. — Кажется, что-то нашел!

Он аккуратно подтянул пальцами предмет и не без труда выудил из дыры маленькую потертую жестяную коробочку из-под монпансье. Надпись на доньшке коробочки гласила: «Кондитерская фабрика “Манохинь и сыновья”, 1912 годъ». Шурика снова пробил пот.

— Может, не надо открывать? — вдруг испугался он. — Мало ли что...

Шуручка решительно взяла у него коробочку и подцепила ногтями крышку. По комнате поплыл тончайший аромат лимонных леденцов. Если не считать запаха, коробочка была совершенно пуста.

Шурику вдруг показалось, что бабушка с фотографии, стоящей на тумбочке, глянула на него с особенной укоризной. Он забрал у жены коробочку и поспешно сунул ее назад в дыру.

Ночью Шуручке снилось, что она ищет свой коттедж среди близких многоэтажек и никак не может найти. А Шурику приснилось, что они купили новый диван. Через неделю его сон сбылся.

Ночной каменщик

Тишина наступала примерно в половине первого. По будням, конечно. По праздникам, выходным — бывало, и позже. Шаги в коридорах малосемейки затихали, умолкала музыка, замирала вода в трубах — дом засыпал. Но это была не та тишина. Дом еще долго успокаивался, устраиваясь на ночь. Эхо дневных звуков блуждало по лестничным пролетам, вездесущие проныры-сквозняки подыскивали место ночевки, вздрагивали холодильники, потрескивали остывающие телевизоры — какой-то невнятный гул все равно давил на уши. Настоящая тишина наступала в

половине второго. Ольга наслаждалась ей, блаженствуя в звенящей пустоте, и лишь потом засыпала. Но только не сегодня. Она накинула халат, взяла сигареты и вышла на балкон, поеживаясь от промозглой майской прохлады.

Мегаполис разрастался стремительно, как раковая опухоль. Еще буквально вчера под окнами стояли частные домишки с покосившимися сараюшками, утопающие в буйных кущах сирени пополам с войлочной вишней, а сегодня — раскинулась новостройка. И в темном лабиринте цокольного этажа кто-то настойчиво стучал и стучал звонкой кельмой по свежей кладке.

Ольга щелкнула зажигалкой, прикурила сигарету и затянулась. Теплый горький дым потек в легкие, обволакивая их привычной отравой. Надо было давно бросить поганую привычку, да все не выходило. Метастазы каменного монстра глубоко проникли в тело.

Простакам кажется, что мегаполис кончается там, куда доползают его улицы. Но это только видимость, его показные щупальца. Есть и другие, невидимые. Те, что дотянулись проселками до самых дальних деревень и опутали каждого их жителя. Выдрали тех, у кого корни оказались послабей, затянули в жадную каменную глотку, чтобы жевать, жевать, жевать, перемалывать в труху, по капле выпивая душу, иссушая ее, обращая в камень — основу собственного благополучия.

Днем Ольга приносила жертвы каменному Молоху — работала в маленькой сувенирной лавке. И только ночь была в ее распоряжении — до этого самого момента. Теперь, наверное, город послал кого-то из ревностных служителей своих отобрать последнее — полчаса тишины перед провалом в привычное забытье.

«Вот сукин сын, — думала Ольга, облокотясь на перила, — дня ему мало — стучать». Она понимала, конечно, что все это глупость, мания, детский каприз, что тишины вообще не бывает. Но там, в деревне, были живые звуки: вздыхала в хлеву корова, сонно переступая с ноги на ногу, мыши в подполье шуршали, попискивая, на дальнем краю дежурно побрехивали собаки. За раскрытым окном шелестела листьями яблоня, на пределе слышимости стрекотали нетопыри, проносясь над крышей в погоне за ночными бабочками. Сверчок скрежетал за печкой. Ходики, конечно, гремели. Но как-то неторопливо, размеренно и уютно, что ли. Они не любили демонстрировать скоротечность жизни, отсчитывая минуты по старинке, и только подчеркивали тишину и покой. Тот самый, которого здесь так не хватало.

Ольга проводила взглядом красный, метеорный след окурка. Ночной каменщик все не унимался. Кельма продолжала постукивать торопливо и звонко, и ночная сырость разносила этот стук далеко окрест. Между тем движения никакого на стройке не наблюдалось, кроме неясной тени в окне вагончика сторожа.

Ольга накинула пальто прямо на халат, сунула босые ноги в холодные туфли, вздохнула и выскользнула за дверь. Она не очень представляла себе, что скажет этому странному каменщику, да и скажет ли вообще.

Звуки манили, звали, непостижимым образом пронизывая стены, — звали именно ее. Потому что — Ольга это чувствовала — во всей округе не спали только трое: она, сторож и этот некто с кельмой.

Она на цыпочках прошла по гулкой пустой кишке коридора и спустилась к вахтерской. Дежурная бабулька похрапывала, уронив голову в кроссворд. Ольга неслышно пересекла вестибюль, заставленный велосипедами о трех колесах и детскими колясками, и вышла на улицу.

У земли звуки были слышнее. По ногам сквозил свежий ветер, убежавшие от вырезки тополя царапали ночную черноту корявыми узловатыми пальцами, стараясь дотянуться до бледных мерцающих звезд. Вокруг было пусто и жутковато. Забор стройплощадки начинался сразу за дорожным бордюром и походил на Ольгин бюджет — зиял большими дырами. Посредством дыр население боролось как могло с расползанием города — тащило для бытовых нужд все, что плохо лежало. Но дом, невзирая на это, рос — быстрее, чем его успевали растаскивать.

Ольга в студенчестве подрабатывала на стройках — и нашла, что с тех пор мало что изменилось. За забором петляла между штабелями плит и кирпичей разбитая подъездная дорога, освещенная бдительным оком прожектора. На рельсах дремал длинный и тощий, как цапля, башенный кран. От земли на цокольный этаж вели грубосколоченные деревянные мостки. Идти внутрь было страшновато. Ольга подобрала валявшийся неподалеку холодный увесистый кусок арматуры и поднялась по скрипучим доскам в темный лабиринт.

Звонкий стук стальной кельмы разлетался по пустым кирпичным извилинам. Сначала казалось, что звучал он отовсюду одновременно — сначала глуховато, как будто мастер выравнивал раствор, а потом звонко, словно он прилаживал кирпич. Ш-шик... та-та-та... так-так-так-так... И снова.

Ольга прошла немного вперед, и ей стало казаться, что звук идет из недостроенной соседней комнаты. Прожекторный луч пересекал ее всю — совершенно пустую. Заляпанная раствором кельма лежала поверх рабочих перчаток на штабеле приготовленных кирпичей.

Ольге вдруг стало жарко. На секунду ей показалось, что кто-то глядит ей в спину из темноты. Она оглянулась испуганно, но никого не заметила. Между тем невидимая кельма продолжала стучать. Ш-шик... та-та-та... так-так-так-так... Ольга закусила губу и звякнула в стену арматуриной. Невидимый каменщик замолк на секунду, а потом стук его кельмы раздался с другой стороны дома.

В дальнем конце лабиринта вспыхнул свет фонаря и послышались осторожные шаги по бетонной крошке. Ольга шагнула в тень, подняв арматурину на уровень плеча.

— Эй! — позвали оттуда. — Кто здесь? Выходи, а то как стрельну!

— Не подходи! — предупредила Ольга. — А то как дам!

В проеме показался силуэт невысокого коренастого человечка. Луч его фонаря скользнул по бледному Ольгиному лицу и тускло блеснул на поднятой ржавой железке.

— Ты зачем тут? Сумашеччая, че ль?

— Стучит, — коротко пояснила Ольга.

— А-а-а... — неопределенно кивнул сидуэт, — стучит. А кто — не пойму.

Ольга шмыгнула носом и выдохнула:

— Так это не вы стучали?

— Не. Да опусти палку-то, не бойся — сторож я. Не обижу. Стрелять не буду — пошутил я. Нечем стрелять. А и не возьмешь его стрельбой-то.

— Кого?

— Ну... этого, кто стучит.

Ольга опустила дрын:

— А кто стучит-то?

Сторож погасил фонарь и шагнул в полосу света. Лицо у него было располагающее. Даром что небритое и морщинистое, как сушеная слива, зато доброе.

— Кто... Кабы знать — кто... А ты-то никого не видала?

— Нет...

— То-то вот и оно... Пряма тебе мистика какая-то. Дрожишь-то со страху али замерзла?

— Сама не знаю, — призналась Ольга.

— Это я к чему, — пояснил сторож, — чайник у меня на плите. Идем, отогрейся. Да ты не бойсь, мне молодые девки уж ни к чему — осьмой десяток разменял.

— Я и не боюсь, — ответила Ольга, бросив арматурину на пол.

Сторож поднял палец:

— О! Глянь-кось, угомонился.

Заварки сторож не жалел. Чай у него был такой крепкий, что вязал во рту.

— Зови меня деда Жора, — представился сторож, высыпая на за-тертую клеенку зубодробильные сушки. — А с этими осторожней — они только чуток помладше меня будут. Ты их в чае размакивай.

— Ничего, — улыбнулась Ольга.

— А ты девка-то, я смотрю, деревенская, — угадал деда Жора.

— А вы как узнали?

— Дык здешняя разве куда ночью сунется?

— Не знаю...

— Во-от! А коли деревенская — говори как на духу: в мелкую не-чисть веруешь?

— В кого? — переспросила Ольга.

— Да в кого — в шишей всяких, домовиков.

Ольга подула на черный кипяток в жестяной кружке и пожала плечами:

— Не знаю, я их не видела.

— Я тож не видал, — признался сторож, — а слышать — слышал. Тебя-то вон тоже — чего принесло? Стучит?

— Стучит. А чего стучит?

Деда Жора бухнул в кружку изрядную порцию смородинового варенья и принялся его неторопливо размешивать, побрякивая ложкой.

— Я так думаю, дом у него тут был, у домовушки-то. А как сломали — осиротел, бедолага. Домовикам ить прописка не положена. Вот и строит себе новое жилье. Токмо домовик без приглашения, говорят, не может селиться. А кто его пригласит, ежели никто в него не верит? Потому — беда с ним будет. Озлобится, чудить начнет, шишимориться.

— Чего?

— Чего-чего... Шебаршиться, беспокоиться. Пакостить по мелочи. Никому от него покою не будет. Посуду перебьет, пыли натащит. А ночью на грудь сядет — не вздохнуть, и ну дурь нашептывать, кошмарные сны напускать. От что бывает, когда домовик не при месте. Да что нынче домовик-то, коли сами хозяйева не при месте. Ты вона чего не спишь, по стройкам ходишь? Душа, значит, не в порядке. А была бы в порядке — сопела бы счас мужику под мышку, ага?

— Ага, — согласилась Ольга. — А чего вы сами его не пригласите?

— Да приглашал уж. Не идет. Не то не нравлюсь я ему, не то не хочет в моем вагоне поселяться — он же временный. А может, и нету его вовсе, а я из ума уж выжил. Как думаешь-то, есть он или нет?

— Не знаю. Но ведь стучит кто-то?

— Да не стучит уж. Спугнули, че ль... Или спать пошел.

— Да и мне пора, — сказала Ольга, — на работу завтра. Спасибо за чай, деда Жора.

— Да че там... Заходи, ежли че. Я всегда тута. Гвоздей вдруг надо или доску какую — найдем. А то, может, поболтать. Ночами-то скука тута.

— Зайду, — пообещала Ольга, — рассказываете интересно, слушаешься.

— А-а, че там, — отмахнулся сторож, — не мешки ворочать. Это я завсегда... Тебя проводить, че ль?

— Да я сама, тут рядом.

На улице стало еще темнее — звезды скрылись в тучах, в воздухе висела тонкая водяная морось. Прожектор с вагончика сосредоточенно глазел в недра кирпичного лабиринта. Тощая ссутуленная тень Ольги скользнула по свежей кирпичной кладке и замерла у пустого оконного проема. В окне сидел огромный черный кот.

— Эй, каменщик, — тихонько позвала Ольга, — иди жить ко мне. Я тебя приглашаю.

Кот сверкнул на мгновение зелеными фарами глаз и принялся умываться.

— Я дверь открою, — сказала Ольга. — Захочешь — приходи.

Кот спрыгнул с окна и растворился в темноте. Ольга пожала плечами, еще немного постояла и полезла назад в дыру.

Сквозняк нудно завывал в балконной щели, студя босые ноги. «Надо закрывать дверь, — подумала Ольга, — докурю — и закрою».

В коридоре послышались легкие, почти невесомые шаги, на порог легла короткая серая тень. Огромный черный кот вывернул из-за косяка, зажмурил зеленые глазищи и осторожно втянул носом теплый запах жилья.

— Заходи, — сказала Ольга, — не бойся.

Кот неторопливо прошел по коридорчику, заглянул в ванную, потом на кухню. Осмотрев скромные апартаменты, он вспрыгнул на кресло, свернулся калачиком и замурлыкал. Ольга закрыла дверь, погасила свет и нырнула в кровать. Закрыв глаза, она слушала мягкое кошачье тарактение в темной тишине и чувствовала, как покой неторопливо расплывается по комнате. «Вот теперь хорошо, — думала Ольга. — Теперь — хорошо. Но еще надо будет купить ходики...»

Ингредиенты счастья

Вам никогда не казалось, что большой город похож на пиццу? Бог знает, что намешано в его начинке, и надо смотреть в оба, чтобы отхватить себе лучший кусок: чтобы и корка не слишком сухая, и сыру в достатке, и всего прочего. Поэтому и брать нужно не торопясь, осмотрительно, не первый попавшийся ломоть. Но и зевать, выбирая слишком долго, тоже не следует: можно ведь остаться ни с чем. Это Маринка твердо усвоила к своим двадцати трем годам. Еще Маринка твердо знала, что счастье не сваливается на человека с потолка, как оборвавшаяся люстра. И не возникает ниоткуда, как в автобусе контролер. Счастье нужно лепить, как именинный пирог, — внимательно и кропотливо, по рецепту. А уж рецепт Маринка знала назубок. Главное было найти нужные ингредиенты.

Она полагала, что принц может не быть красив, но должен быть симпатичен. Что-то среднее между Делоном и Бельмондо. Попроще Давида, но получше орангутанга. Блондин, при этом не женат и умен. Однако умен тоже в меру. Без журнала «Нева» в кармане, но фамилию Коэльо принц обязан знать. Одет он должен быть просто, но не без изыска. Не в белый фрак, но и не в драные треники с пузырями на коленях. Разумеется, он должен правильно питаться. Никаких чипсов с пивом, шаурмы и всего прочего, сулящего в перспективе испорченную жизнь и продавленный диван.

Все эти составляющие можно было с легкостью найти в одном-единственном месте — в корзине покупателя супермаркета. Поэтому именно там и работала Маринка, сканируя на кассе содержимое корзины самым тщательным образом сверяя его со списком искомых ингредиентов.

Супермаркет хорош для такой цели еще и тем, что в нем легко подавать товар лицом. А Маринка была штучным товаром, за которым всегда

стояла очередь, если даже другие кассы были свободны. Тем не менее принца все не было. Вместо этого через Маринкины руки просеивались обычные обыватели, чьи корзины содержали недопустимые предметы, не соответствующие эталонному списку ингредиентов: пиво, копченые куриные окорочка, пирожные, сигареты, дешевое вино и «Плейбой». А если волею случая в наборе не было запретных плодов, то кандидат оказывался или чересчур молод, или слишком стар, или уже был окольцован.

Дни проходили за днями, складываясь в месяцы, месяцы грозили сложиться в годы. Город-пицца кружился за освещенной витриной, поворачиваясь то одним, то другим боком, соблазняя на поспешный выбор. За стеклом по темному зимнему проспекту, шевеля серебристыми усами, пробегали троллейбусы, как тараканы по ночной кухне. Комариными стаями по весне зудели отогревшиеся байкеры. Машины в летней духоте жужжали в пробках, как мухи, прилипшие к липкой расплавленной ленте асфальта. Дело шло к осени. Природе, как и Маринке, все чаще случалось поплакать длинными и скучными темными вечерами.

Он был из весьма захудалого королевства, к тому же шатен и в очках. И все-таки, несомненно, это был принц. В его корзине лежали диетические ржаные хлебцы, пакет обезжиренного творога, банка морской капусты и диск с фильмом «Служебный роман». Принц был одет в ношеную, но стильную ветровку, синие джинсы и разбитые кроссовки. Маринка на мгновение заколебалась: все это находилось у самой нижней планки эталона. Составляющие не самого высшего сорта. Следовало рискнуть и подождать еще или протянуть руку и схватить выбранный кусок. Касса прожужжала и звякнула, дразнясь язычком чека. И все-таки — это был принц.

Маринка бережно переложила драгоценные ингредиенты в полиэтиленовый пакет, прицелилась искусно подведенными зелеными глазами, кокетливо поправила выбившийся локон и ахнула из главного калибра мастерски поставленной улыбкой, из тех, что пробивают сердце навывлет. Излишне говорить, что принц был сражен ею наповал.

Примерно в четыре утра их отрезвил зверский аппетит. Завернувшись во влажную простыню, Маринка прошлепала в кухню и открыла холодильник принца. Настоящая женщина, как известно, может сделать из ничего три вещи: скандал, шляпку и салат. Но ей не пришлось проявить это волшебное качество, потому что в холодильнике нашлись: едва початая курица-гриль, сыр и несколько банок пива. Они жадно уплетали курицу, запивая ее пивом, и улыбались друг другу чуть смущенно.

— А я боялась, что найду только хлебцы с творогом и умру с голоду, — фыркнула Маринка, обглядывая крылышко.

— Да это соседка ногу подвернула и просила купить, — сказал принц.

Потом они долго курили на балконе, строя планы на ближайшее и отдаленное будущее, и разглядывали с двенадцатого этажа городские огни, рассеянные безлюдными проспектами на громадные ломти.

Вам никогда не казалось, что большой город похож на пиццу?..

Вещий Олежка

Все началось, разумеется, неспроста. Началось все с автомобиля. По сути, даже раньше, когда какой-то разгильдяй выдал водительские права другому разгильдю. Вероятно, совсем не бесплатно, но это уже другая тема. Для Олега все началось именно с автомобиля. Который проскочил под красный, потому что водила-«чайник» отвлекся на телефонный разговор и затормозил в самую последнюю секунду. В дело вступили законы физики. Кинетический импульс бампера передался брэнному телу пешехода, наглядно продемонстрировав закон сохранения энергии. Энергии этой хватило, чтобы журналист весом в девяносто два килограмма отлетел метра на два и крепко приложился головой об асфальт.

Водила, понятное дело, был далек от классической механики, поэтому напугался до синевы, зубами застучал и затрясся, как велосипедист на брусчатке. Извинялся вполне естественно — руки заламывал, едва на колени не падал. Олег и пожалел бедолагу, не стал заявлять. Решили дело миром. Отвез водила пострадавшего домой, компенсировал временную потерю трудоспособности некоторой суммой наличных, бутылкой хорошего коньяка и богатой закуской.

В редакции Олег сказался больным и взял отгул. Да и делов-то — шишка. Большая, конечно, но дело не смертельное. Как в народе говорят — обделался легким испугом. Только вот сон ему в ту ночь приснился странный. Приснился Олегу рейсовый автобус. Такой обычный с виду зеленый «караван-сарай», каких по городу полно бегают. На боку реклама стирального порошка, на задней двери неприличное слово накорябано. Только не в автобусе Олег будто бы едет, а словно поодаль за ним движется, в каком-то странном оцепенении. И аккуратно на перекрестке у площади вылетает, откуда ни возьмись, груженный трубами МАЗ — не иначе тормоза отказали — да с ходу зеленому «сарая» в борт — хрясь! Понятное дело, крики, визг истошный отовсюду. Автобус точнехонько по «гармошке» пополам порвало. Глядь, а из него тела человеческие сыплутся, как потроха из распоротой рыбы...

Тут оцепенение спало, вздрогнул Олег и проснулся в холодном поту на диване. Сна ни в одном глазу, в шишку на голове кровь стучит, сердце готово через рот выскочить. Поднялся Олег, принял контрастный душ, чаю вскипятил. Отлегло вроде. А там уж и рассвело — на работу пора. Сжевал без аппетита безвкусный бутерброд и подался на остановку. А как автобус подкатил — тут Олега взяло по-настоящему. Смотрит он, а «сарай» — тот самый. И реклама, и слово на двери непечатное. Оно, конечно, могло бы и раньше запомниться: каждый день перед глазами мелькает. А тут и всплыло, как по кумполу дали. Только не идут ноги в салон, хоть тресни — сразу холодный пот прошибает и дрожь в коленках. Ну, автобус ждать не стал, все три свои челюсти захлопнул и повез тех, кого заглотить успел.

Постоял Олег немного, в себя пришел и на работу на такси поехал. Еще войти не успел, а его уже главред поджидает. Никого в отделе нет

еще, а горячий материал пропадает: на площади авария, груженный МАЗ в переполненный автобус въехал. Тут Олега в третий раз оторопь взяла. Шутка ли — сон в руку! Поехал на место — и впрямь все как ночью еще видел: разваленный автобус, толпа зевак и опрокинутый грузовик с трубами. Неотложек, понятное дело, полдивизии. Вернулся Олег слегка не в себе. Пока под впечатлением был — такую красочную заметку накатал, что шеф лично поблагодарил и заметил, что такому ответственному журналисту можно бы всю рубрику передать.

Ночью Олегу приснилось, что горит старое крыло городской больницы. Пожарные тщетно пытались управиться с огнем, жадно пожирающим деревянные перекрытия. Лестниц не хватало. Ходячие больные сами пытались выломать решетки. У кого получалось — прыгали с четвертого этажа, спасаясь от пламени. Жуть, да и только. Олег не мог успокоиться, пока не опрокинул стопку коньяку. Приведя в порядок нервы, он первым делом решил записать все увиденные подробности. На случай повтора невероятных совпадений.

Больница загорелась по плану, в одиннадцать двадцать. Олег, сидя в кафе напротив, сравнивал происходящее с написанным и вытирал со лба холодный пот, поживаясь от невозможного сходства сновидения с реальностью. Заметка снова не осталась незамеченной. Главред имел весьма довольный вид.

Так и повелось. Ночью Олегу снились катастрофы, которые днем повторялись наяву. Очень скоро подающий надежды журналист привык и к истошным крикам, и к чужой боли. Мог смотреть на кровь без малейшего содрогания. Стал рассматривать видения более внимательно, старался узнать о каждом пострадавшем побольше. Одно дело — заметка о безымянном штукатуре, переломавшем ноги при падении с лесов, и совсем другое, если штукатур этот — самородок-танцор, который больше не сможет заниматься любимым делом. Происшествие получает совсем другой драматический поворот, более глубокий трагический оттенок. Народ это ценит. Народ любит, когда к нему ближе. А это рейтинг, это способствует подъему тиража.

Через месяц Олег получил не просто рубрику, а целую полосу в пять колонок и подвал в придачу. Материала хватало. И не газетной водицы, а настоящего «мяса». Увесистых и ярких фактов. Олег записывал их утром, на свежую голову, а в редакции только дошлифовывал, укладывая, словно кирпичики, в цельное и стройное здание очередной статьи. Дошло до того, что даже перестал выезжать на происшествия. А зачем, если в подчинении целый штат молодых, голодных до работы журналистов? Знай себе рассылай по городу да вноси корректуру в готовые заметки.

Коллеги удивлялись необыкновенному предвидению и шушукались в курилках, за глаза называя свежеиспеченного начальника Вещим Олешкой. Еще бы: сам не выезжает, а правки вносит, как будто видел все своими глазами. Уважали, однако. Или просто побаивались небывалой осведомленности. Словом, все шло прекрасно вплоть до шестнадцатого ноября.

В ночь на семнадцатое Олега сбил грузовик. Белый, приземистый. «Все, — успел только подумать Олег со странной, спокойной отрешенностью, — это все». Он не пытался отскочить — знал, что не успеет. Просто стоял и смотрел в оторопело вытаращенные глаза водителя над сверкающей хромом надписью «Nissan». Удара он не почувствовал, просто внезапно наступила темнота, и все закончилось.

Проснувшись, Олег влил в себя добрый стакан коньяка. Перерыл ящики стола и отыскал забытые кем-то сигареты. «Ничего, — думал он, давясь дымом на застекленном балконе и кашляя с отвычки в предрассветные сумерки, — ничего. Предупрежден — значит вооружен». Он не помнил улицу, где это случилось, не помнил времени. Не помнил ничего, кроме выкаченных глаз водителя и блеска хромовой надписи. Но это было не страшно. Достаточно было не ступать сегодня на мостовую — и ничего этого не случится. Его просто вовремя предупредили. Где-то там, внутри, под ложечкой, правда, остался неприятный холодок, который не смогла растопить вера в собственную исключительность. Наверное, что-то надломилось в нем при виде собственной трагедии. Что же — он понял не сразу. Это произошло за два квартала до редакции.

Почему Олег не понял этого с ходу — да потому, что никогда не менял авторской позиции. Ни на работе, ни в жизни. Он лишь описывал события, но никогда не пытался их изменить. Ему и в голову не приходило, как запросто можно стать героем собственной статьи. Занять место рядового статиста, обезличенного героя газетной заметки, чье имя лениво просеивается читателем сквозь редкое сито внимания. Некто попал под грузовик. Что же с того — сегодня он, а завтра другой. Не все ли равно, кто сегодня, кто завтра... Город ежедневно перемальывает с хрустом десятки человеческих судеб. Спаси этого, в сером пальто — его заменит вон тот, в синей куртке. Или тот, в красной. От перемены мест слагаемых сумма трупов не изменится. Каменный Молох так или иначе получит свою порцию жертв. Или же нет? Ведь можно же было попытаться? Почему ему это даже не пришло в голову? Почему? Почему?! Когда это началось? Сейчас ли очерствела душа, или давным-давно ему стали безразличны герои собственных репортажей? Может быть, это было всегда? Да и может ли быть иначе? Существует же здоровый цинизм. Нельзя принимать слишком близко чужую судьбу, чужую боль, чужую кровь — это невысказано. Просто жить не захочется.

Мысли текли ровно, в ритме размеренного шага. Мысли несли оправдание. Только успокоения никак не давали. Олег злился на себя за это. И больше всего злился за то, что ему было в самом деле плевать, кто там упал с крыши, на кого рухнула стокилограммовая сосулька или бетонная плита. Еще вчера он писал о людях, до которых ему не было никакого дела. Вот о той матери-одиночке с двумя детьми, у которой дом сгорел. Сдал заметку, а потом? Съел в буфете пару сосисок с лапшой, запил компотом и преспокойно пошел домой. Ну а что еще? Что? Что?! Завтра кто-нибудь из коллег мог бы написать что-то вроде: «Под коле-

сами грузовика погиб известный журналист». Короткий некролог и лживые соболезнования. А потом пошел бы в буфет жрать сосиски с лапшой. Се ля ви. Так почему же один Олег должен страдать от несправедливости мироустройства? Не его дело спасать человечество. Его дело — красиво констатировать факты. А городу все равно, чьи кости перемалывать в каменных жерновах. Его ежедневная жатва — просто сухая статистика. Олегу повезло: его предупредили. Он вне статистики. Кто-то другой, чужой и абстрактный, займет его место в заметке о ДТП, и с этим ничего нельзя поделаться, как нельзя отменить восход солнца или приход осени. Какой смысл пробовать?

Мысли текли ровно, в ритме размеренного шага. Мысли несли оправдание, только успокоения не давали. До редакции оставалось метров двести. До подземного перехода — пятьдесят.

Белый грузовичок показался из-за поворота, ярко блеснув хромом надписи «Nissan». Белая собачонка рванула через дорогу, завидев на другой стороне бездомную кошку. За собакой, размахивая поводком, бросилась девушка в розовой курточке. Все произошло внезапно. И так же внезапно Олег решил. Вероятно, решил он раньше, пять минут назад или даже ночью. Но понял это только сейчас. И был уверен, что успеет — грузовичок проехал только полпути.

Олег отбросил не глядя сумку с ноутбуком и с места взял спринтерский старт. Конечно же, он догнал ее, соплюху. Схватил одной рукой за пояс, другой за капюшон — девчонка воробышком вылетела на тротуар со своей псиной в обнимку. Но в дело снова вступили законы классической механики. Олег передал импульс, и это привело его массу в состояние покоя. Впрочем, не только массу. Он и не пытался отскочить — знал, что не успеет. Просто повернулся навстречу.

«Все, — подумал он со странной отрешенностью, — теперь точно — все».

Яков МАРКОВИЧ

«ВОТ КАК ЛИШАЮСЬ Я РЕЧИ...»

* * *

То ли явь, то ли сон, то ли я, то ли тот,
Тот, кто ищет кого-то в бреду...
Я иду или тот переходит бред вброд,
Словно крот в подземельном аду?
На роду мне написано быть мне собой,
Но судьбой править вызвался тот,
Тот, кто где-то живет, где никто не живет,
Этот тот за меня и поет.

* * *

Через забвенья вдруг проступит память
И, словно в замять, вновь уйдет в забвенья,
В мгновенье оборвав мой век земной.

Вся жизнь моя и есть одно мгновенье,
Забвенья под напевы колыбельной
И белый плен пеленок, краткий сон.

Все может вызвать у меня волненье:
То дуновенье ветра, то брусника,
То снимки незатейливой зимы...

И каждый пустячок мне очень дорог,
Он морок песни, он мое мгновенье,
Он веянье, он жизни моей весть.

И память тоже, если она есть.

* * *

Поле, полюшко-поле, островок в окоеме,
Незнакомый с подземкой, удушливым адом.
Радо сердце — оно предвкушает в прохладе,
Что не надо лекарства, не надо отравы.
Справа солнце восходит, а слева заходит —
На свободе часы так летят незаметно! —
Лето дышит деревней и древнею волей,
Поле, полюшко-поле все в зернышках звездных.

* * *

Ту гавань, желанней которой не знал и не знаю,
Как знамя страны и страну, ускользнувшую в боль,
В бинокль не увидишь, за окоемом не сыщешь,
Хоть пищей по-прежнему та же забортная соль.

А сон мой с годами туманом оделся белесым,
И стало несносным глядеть, как чужие суда
Без стыда завладели причалом родимого порта
И мертвою хваткой вцепились в того, кто свободу им дал.

Ах, даль, моя даль! Ах, порт мой! Ах, гавань моя!
Не зря говорят, что ничто в этом мире не ново,
И снова душа провожает в поход корабли
До родимой земли, и готовы швартовы.

* * *

Словно молодость, вдруг испарилась лесная тропинка —
Костяника вокруг в каплях крови в Кошцеевом царстве.
Здравствуй, жизнь незнакомая, —
робость, растерянность, трезвость, —
Неизвестность обратных путей в недалекую юность.
Улыбнулась когда-то мне девушка в пестрой косынке —
На простынке остались лесные следы костяники.
А тропинки к другой уводили зазнобе,
Чтобы вновь выводить меня к новой тропинке.

* * *

Вот как лишаюсь я речи —
Кузнечик стрекочет над ухом,
И глухо ему отвечает,
Как мачта под ветром, трава.

Ложусь то ничком, то навзничь —
Вот на ночь швартовы шхуна
Лунно нижет сквозь пену
Пенья небесных волн.

Я слышу звездные речи —
Мне легче постичь их значенье,
Чем слово, лукавое вечно,
На человеческих наречьях.

* * *

Я снова срезаю ночами соседские розы
И возле порога любимой цветник развожу,
Я ей ни за что не скажу, что не спится ночами
И что от отчаянья с зябкой прохладой дружу.

Ей — восемь, мне — семь, мы, выходит, ровесники вроде,
А верховодит она, и драчунья притом,
Вдвоем нам опасно, вот-вот заплачу я ей сдачей,
Но здесь на удачу ее прерывается сон.

* * *

На детских ножках в день вступает вечер,
Еще светло, а воздух фиолетов
Над Каспием, бульваром, минаретом
И над скамейкой — местом нашей встречи.

Хоть этот мир прекрасен без изъятья,
Мне все грустнее в нем и все тревожней —
Брожу, ловлю смешливый взгляд прохожих...
Но вон — звезда, и ты — во взрослом платье.

* * *

Я забыл твое имя, но помню в сирени весь дом,
За окном соловьи рассыпаются в звездные трели,
Акварели луны — поцелуи цветут на стене —
На стене вместе с телом сливаются в нежности лбы.
Я забыл твое имя, но вновь соловьи за окном —
И вверх дном мое сердце — все ищет тебя — свою рану.
Словно ранний рассвет, разгорается в сердце огонь,
Ты не тронь мою рану, пожалуйста, Радость, не тронь.

Дмитрий РАЙЦ

СТРАЖИ ПОЛЮСА

Р а с с к а з ы

Город

*Посвящается
Ярославу Егоровичу Захарову*

Курфюрст Баварии Максимилиан V грезил о выведении более здоровой человеческой породы. Могущественным людям не составляет труда осуществлять самые дикие фантазии — всегда отыщутся лизоблюды, готовые исполнить для них самую невообразимую глупость. По его высочайшей воле все слепые были переселены из княжества в Альпийские горы. Вскоре курфюрста признали помешанным и с престола сместили. Ирония истории проявилась в том, что после слепых Максимилиан V планировал перевезти безумцев на какой-нибудь дикий остров в Боденском озере.

С наступлением передела власти мюнхенской знати стало не до оказавшихся в горах калек, а когда передел был окончен, про них предпочли забыть из политических соображений. Слепые остались в горах, где воссоздали общество в соответствии с духом германской добродетели и выстроили Город по всем канонам европейского градостроительства. Как испускаемые невидимым солнцем лучи, четыре улицы разветвлялись от главной площади, куда выходили фасадами важнейшие здания Города. Прежде всего — ратуша, где двенадцать самых знатных и мудрых мужей-консулов решали серьезные муниципальные вопросы. На ее башне должны были располагаться гремящие ежечасно куранты, но их сложнейший механизм для отцов-основателей был покрыт мраком, поэтому в башню поместился специалист, который считал до трех тысяч и шестисот, а досчитав, на всю округу кричал о наступлении нового часа.

Как спорят философы о том, трещит ли дерево, падая в лесу без свидетелей, так можно препираться до беспамятства и о том, обрамляет ли утренняя бирюза и ночной пурпур изо дня в день альпийские пики, разметает ли высокий ветер маковки снежных шапок, похожи ли горы на вол-

ны вдруг застывшего моря, когда некому этим любоваться. Неумолимое время стирало из памяти слепцов следы прошлой жизни. Сперва были выброшены из голов слова, предназначенные в немецком языке для зари, радуги, небосвода и звезд, зеленого и красного, — всего, чего невозможно коснуться рукой. Потом во мрак погрузились их сны, являя спящим только звуки и запахи. И наконец, когда среди них не осталось того, кто не был слеп от рождения, изгнанники позабыли о собственном несчастье и стали почитать темноту за порядок вещей.

По левую и правую стороны от ратуши стояли дома двух богатейших бюргеров. С самого выселения в горы род Боркенкеферов удерживал монополию на продажу тростей, без которых отыскать дорогу впотьмах не мог ни один житель Города. Последний глава знатного семейства, Альберих Боркенкефер, спокойно и размеренно приумножал фамильные капиталы, вводя в оборот трости со встроенным подогревом рукоятей, когда на рынок ворвался Вотан фон Мюке. Новоявленный конкурент разводил и натаскивал собак-поводырей, которым стоило только называть пункт назначения в Городе, и они сами без труда доводили хозяина. В своей рекламной кампании, — а фон Мюке был первым, кто заплатил человеку на башне ратуши за хвалебные выкрики о товаре между объявлениями часов, — главный упор коммерсант делал на то, что «вкупе с заменой устаревшей трости покупатель приобретает еще и верного, веселого друга». Некоторые горожане, в первую очередь люди одинокие, выбрали собак фон Мюке. Тогда Боркенкефер снизил цены и распустил слух: якобы псы покусали трех своих хозяев (хотя это и противоречило первому закону собаководения — поводырь не может причинить вреда человеку). Фон Мюке в отместку стал повсеместно говорить, что для покрытия тростей Боркенкефер использует ядовитые лаки.

Боркенкефер выискивал себе путь лучшей тростью из сердцевины столетнего вяза, фон Мюке водил по Городу самый поджарый и лохматый дог, а сердца обоих наполняли два чувства: тлеющая ненависть к конкуренту и пылкое вождение к деньгам. Они не могли видеть возбуждающего алчность магического золотого блеска, но звук, с каким одни монеты падали на другие, сводил их с ума.

Оба дельца состояли в ратуше консулами, и оттого всякое заседание «дюжины мудрейших» вместо размышлений об общем благоденствии оборачивалось очередным столкновением частных интересов. Происходило всегда следующее: кто-то из дельцов выказывал порой своекорыстное, а порой должное одобрение биллю. Например, «Об установке поручней вдоль улиц с целью упорядочивания и облегчения передвижений людского потока». Или «О вскрытии родника, бывшего на месте центральной площади, и заключении его в рамки фонтана с целью возможности ориентирования в Городе по шуму воды». Другой сперва чуял неладное, изъясн предполагался наверняка, а после содрогался от ужаса, представляя убытки; одних консулов он подкупал, вторых запугивал, а третьих убеждал. Так в Городе оставались неизменными сухость, тишина и улицы без поручней.

Первым на личности переходил, как правило, Боркенкефер, с криком:

— Пора вышвырнуть всех псов вон из Города! От унылого их воя не то что заснуть, даже часы с башни невозможно расслышать. Люди должны быть важнее собак.

Поводыри, присутствовавшие в комнате, неодобрительно рычали.

— А палки ваши раздолбили уже все мостовые, — обрывал соперника фон Мюке. — Нельзя не споткнувшись и шагу ступить. Все трости изъять и сжечь — это обойдется дешевле ремонта дорог. Кстати, скоро мы выводим на рынок новую породу безголосых собак. По прежней цене.

Шла пауза, сопровождаемая тяжелым сопением, и следовал злобный шепот:

— Как же я тебя ненавижу!

После такого пролога нетрудно себе представить, что, когда Зигмунд фон Мюке и Зиглинда Боркенкефер объявили отцам о взаимной любви и намерении стать мужем и женой, родители не возопили от счастья и не дали ни согласия на брак, ни благословений. Более того, жестокосердый старик Боркенкефер запер дочь на ключ в ее комнате, где бедняжка вскоре умерла, изнемогая от тоски. Чтобы избыть свою печаль, Зигмунд увлекся науками. Говорили, что в лабораторной тишине он надеялся отыскать способ воскрешения мертвых.

Пробравшись поглубже в первобытный хаос природы, мудрецы обнаружат там скрытый порядок, на поверку оказывающийся все тем же необузданным беспорядком, в коем, если не остынет душевный пыл, еще возможно будет отыскать припрятанную удивительно разумную логику развития, в которой уже предчувствуется нечто хаотическое. Наука есть круговое движение знания, выросшее из волшебства.

Лучшие умы Города трудились над разъяснением бытия. Мир представлялся ученым двухэтажным домом. Если вспомнить теорию о слонах на черепашем панцире, то Дом может показаться не такой уж сумасбродной моделью Вселенной. На нижнем этаже пребывал Город со всеми обитателями, а на верхнем существовал некто, кого в научных кругах не без юмора именовали Владельцем Дома. Много споров возникало о его внешнем облике, и ученым сообществом были приняты два постулата: Владелец похож на человека, это раз; но значительно превосходит его в размерах, это два.

Такое соседство не могло быть спокойным. Иногда сверху доносился гром и грохот и вниз начинала капать вода. Владелец был глуховат — как ни кричали горожане свои жалобы к соседу, он их не слышал и продолжал. Проведя сравнение с человеческим поведением, мудрецы предположили, что Владелец наверху двигает таз и моет в нем стопы, проливая при этом часть воды на пол. Владельцем его прозвали больше в шутку, чем всерьез, и долгие научные дискуссии, кипящие страстями, вертелись вокруг того, являлся ли он владельцем Дома на самом деле. Однако претензии и обиды скопились к нему и в качестве домохозяина:

жители Города сетовали на воюющие сквозняки и перебои с отоплением каждые сто дней.

Высота Потолка предполагалась не больше шестидесяти метров. Примерно на столько смог подкинуть камень вверх Рупрехт Бремзе, кузнец и самый сильный человек в Городе. Зная же массу камня и время его полета, Зигмунд фон Мюке вычислил заветные шестьдесят метров. В ратушу от Зигмунда поступила заявка «На постройку лестницы на центральной площади до самого Потолка, прорубление его и встречу с Владельцем». Против выступил Боркенкефер — строительство могло привести к подорожанию нужной для тростей древесины, но для фон Мюке-старшего побаловать сына вдруг стало делом принципа, так что план приняли одиннадцатью против одного Боркенкефера.

Всех горожан призвали на воздвижение лестницы, которой надлежало стать монументом величию и мощи людского разума. Были составлены два списка: первый состоял из разного рода претензий к Владельцу, второй — из самых интересных вопросов о мироустройстве. К числу последних относились: одним ли Домом хозяйничает Владелец? Является ли Дом одним из многих домов в некоем еще большем Домище? Есть ли в Доме этажи под Городом? Если есть, то человек после смерти переходит на нижний этаж? А может ли быть, что раньше люди делили с Владельцем верхний этаж, но за некий проступок были переселены вниз?

Каждое утро жители Города выходили на постройку лестницы. Даже человек с башни ратуши работал на самом ее верху, успевая при этом считать и выкрикивать иногда наступивший час, а иногда заказанную рекламу. Собачьи упряжки фон Мюке подвозили к площади новые кирпичи. От Боркенкефера поступала необходимая древесина, при всей ненависти к роду фон Мюке он вдруг проникся странным увлечением, почти любовью к возводимому монументу. Зигмунд руководил и радовался: каждый день лестница делалась на три метра выше, все шло в строгом соответствии с графиком.

Спустя двадцать дней первым взобрался ввысь Зигмунд фон Мюке. Горожане на площади затаили дыхание. Зигмунд поднял руки, но смог уловить ими лишь пустоту.

— Хм...

Бюргеры забеспокоились, расслышав хмыканье. Наверх к ученому залез кузнец Бремзе и снова бросил булыжник так высоко, как только он мог. Когда камень упал, Зигмунд произвел расчет:

— Шестьдесят метров. Нужно достроить еще шестьдесят метров...

После такого провала некоторые заключили, что Потолок недостижим и даже, вероятно, отдаляется с течением времени. Другие стали говорить, что иные дома и люди в них могут существовать, однако вряд ли прогресс когда-либо сделает контакт с ними возможным. Были и третьи, кто посчитал, что Владелец живет не этажом выше, а в каждом из нас.

Разочарованное в вопросах, касавшихся неземного, научное сообщество обратилось к тому, что было рядом и существовало наверняка, — к человеку. Людская особь состоит из тканей и органов, говорит, неким

образом себя ведет, от кого-то и откуда-нибудь происходит, думает и воображает: то есть работает головой, свершает поступки, творит культуру, составляет вместе с остальными общество — это все возможно изучать, и, чем подробней будут даны объяснения простого явления и мудреней подобраны в них слова, тем сразу покажется сложней само простое явление и заслуженней труд исследователя.

Быстро нашлась первейшая загадка в строении человека: зачем человеку нужны два глаза на голове? Забурлило обсуждение. Привычное мнение об уходящей вместе со слезами печали было признано нелепым и попросту поэтическим. На смену пришла теория, проистекающая из прежних слез, о том, что выделяемые организмом через глаза жидкости есть охлаждающий механизм теплообмена тела. Но и она не задержалась в пантеоне верных догадок надолго, ибо несгибаемой воли академик фон Мюке сумел доказать: глаза являются неотъемлемой частью слухового аппарата, отражающей звук напрямую в ушные раковины.

— На порядок интересней вопрос о смысле бровей, — заверял фон Мюке ученых коллег, — стоило бы отдать все помыслы его умственному постижению, если бы не серия труднообъяснимых явлений в Городе...

Многие жители повторяли один и тот же рассказ: вдруг некто сзади хватал их под локти, уводил на другую сторону улицы, на крики с вопросами и возражениями отвечая только леденящим кровь сопением, и исчезал. Некоторые вспоминали, как иногда просыпались от чувства чужого присутствия в доме и слышали в гостиной шорохи, хотя все вещи там оставались на прежних местах. По Городу расползся страх перед бесчинствами полтергейста. Только Альберих Боркенкефер не унимался, доказывая, что это сбежавший пес-поводырь одичал и алчет крови.

Истина же может показаться невероятной, но тем не менее это правда. В Городе появился мальчик, который видел, и только глухонмота не давала ему объявить о своем зрении во всеуслышание. Откуда он? Как попал сюда? Кто его родители и видят ли они? На эти вопросы не знал верных ответов сам мальчик. Его воспоминания начинались с того утра, когда он очнулся на площади рядом с уходящей в небо лестницей. Но где-то в глубинах юношеского сознания запечатлелся огромный бурый орел, несший его в когтистых лапах. Может быть, все было именно так: орел унес ребенка, но по дороге в гнездо врезался в шестидесятиметровую лестницу и выронил добычу.

Оказавшись в Городе, мальчик взялся по мере сил за поддержание порядка и чистоты. Обыватели приняли его за полтергейста, заметив, как он мыл полы и вытирал пыль в домах, помогал жителям переходить через улицу. Они иногда выступали против и кричали: «Мне не нужно туда», — да все-таки ему было виднее. И в то же время горожане не обращали внимания, но именно мальчик рвал траву, прораставшую между камнями мощеных улиц, соскребал со стен наслоения грязи и паутину, убирал за псами-поводырями. Ощущая некоторые изменения к лучшему, горожане отдавали должное работе ратуши. Взяв несколько кирпичей из недостроенной лестницы, мальчик сложил на площади клумбу и переса-

дил в нее цветы с альпийских лугов. Поначалу обыватели спотыкались и, падая, покрывали испуганной бранью полтергейста, но затем нащупывали цветы, вдыхали благоухание лугов и таяли в радости.

— Кто же поставил клумбу? — спрашивали горожане.

Фон Мюке-старший был сметлив и утверждал, что он.

Однажды мальчик отправился блуждать по горам. Отныне есть наблюдатель, и пускай затихнут философские споры об истинности альпийской красоты в безлюдье. Припорошенные снегом скалы каменными облаками занимали полнеба. Чуть ниже белый сменялся темно-зеленым цветом хвои, уходившим обратно в белый — в горное озеро, спокойные воды которого безмятежно искрились под солнцем. Желая умыться, путник склонился к озеру, и только брызги коснулись его рта и ушей, как к нему вернулись голос и слух.

Горы хранили звенящее, безвременное молчание, так что, лишь придя обратно в Город, он заметил свое исцеление.

— Одиннадцать часов! — звонко выкрикнул человек на башне ратуши.

Мальчик схватился за уши и вскрикнул, после чего с удивлением причмокнул губами.

— Исцелен, — прошептал он и вспомнил об умывании в озере.

В голове его уже по пунктам складывался план. Сперва найти пустую бутылку. Во-вторых, снова отправиться в горы и наполнить бутылку целебной водой. Затем промыть той водой глаза горожанам. В итоге все исцелятся. Но обойдя, как ему казалось, все Альпы и не найдя на сей раз заветного озера, расстроенный мальчик вернулся в Город.

«Чудо бывает нечасто», — размышлял с горечью он.

— Эй, на башне, который час?

— Двенадцать часов, один-один-два-четыре.

— Спасибо.

Тогда мальчик вскочил на несколько пролетов лестницы вверх и оттуда принялся говорить:

— Послушайте, вы все слепы! Понимаете ли вы это?

Первые прохожие остановились внизу и заспорили, с ратуши ли раздается голос, а если с ратуши, то у какого товара может быть такая загадочная реклама.

— Не я, — разрешил спор человек на башне.

На площадь подходили все новые любопытствующие. Однако если речь доносилась не с ратуши, то кто и зачем затевает проповедь? Владелец?! Диспут возобновлялся.

— Пусть кто-нибудь достанет списки!

— Вы видеть не можете, — объяснял мальчик.

Представителем мира науки вперед выступил Зигмунд фон Мюке.

— Что значит — «видеть»? — спросил он, задрав голову кверху. — Сколько метров до Потолка?

— Когда глаза наблюдают не только темноту, они различают цвета. У всякой вещи есть цвет, например, камень серый. — На время мальчик

умолк, пытаясь найти в Городе иной окрас. Даже одежды, кожа и сами глаза жителей были пепельно-серыми, как камень. — Или вот цветы в клумбе — лепестки пурпурные, в белых прожилках, и зеленые стебли.

— Лженаучно, — нарочито громко произнес уходивший Зигмунд. — Нет, это не Владелец. Что и требовалось доказать.

Но мальчик не останавливался:

— Форму и положение вещей необязательно нащупывать руками, их можно видеть глазами издалека.

Боркенкефер и фон Мюке вострепетали, а убежденные просвещенным, что глаза — элемент слухового аппарата, обыватели напрягались, прислушивались, но так и не услышали непонятных цветов и форм. Только сосредоточенные сопения соседей по толпе шелестели вокруг. Подступило скорое разочарование, и все стали возвращаться к насущным делам.

— Готов поспорить, непонятные слова он выдумал все сам, — еще шумел на площади Боркенкефер, размахивая тростью. — Он шарлатан и скоро заговорит о деньгах.

— Но, несмотря ни на что, поводыри фон Мюке останутся для вас верными товарищами. — На всякий случай у фон Мюке всегда был готов запасной план.

Мальчик же спустился с лестницы и покинул Город навсегда.

Возможно, если бы мальчик заявил: «Покажите мне сколько-нибудь пальцев, а я, не касаясь, назову их число. Три» — и кто-то воскликнул бы в ответ: «Верно!» — то простое любопытство и детская любовь к разного рода фокусам были бы в силах вернуть людей обратно на площадь и заставить их слушать. Хотя наверняка бы Боркенкефер стучал тростью в негодование: «Кто кричал? Они заодно!» — или Зигмунд фон Мюке возразил бы: «Должно быть этому научное объяснение, и я его найду...» А впрочем, нет смысла гадать о несбывшемся.

Когда в октябре достопамятного 1799 года войска фельдмаршала Суворова, завершая легендарный переход через Альпийские горы, уже спускались в Баварию на зимние квартиры, разъезд фельдмаршала наткнулся на Город. Непобедимый Суворов писал об этом случае императору Павлу: «Там явилось зрению разведчиков множество слепцов, обычной жизнью существующих в селении, сооруженном среди гор, и о несчастьи совсем не сведущих. Зрелище то показалось удивительней даже вида моста Тейфельсбрюкке, тонкой каменной нитью скалы связующего. Пребывая, однако, в необходимости в сей же день снизойти в долину рек Иллер и Лех, вынужден был отдать приказание войскам Вашего Императорского Величества без остановки следовать означенному пути...»

Дальнейшая судьба Города слепых неизвестна, и навечно останутся сокрытыми тайны, что Вотан фон Мюке мог видеть, но держал ото всех свое умение в тайне, мальчик являлся незаконнорожденным сыном любовников Зиглинды Боркенкефер и Зигмунда фон Мюке, а человек на башне ратуши был на самом деле безумным курфюрстом Баварии Максимилианом V.

Стражи полюса

Посвящается Ксении Игоревне Райц

Захваченная в клешни Арктики стальная гора дрейфует со льдами. Разорванные черные кресты под слоями белой наморози. Над белыми глыбами торчат слишком правильные, слишком человеческие раструбы застывших в тишину, отстрелявших свое пушек. В клочок промерзлой земли вбиты намертво три бетонных треугольника. Сквозь иней едва читается: «Героям-североморцам... 1941—1945».

А чуть севернее, под созвездием *Ursa Minor*, или Малая Медведица, приветствующий мир писк издали двое белых медвежат. Старшего брата назвали Кохаб, младшему дали имя Феркад. Вслед за первым писком детеныши сладко зевнули. Умиленные стихии сбавили вой ветра среди ледяных клыков полюса, погасили северное сияние, припорошили младенцев пледом из пушистого снега. Звезды полярной ночи неторопливо поползли вокруг небесной оси. Косатки поднялись с пустынных глубин океана, чтобы запеть протяжную и печальную колыбельную песню.

Детство может быть счастливым и в Арктике. Особенно когда румяное от мороза солнце, разгоняя затянувшиеся сумерки, пробегает по льдинам и снегу лавиной искр: пейзаж исполняет важную роль в благополучном взрослении.

— Давай вырастем, сядем на айсберг и поплывем к Южному полюсу, — мечтал Феркад. — Станем охотниками на пингвинов.

— Сперва надо вырасти, — возражал Кохаб, отличавшийся прагматичностью.

Искусный и хлесткий ветер Борей выдул арку из снега и льда. Через нее молодые медведи перебрасывали морского зайца, служившего мячом. Правила игры менялись и усложнялись по ее ходу. Запущенный заяц должен был коснуться поверхности льдины лозящего, тогда бросающему добавлялось очко.

— Семьдесят три — семьдесят один, — объявил счет Кохаб, разминая в лапах мяч.

— Семьдесят один — семьдесят три, — поправил брата Феркад, изготовившись к ловле.

— Я попросил бы меня не мять, — влез в диалог морской заяц, но вдруг взмыл в небо. При пролете зайца под аркой гол засчитывался.

— Семьдесят один — семьдесят четыре, — не скрывал ликования Кохаб.

— Давай до восьмидесяти голов. То есть голов, — будто бы невзначай предложил Феркад.

— Нет, до семидесяти пяти, — сказал Кохаб и размахнулся.

Если заяц оказывался в море, его вылавливали обратно и право броска переходило к ловившему.

Феркад отступил к самому краю льдины, чтобы иметь пространство для разбега.

— Ну, я тебя проучу! — засмеялся он.

Когда мяч выскальзывал из лап ловающего в воду, гол не шел в зачет и бросок повторялся. Игра была благородной.

— Семьдесят два — семьдесят четыре! — воскликнул Феркад, вновь разбегаюсь. — Семьдесят три — семьдесят четыре!

Напряженное волнение нарастало, а после возгласа Феркада:

— Дай же мяч скорей... Семьдесят четыре — семьдесят четыре... — достигло апогея.

Очко считалось и при вылете зайца в океан, если он задевал край площадки. Феркад запрыгал, издавая победный вой:

— А я предлагал до восьмидесяти!

Из берлоги зарычала бабка-медведица:

— Феркад, Кохаб, домой!

— Давай еще раз, до первого гола, — предложил Кохаб.

— Ладно, — согласился Феркад.

Морской заяц, вылезая из воды, заявил:

— Бабушек надо слушать и уважать, молодые звери, — но был медленно подброшен.

Бабка вылезла из берлоги и села около арки. Наблюдая за игрой, она ворчала:

— А потом эти лапы грязные в рот... Сейчас мамка выйдет и вам задаст...

Мяч плюхнулся на половину Феркада и тяжело вздохнул.

— Давай до двух. — И, не дожидаясь согласия, Феркад запустил зайца ввысь.

Чтобы вымахать под три метра, милому белому медвежонку требуется всего три полярных дня и ночи. По прошествии назначенных суток Кохаб и Феркад могли бы счастливо играть в мяч целым моржом, но братьев разлучила дурная компания. Феркад связался с полярной совой. Совы и так не самая приятная разновидность птичьего класса, а новоявленный приятель Феркада и среди своих слыл сукиным сыном. Он просил именовать себя Ланием, что на латыни значило «мясник».

— А почему «мясник»? — интересовался Феркад.

— Звучит чертовски злобно.

Ланий взмыл до потолка зла, и ему оставалось либо продолжать парить у верхнего предела, либо опускаться к лучшему. Совиный выбор пал на первое.

Как-то раз во время охоты Феркада на нерп Ланий с высоты приметил затаившегося медведя и возопил на всю округу:

— Черт, медведь!

Нерпы, не разбираясь, кто же из названных двоих пришел по их души, поныряли в море. Довольный собой, Ланий спустился на лед.

— Послушай, это не дело... — начал раздосадованный Феркад.

— Какие-то проблемы? — раздухарилась яростная птица. — Проваливай, это моя земля!

Молодой медведь поднялся на задние лапы во весь свой трехметровый рост и с чувством полного превосходства ответил:

— Никаких проблем.

— С таким-то ростом — зачем ты вообще прятался? — восхищенно усмехнулся Ланий. — Было б три метра во мне, убивал бы не таясь. С таким ростом грех не убивать.

Феркад обнажил клыки в улыбке, и так сошлись жизненные тропы столь различных существ, чуть еще повились вместе по северу, а после свернули к югу.

— Юг — это все-таки не север, черт бы его побрал. — Логика Лания была труднооспорима.

Прятели забрались на шедший мимо айсберг, и Курильское течение понесло их к искомому счастью. Удалой медведь даже не обернулся взглянуть напоследок на отчий полюс, стягиваемый в точку растущим расстоянием. Его острый глаз через скрученные в подзорную трубу лапы жадно высматривал впереди неизвестные земли с манящим именем «юг».

Расставшись с братом, Кохаб взялся устраивать личную жизнь. Миниатюрная (метр восемьдесят в длину и метр в холке) Урсула одним появлением в его жизни покорила навек белошерстого юношу: молодая медведица, озаренная огнями северного сияния, выпорхнула из Ледовитого океана и стала грациозно отряхивать блестящий мех. В вопросах любви важней всего инициативность, красноречие и лихость. Перечисленными качествами Кохаб обладал в избытке, и через восемь месяцев под звездами Малой Медведицы запищали рожденные Урсулой сразу три малыша. Такое бывает редко, а значит, иногда все-таки случается.

Кохаб сделался образцовым родителем большого семейства. Пока Урсула обставляла берлогу и нянчилась с пищавшими без продыху ребятишками, ее муж отправлялся на поиски пропитания. Однажды он вернулся, волоча за рог жирную тушу нарвала. Историю легендарной охоты Кохаб часто рассказывал детям на сон грядущий:

— «Это его рог! Его я узнаю из тысяч! Это нарвал!» — воскликнул я, когда острая пика пронзила морскую гладь. Вслед за рогом показалась страшная пятнистая голова. Наши взгляды встретились. Взгляд зверя, полный ненависти и зла, налитый кровью, вперился в самую мою душу. Не раздумывая я бросился в воду. Едва различимый в подводном мраке силуэт нарвала повернулся, направил на меня смертоносный рог и взмахнул хвостом, устремляясь ко мне. Уже горели сквозь ледяную муть его жуткие глаза, я нырнул под нарвала и саданул когтями по рыбьему боку...

— Но, папа, нарвал — млекопитающее, — поправляли Кохаба малыши, как всякие дети, много знавшие о мире животных.

— Не суть, — продолжал отец. — Багряное облако окутало нарвала; он мотал рогом в надежде нанести мне ответный укол, а я продолжал драть лапами его тушу. Новые раны только пуще взбесили зверя. Оставалось известить его силы, и я кинулся наутек. Никогда еще в жизни мне не доводилось так быстро плавать, но враг не отставал. Кровавый шлейф тянулся за ним. Я вскочил на льдину, и сразу же длинный рог пробил лед,

так что острие застыло у самой моей морды. Могучий последний удар на-рвала прошел мимо.

Разумеется, дети не унимались:

— Еще, еще сказку...

— Ладно, слушайте. Поймал однажды медвежонок моржа, но не захотел делиться с братьями. Взяв тушу, он направился в лес — думал там полакомиться ею в одиночку, а чтобы не заблудиться, отщипывал от моржа кусочки сала и бросал их себе вслед. Налетели синицы и склевали сначала все сало, а потом выклевали глаза медвежонку. Не надо было жадничать. Спокойной ночи и сладких снов, милые дети.

В детской половине берлоги появлялась Урсула. По обычаю молодые родители смотрели с гордостью и умилением на спящих чад, а потом уходили к себе.

Если бы перенестись в этот самый миг по обручу сто шестнадцатого градуса восточной долготы градусов на пятьдесят к экватору, то взору явилась бы следующая картина.

— Пекин. Черт... — Ланий, раздвинув пластинки жалюзи, выглянул на улицу. — Я все еще в Пекине.

— Знал бы, что быть грабителем банков так скучно, искал бы работу. — Феркад лежал на циновке и жевал бамбук. Вторую неделю они скрывались от полиции на конспиративной квартире. Делать было нечего, и Феркад пристрастился к жеванию бамбука. Разбойничья маска из чернил, намазанная на тело, не оттиралась от шкуры — два черных пятна вокруг глаз так и остались на медвежьей морде. Схожий конспирологический признак затемнял также перья у желтых и зорких зениц Лания, который от скуки опять ухал блатную песню о своей нескладной судьбе:

Совенок несчастный,
 В скорлупке уже сирота,
 Позабытый мамулей,
 Отец угодил в зоосад.
 Горемычной птахе
 Хищная доля дадена.

— Да умолкни, наконец!

— Душа поет... Что не так? Эту песню еще голуби по воле разнесут, — и продолжал:

Коротка воля птичья —
 Стальная, без золота, клеть
 Расчертит в полоску.
 Бандитские перышки —
 Хищник не канарейка,
 Ему не петь, а когти точить.

На первом же деле все пошло вразрез с простым и продуманным планом. Начало удалось налетчикам с севера прекрасно: ворвались в фойе банка, Феркад вырубил охрану, Ланий быстрее ветра залетел в окошко

кассы. Там, угрожая острым совиным клювом, он дал перепуганной кассирше несколько дельных советов, например отпереть сейф, черт возьми, и не пытаться нажать манящую кнопку сигнализации. Феркад в это время следил за посетителями; если бы среди них оказались герои, медведю следовало предотвратить их подвиги. Повернулась ручка, всхлипнули заставы, круглая дверь хранилища откатилась в сторону, блеснуло золото. Но пока оба неопытных разбойника млели от драгоценного сияния, осмелевшая кассирша воспользовалась заветной кнопкой. Со всех стен, потолка и пола взвыли сирены, Ланий потерял контроль над собой...

Феркад невольно содрогнулся, припомнив детали кровавой резни.

— За каким чертом ты принялся валить посетителей? — раздраженно спросил он сову и выплюнул пережеванный бамбук на пол.

Ланий повернулся от окна:

— За таким чертом, что это моя натура. Я хищник.

— Непрофессионал, а не хищник! Хладнокровнее надо быть в таком-то ремесле.

— Я тебе не ящерка, чтоб быть хладнокровным. Как хочу, так и граблю, хочу — убиваю. А вот следил бы ты лучше за кнопкой тревоги, нежились бы с ломящимися от деньжищ чемоданами где-нибудь еще южнее, в тепле. Так-то, черт тебя дерит!

— Не переводи стрелки, мясник недорезанный! — вскипел Феркад и хотел угрожающе встать в трехметровый свой рост, но ударился головой о потолок.

Тут же раздался другой удар, в дверь. За ним еще один. Били сильно.

— Загнали! Загнали, волки! Легавые! Поймали в сеть! — Ланий взлетел и закружился по комнате. — Ну идите сюда, все огребете!

Феркад из-под циновки достал открытку с портретом Дэн Сяопина и кинулся в уборную, где смыл карточку в унитаз. «Мировой океан один, — рассуждал он судорожно, — до Северного Ледовитого как-нибудь доплывет». Затем вернулся, дабы во всеоружии встретить незваных гостей.

Дверь распахнулась и повисла на одной петле, в квартиру ворвались двое китайцев с ружьями в руках. Феркад зарычал и широко раскинул когтистые лапы, но первый китаец выстрелил, дротик впился в шею медведя, он обмяк и рухнул на пол. Второй китаец, прицелившись, сбил кружившего Лания. Мутнеющий ум Феркада еще смог разобрать людской диалог.

— Какая здоровенная панда! — воскликнул первый китаец.

— Видно, много пережевала бамбука, — усмехнулся второй.

— А это, похоже, сова...

— Сам ты сова! Вон же черные пятна у глаз — это сорокопут. Какой же ты зоолог, когда не понимаешь таких простых понятий?

Первый китаец обиделся и замолчал. Если кому-то интересно, потом, дома, за ужином, ему в голову придет достойный дерзкий ответ на реплику напарника, но будет уже поздно.

— Псы... шелудивые... — прошептал из последних сил Ланий, лежавший рядом, и затих. Сознание Феркада замело хлопьями снега, и он

увидел в сладком сне знакомые с детства льдины и двух медвежат, игравших в мяч морским зайцем.

Однако пора вернуться в сторону, куда еще верно указывает всякая намагниченная стрелка — на север. Тот, кто назвал Северной Венецией город Санкт-Петербург, никогда не был в Арктике. Вот где несчетные каналы, протоки и речки обрамляют заснеженные площади, скользкие улочки, студеные мостки и ледяные палатки. Роль прожорливых голубей с площади Сан-Марко в высоких широтах исполняют полярные совы, окровавленными клювами роющиеся в добыче, а стаи китов косаток, рассекая волны, напевают серенады вместо гондольеров. Кстати, киты упомянуты неспроста.

Стотонный гренландский кит выбросился на льдину. О причинах, побудивших морского исполина к безрассудному акту, говорили недолго, сошлись на том, что без несчастной любви тут не обошлось. Затем у гигантского деликатеса собралось все медвежье общество. Согласно обычаю, первым к трапезе приступил старейший член общины — тридцатилетний Бенетнаш с позеленевшей от древности шерстью. Пока он жевал огромный плавник, прочие медведи затеяли светский разговор. Кохаб поспешил сообщить сородичам счастливую новость:

— От брата пришло письмо!

— Ну читай, вслух читай, — стали заинтересованно просить его белошерстые хищники.

Кохаб достал полученную открытку, прокашлялся и приступил:

— «Дорогой брат, на пути моем было не так много пересадок: с Курильского течения на Северо-Тихоокеанское, оттуда на Калифорнийское, с него на Северо-Пассатное, после, наконец, на Курошио, а там и долгожданный юг. Отыщутся ли слова в нашем северном наречии, которыми стало бы возможно описать южную красоту? Звери гуляют без шкур, и их тут очень много — ешь не хочу. Цвета кругом пестрые, что поначалу глаза режет, много зеленого, куда ярче шерсти старика Бенетнаша...»

Древний медведь оторвался от китовьего мяса, услышав свое имя. Кохаб метнул завистливый взгляд на ковш Большой Медведицы, изливающий свет с небес на юг, и перешел к следующему абзацу:

— «Мы с Ланием славно устроились в городе Пекине. Работу отыскали в финансовом секторе. Занятие увлекательное, несмотря на большое число расчетов».

Голос Кохаба трогательно дрогнул:

— «Как поживает троица моих племянников и наследников? Знаешь, иногда расцарапает душу когтистая тоска: закрою глаза, в ушах начинает ветер реветь, и воображается север, снег и метели, а среди них — мои нерожденные ребяташки» — Кохаб закончил чтение письма.

— Плавают куда-то, — тихо ворчал Бенетнаш, — на месте не сидят, суется, там тоска берет, возвращаются. Зачем уплывали, когда есть родина?

— А кто такой на письме? — спросил медведь помоложе, ткнув лапой в портрет Дэн Сяопина.

— Наверное, южный зверь, — ответил Кохаб.

— Жуть. Похож на пришельца.

— Какого пришельца?

Медведь помоложе понизил голос:

— Рассказывают, что как раз недалеко от этой льдины видели на море неизвестный объект, с которого спускались пришельцы.

— Кто рассказывал? — поинтересовались собравшиеся.

— Тюлени.

— Тюленям можно верить, — объявили медведи.

— Объект захватил одного тюленя лучом, по тропе из света пришельцы его подняли на борт, и луч погас. Объект уплыл, а того тюленя больше никто не видел.

— Откуда ж им взяться?

— Может быть, оттуда? — Медведь помоложе поднял когтистый палец кверху.

— Сам сказал: приплыли. Оттуда бы были — прилетели. Значит, из мест не столь отдаленных.

— Мама, не хотим к пришельцам, — прижавшись к Урсуле, плакали медвежата.

— Не бойтесь, дорогие, это выдумки, — поспешно успокаивал Кохаб своих детей.

Слово «внезапно» здесь подходит даже больше слова «вдруг». И так, внезапно полярную ночь рассек яркий свет прожектора. Взыв от ужаса, одни медведи бросились наутек по суше, в то время как другие скрылись в темных толщах вод. Старый Бенетнаш притаился под недоеденным китовым плавником. Урчал мотор катера. Белый овал стал рыскать по льдине, пока не вписал в себя Кохаба, прикрывавшего бегство Урсулы с детьми. Брошенная из темноты сеть накрыла храброго медведя. Зверь запутался и упал. С катера на лед соскочили люди в меховых камлейках и унтах и, кряхтя, поволокли Кохаба на борт.

Чем ближе к экватору, тем чаще дни сменяются ночами, да ненадолго — близок новый день, как писал один поэт (а может быть, не писал, хотя ему и следовало). Уже на пятьдесят пятом градусе северной широты дни мелькают друг за дружкой куда чаще, чем хотелось бы. Эх...

Первые дни в новосибирском зоопарке Феркад негодовал. Сотряса стальными прутья решетки, он не прекращал выть:

— Я требую справедливого суда! Требую присяжных!

Однако, получив целую охапку бамбука, он быстро смирил непокорный дух. Феркад откусил фалангу от первого прутика и стал тщательно жевать. Бессмысленная улыбка расплылась на медвежьей морде, глаза сделались стеклянными. Он чувствовал, как теплые волны пробегают от его сердца до самых кончиков шерстинок и, отражаясь, возвращаются. Челюсти двигались не без усилий, но он выплевывал пережеванный бам-

бук и кусал следующую фалангу. Подушечки на лапах слегка покалывало. Закрывать глаза было очень приятно, открывать их — напротив. Феркад уснул, но увидел самые обыкновенные сны.

Пробудился он от тихих поскуливаний в соседней клетке и решил не шевелиться. Когда кому-то рядом плохо, иногда не хочется подавать признаков жизни вовсе, и тогда, возможно, не придется говорить слов сочувствия, в то время как неуместны и не нужны любые слова.

Фонарь над клеткой испускал тоскливый пурпурный свет. Тень от решетки расчертила пол. Феркад перевернулся на другой бок.

— Эй! — воззвал он в темноту.

Фонарь озарил морду грустного белого медведя из соседнего вольера.

— Кохаб! Брат... Ты как здесь?

— Феркад? Что с твоими глазами?

Надо ли вновь возвращаться к вышеизложенному? Все вопросы братьев друг к другу именно о нем и только из него все их ответы. Пожалуй, будет разумнее обратиться сразу к завершению всей беседы в виде монолога Феркада. Взошло уж солнце, день сиял.

— Зимой, когда милые медвежьей шкуре морозы и ледяные туманы Арктики доползут до здешних широт, ты учуешь в нахлынувшем северном воздухе дыхание дорогого семейства. Не горюй, брат, о детях, не горюй о жене. Научу тебя отправлять письма, и ты сможешь поддерживать с ними корреспонденцию. Всего лишь нужно найти сток...

Кохаб улыбнулся и произнес:

— Я люблю писать письма.

Все обернулось хоть и не совсем благополучно, но и не полностью безнадежно. К тому же братья-медведи вскоре стали знамениты.

В один прекрасный день лета, очень короткого на пятьдесят пятом градусе северной широты, дедушка привел в зоопарк внука. Сперва поглазели на Феркада, ошибочно отнесенного к пандам, потом купили по палочке сладкой ваты и перешли к вольеру с полярным медведем.

— Дед, а правда, что белые медведи живут в иглу?

Но дедушка начал рассказывать:

— Когда меня откомандировали на мыс Челюскин рвать снаряды, оставшиеся во льдах с самой войны, сослуживцы вручили с собой в дорогу трехлитровую бутылку спирта. Сказали, махнешь на шкуру белого медведя. Медведей в окрестностях мыса увидеть не довелось, хотя на моржей посмотрелся досыта. Спирт мне обменяли на бутылку лучшего коньяка «КВВК» и попросили передать на Большую землю, что и на севере обитают нормальные люди.

Пока он рассказывал, невнимательный, зато очень любопытный внук пролез между прутьями и оказался по ту сторону решетки. Дедушку спасли пилюли от сердца, но несчастного мальчика, казалось, ничто не в силах было спасти.

Кохаб лапой поднял мальчонку и сказал брату:

— Феркад, я нашел мячик. Поиграем?

— До ста, — ответил без промедления «панда».

Отсутствие потолков в клетках позволило медведям перебрасывать ребенка через смежную решетку. Поначалу мальчик боялся и плакал, но постепенно успокоился и даже развеселился. Тем более его пока ни разу не уронили.

Подтянулись остальные посетители зоопарка.

— Крученный поймашь? — спросил брата Феркад и запустил ребенка по дуге. Но Кохаб был ловок и поймал малыша. Заискрились фотовспышки, делая медведя и лжепанду звездами зоосада.

На следующий день всего через час после открытия во всем зверинце кончилась сладкая вата, так много набралось желающих понаблюдать за животной диковинкой. Медведям выдали резиновый мяч и велели продолжать игру.

Конец всей истории очень близок. Благодаря тщательному уходу искусных ветеринаров и регулярным физическим нагрузкам, братья дожили до той почтенной поры, когда мех полярного медведя окрашивается в зеленый. Эпилог жизни старички коротали, припоминая любимые эпизоды нордической юности и подтрунивая над жирафом за высоколобость и две причудливые шишки на пятнистой голове. Жираф смущался и ничего не мог им ответить.

Увы, даже самому крупному хищнику на Земле не одолеть смерти. Но пусть такой финал никого не печалит — его предваряет целая жизнь, преисполненная приключений.

Настала ночь, на тусклом от городских огней своде небес слабо лучилось, указывая на север, созвездие Ursa Minor, или Малая Медведица. Кохаб и Феркад прилегли отдохнуть, шум недалекой автострады, шелест листьев и трав, шепот радио в будке сторожа быстро убаюкали двух зеленеющих дедушек. Но ночь никак не кончалась, медведи не просыпались.

TERRA INCOGNITA

В декабре 2015 года состоялся финал седьмого поэтического конкурса «Сверхновое чудо», организованного Новосибирской областной юношеской библиотекой. Пройдя несколько отборочных этапов, до финишной черты добрались 20 человек, все — студенты различных вузов города Новосибирска. Стихотворения наиболее интересных молодых поэтов-финалистов предлагаем вниманию наших читателей.

Екатерина ТУПИЦЫНА

* * *

я не помнил, кто мой отец; я вырос в семье, в которой
женская ласка — единственное, что могут дать малышу;
мой отец значился то космонавтом, то бравым военным,
то Димой, то Мишей, то Петей, то «дядей Виталей»;
мама мне говорила: «вот вырастешь — будешь как папа»,
бабушка в сторону: «не приведи Господь» — и отчего-то крестилась.
мама мне говорила, что с возрастом я становлюсь похожим
на этого «сукиного сына», этого «недоделка», этого «недомерка»,
мол, ни разу не видел в осознанном возрасте, не общался,
а те же повадки, все та же мимика, те же ужимки...
а по ночам тихо плакала, выла в подушку, и бабушка
успокаивала ее до самого дня своей тихой смерти.
мама плакала не потому, что любила (как его можно простить?!),
а потому, что ей было страшно: сын растет безотцовщиной
и нет перед ним мужского примера (мама больше не вышла замуж).

когда мне исполнилось восемнадцать, он позвонил и сказал:
«я хотел бы увидеть сына, видишь, я все еще помню о нем»,
мама бесстрастно ответила, что пусть приезжает
(и снова плакала, но уже по ушедшей бабушке, потому что некому утешать).
я ждал этой встречи, уже не веря в сказки о космонавтах,
знал его имя и отчество (первое вывел из собственного второго),
и когда меня спрашивали: «как вас по батюшке, дорогой?»,
отвечал, что отца моего нарекли Алексеем, и я — Алексеевич.

и я знал, что у него автомастерская и, кажется, он пожарник,
и вот я звоню ему и говорю: «здравствуйте, Алексей Юрьевич,
это...» (тут говорю свое имя немного дрожащим голосом),
а он: «какой это...?» (и вновь произносит мое имя),
а я тихо добавляю к имени отчество и говорю: «сын ваш».

он приехал днем, и мы говорили, говорили недолго,
он справился, как я, куда поступил и чего жду от жизни,
тихо курил, и было видно, что он смутился,
не знал, о чем говорить с кровью своей и плотью
(меж тем две единицы таких же бегали у него от второго брака),
потому говорил отрывисто и сотрясал воздух,
я не мог перейти на «ты» и все время выкал
и по-школьному звал по отчеству;
вручил мне деньги, сказал, что «это маме, я обещал»,
и я поднялся в квартиру, а он уехал к второму браку,
а мама сказала: «здесь двадцать пять, а он обещал пятьдесят».

после своего первого университетского семинара я написал ему,
поделился переживаниями и впечатлениями, а он сказал,
что не любит сообщения, и еще повторил, чтобы я сам звонил.

я после звонил вам пару раз, но вы не брали трубку.
я поздравлял вас с двадцать третьим, но вы молчали.

папа, когда ты умрешь, узнаем ли мы об этом?

Тимофей ТИМКИН

Колыбельная на барабане

Спи, мой пай-мальчик,
Будь слабый, домашний,
Не понимай фальши,
Ни лезвий, ни зла.
Не лезь на нельзя,
Как на рожон.
Знай: если рожден,
То уже награжден.

Тайной тенью сгустились
Там темные силы,
Тянут к дитяти жилы и вилы,

Клепают нам клетки,
 Сплетают нам плети,
 Кляп лепят детям.

Но спи, не тревожься,
 Спине натруженной вожжи
 Не страшны, и мы тоже
 Не трусим, не в дрожи
 От гласа и глаза ада и глада,
 Ведь на каждого гада
 Готов гладиатор.

В радости милой
 Расти же без силы.

Чуешь, за шторою
 Щурится черное?
 Чуешь, за дверью
 Чудище дремлет?
 Тот, кто точит клыки
 На горемычных,
 Тихо наши замки
 Ковыряет отмычкой.

Спи, не будь насторожен.
 Как струна, стонут вожжи,
 Их строка не указ нам,
 Пусть заказана казнь нам,
 На горе стоит кузня. В ней
 Горн горит, стонет куст огней.
 Искусан сажею, с косою саженью
 Готовит витязь там себе оружие,
 Мечи мечты да луки лучшего,
 И счастья щит на стрелы страшного
 Из дуба доблести и меди бедности,
 И кузня все кадит, во мраке светится.

Отделит воин тот булатным скальпелем
 Великолепие от липколапия.
 И застит зависти он очи сычии,
 Узлом завяжет он все злоязычие.
 Из шавки-пошлости железом вычешет
 Всех вшей жестокости и блошек-выскачек.

Трясину вытряхнет из телеящиков,
 Отдаст искромсанным он кровь кипящую.

А нож невежества наживкой нашивал
И сытость скотскую, и мысли легкие.
А воин черное сживает заживо
И вешний воздух он вливает в легкие.

Спи, тихий, беленький,
Ты в колыбельке, как
В своем кораблике.
Ты спи, не жалуйся,
Бездарный, слабенький.

Спи, воин тоже спит,
Себе свив тесный скит.
Коросту корысти и струпья тупости
И скорбь соскреб в костер,
Со света грязь оттер.
Не смотрит больше вверх,
Ведь гадской крови грех
Ему замаливать,
А ты спи, маленький.

Но только слабым ты расти, пожалуйста.
Не будь ни воином, ни гладиатором,
Ведь витязь жалящий не знает жалости
И длани колющей не сладить с ладаном.

А коли мир спасешь — кровавый урожай,
Вина и ордена,
Венца и кортика —
Награды ты тогда не вздумай, не стяжай.

Кто зло борол — тот всех грешнее,
Как в старой басенке про брадобрея:
Брадатых брить — так и себя,
А бьющих бить — так и себя!
И света ради идя на бой,
В последнем раунде играть с собой.

А войне всегда быть и война всегда будет,
Пока победитель у нас неподсуден.
Пусть бились всегда ради праведных слов,
Но меньшее зло — не меньшее зло.

Расти, мой малыш, не зная победы,
А если узнаешь, тогда кто-то где-то
Под грохот огромный и посвист железный
Про тебя споет песню, несложную песню:

«Там темные силы
Тайной тенью сгустились,
Но на этого гада
Тоже есть гладиатор».

Спи, мой пай-мальчик,
Будь слабый, домашний,
Прозрачный, сопливый,
Дай тебе бог не понять наших гимнов.
Смотри, мой малыш, мир добр и чудесен,
Дай тебе бог не понять наших песен.

Пусть приснится тебе витязь в ладье,
С мечом, колчаном и гибким луком.
Господи, дай нам слабых детей,
Господи, дай нам бездарных внуков.

Екатерина МАТИНА

* * *

День поет тоскливое, нечаянно родное.
Средь трав закатных распластавшись —
Сна нет ни на одном боку.
И плакать нет,
Смеяться нет.
Труба дымит, а ночью воет.
Как бабочка-полуденка
Летишь от вздоха к вздоху.
Чем жарче день, тем сладостнее ночь.
Она укутает прохладным одеялом.
Она тиха, в ней больше замечаешь:
Там ельник покосившийся,
В ветвях щебечут птицы.
Чем дальше смотришь небо, тем больше видишь звезд.
Кувшин разбился —
Разлился рассветный сок.
На горизонте показалась,
Громыхая, колесница.
И снова скачет, пританцовывая,
День,
Покуда не иссякнет, утихая.

Владлен ДВОРНИЦКИЙ

* * *

Рыбак рыбака
 Видит издалека,
 Узнает его по огранке,
 По умению держать спину,
 По манере произносить буквы
 И складывать их в слова;
 По свойству упорядочивать пространство вокруг себя.

Рыбак удит истину на червя,
 Радость на мотыля,
 А любовь
 Сама идет в руки.

Ох уж эти рыбацкие трюки:
 Приходить всегда вовремя,
 Приносить добрый улов,
 Приоткрывать ставень, рая створки.

Вон, гляди! — идет армия рыбаков,
 И каждого выдает
 Удочка и ведро.

Геля БЕССМЕРТНАЯ

Ассоциации со столовыми приборами

Этим утром мне виделся смысл во всем: и в ложках из нержавеющей,
 И в стремительном кипятке, летящем из душевой лейки,
 И в твоём сквозь сон дыхании беспокойном,
 И мне стало понятно, зачем все миры и войны.
 Было значимо все: и немые вилки,
 И забытая кем-то пепельница в курилке,
 И знакомое имя эхом в пустом коридоре,
 И размазанный силуэт отражением в зеркале и фарфоре
 Чайной чашки на самом краю верхней полки.
 И прекраснее не было ничего твоей мятой футболки
 И тебя самого, с головой укрытого одеялом.
 Я во все глаза смотрела на мир, и мне его было мало.

Пётр МАНЯХИН

Ф.М.

город давит, не дышит и стены покрасил в желтый,
степень тени в ночи измеряется белым спектром.

выход не предусмотрен,
потому что,
куда бы ни шел ты,
червоточинами
сворачиваются проспекты.

если хочешь быть первым,
готовься к вселенской бойне,
чувства спрячь и размажь, придется и тут потерпеть.
просто будь,
а главное — будь спокойней.

«Не могу! — закричишь. — Не могу!
Что теперь?»

сердце вырезать, на руках его в ад нести!
по ночам вместо Библии душу свою листать.
наша жизнь — теория вероятности,
где собой остаешься только в одном из ста.

кто-то выберет пулю поймать виском,
потому что жить он не мог через боль никак.

каждому времени — свой раскол,
каждому времени — свой Раскольников.

Екатерина ДРОЗДОВА

Terra incognita

У ночного «Речного»
вытяни руку к дороге —
твою руку отрубит
проезжающей мимо машиной.
Страх темноты в нашем мире —
не просто тревога,

страх темноты вращает горячие шины,
горячие шины вращают бетонную Землю,
а там, где вращенью Земли не поможет протектор,
на помощь идет
вертолет.
Глобус в руках
уже не запятнан белым.
Так где наша смелость
не ладонью крутить,
а подошвами?
Тревожно.
Тревожно.
Тревога,
в двадцать один ноль-ноль
мальчик вышел с платформы
и отправился по мостовой,
тревога!
Мальчик исчез с мониторов,
потерян ребенок,
куртка — серая,
очи — черные,
ростом метр семьдесят пять.
Тревога, тревога!
Ребенок на terra incognita
погружается в незнакомое.
Незнакомое — значит, меняется,
а меняться может быть больно,
тревога!
Мальчик на terra incognita
превращается
в бледного юношу
со взором горящим,
он ищет, обрящет,
бледнеющий мальчик
встает у темнеющей трассы,
на отсечение миру
дарует он руку.
Не за доверие людям,
но веру в людей.
В большом
незапятнанном мире
за долго ли, коротко,
много иль мало
бледнеющий мальчик
найдет человека.
А мальчика мы потеряли.

Вадим СУХОНЕНКО

* * *

двое влюбленных,
их первое лето,
слова, поцелуи
по-детски игривы.
он гладит её руки,
она шепчет: «милый»,
кусает за ворот.
безумно красивы,
изящно-небрежны,
хрупки и прозрачны
их ноги в песке,
а мысли без фальши.

и море звучит
слишком сильным прибоем,
дыханием бриза
и ропотом чаек,
а небо забыло
вчерашнюю бурю,
и пахнет анисом,
и я замираю.

Кира БЕРГВИНД

* * *

мне все снится крыльцо,
трава и яблоня у окна,
и у печки дрова, и радио на столе.
мне все снится, что беды
не смогут добраться к нам,
что крыжовник всегда будет сладким,
а мы проживем сто лет.

мне все снится глоток молока
парного, качели, тюль,
и малина с куста, и дым из печной трубы,
мухобойка и запись в тетрадке:

«седьмое число, июль»,
земляника, варенье,
корзинка, а в ней — грибы.

мне все снится, как
счастье сильно сжимало грудь,
как не падала с велика,
вниз с горы, затаив дыхание, устремясь,
и как бабушка пела
(ведь с колыбельной легче всего уснуть),
как к разбитой коленке
опять прилипала грязь.

мне все снится, как ветер
слыл отъявленным подлецом
и панамку срывал с головы,
если сильно спешить, когда на столе обед.
мне все снится в стекле веранды
бабушкино лицо,
часто снится, но
бабушки больше нет.

мне все снится чердак
и в книжке подчеркнутая строка,
ключевая вода, молочная каша,
калоши и дождевик,
я все чувствую, как меня по затылку
гладит бабушкина рука.
это только мгновение,
самый бесценный миг.

мне все снятся ладошки липкие,
ягодой усыпанные кусты,
и косынка, и на плечах
простой шерстяной жилет.
знаешь, бабушка, мне все
снишься и снишься ты.
и детская вера, что
мы проживем сто лет.

АНТОН СОРОКИН

НЕИЗДАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Антон Семёнович Сорокин — необычное и оригинальное явление сибирской литературы первой четверти XX в. Он родился 29 июня 1884 г. в семье павлодарского купца-старовера. В Омске, куда Сорокины переехали из Павлодара, будущий писатель учился в гимназии, иконописной мастерской, занимался торговлей кожей и солью, увлекался живописью, скульптурой, художественной фотографией. С 1900 г. печатался в периодике Сибири. В 1911 г. его монодрама «Золото» привлекла внимание В. Ф. Комиссаржевской и Вс. Мейерхольда, но по каким-то причинам постановка так и не осуществилась. Спустя три года в газете «Омский вестник» публикуется одно из лучших произведений Сорокина — аллегорическая повесть-памфлет «Хохот Желтого дьявола», в которой, по его словам, он «истерически кричал против войны и капитала». Неприятие наживы, золота, денег, насилия, войны и вера в человеческий разум — главные черты его литературного творчества.

Антон Сорокин.
Фотография с автографом.
1915 г.

Талантливый, незаурядный писатель, Сорокин был одновременно и мастером эпатажа. Так, например, он расклеивал на одной из улиц Омска объявления следующего содержания: «Сегодня здесь пройдет Мозг Сибири, Кандидат Нобелевской премии, Король писателей Антон Сорокин. Он раздаст подарки». Упомянутые «подарки» представляли собой пуговицы, огрызки карандашей и автопортреты с личной печатью «короля». Скандал был для него формой саморекламы. Бывало и так, что Сорокин начинал «рекламировать» своих собратьев по перу, чем вызывал у них негодование. Свидетельство об одной такой «рекламной кампании» хранится в Городском Центре истории Новосибирской книги. В 1916 г. поэт Николай Янков с возмущением пишет Кондратию Тупикову (писатель К. Н. Урманов) о появлении открыток Сорокина с рекламой его, Янкова, нового сборника стихов. Автор письма сообщает, что согласия на рекламу он не давал: «Этот новый “трюк” господина А. Сорокина лишней раз доказывает всю неблагоприятность его поступков и бесцеремонность по отношению к имени своих знакомых, что в литературной среде, хотя бы даже и товарищеской, считается недопустимым. Что, разве не правильно я говорил, что Сорокин рекламист?»

Об эксцентричных поступках Сорокина ходили легенды далеко за пределами Омска, дом же его был центром притяжения для городской творческой интеллигенции. Писатель Всеволод Иванов вспоминал: «Встречи писателей происходили обыкновенно у Антона Сорокина, который умел без изысканной любезности, без натянутости, а с мягкой пронизательностью сближать людей искусства. Войдя к нему в комнату, вам хотелось читать красивые рассказы, слушать стихи, говорить о живописи» (А. Сорокин. Напевы ветра. Новосибирск, 1967, с. 6). Десять лет, с 1915 по 1925 г., этот чудаковатый, но, по словам В. Зазубрина, «очень милый, добрый и талантливый человек» прослужил счетоводом в Управлении Омской железной дороги, о чем сам с иронией писал в «33 скандалах Колчаку»: «Я думаю, что я великий писатель, а может быть, я только хороший счетовод».

В 1926 г. А. Сорокина приняли в Союз сибирских писателей, в это же время он готовит к изданию в Новосибирске первый сборник своих произведений. Писателю не суждено было увидеть долгожданной книги. 24 марта 1928 г., по дороге в Крым, Сорокин умирает в одной из московских больниц. Похоронили писателя на Ваганьковском кладбище два давних знакомых, Ф. Березовский и Вс. Иванов. После его смерти осталось более 400 произведений — повести, рассказы, пьесы, притчи, сказки. Многие из них при жизни автора так и не увидели свет. Значительная

Антон Сорокин

Жива земля. Фотография А. Сорокина. 1914 г.

Владимир Эттель.
Символическая композиция

часть литературного наследства Сорокина сейчас хранится в архиве и музеях Омска, а также в частных коллекциях.

Среди документов персонального фонда писателя К. Н. Урманова в Городском Центре истории Новосибирской книги имеется четыре рукописи А. С. Сорокина с его правками. Вероятнее всего — фрагменты готовившейся книги. Вместе с ними в фонде хранится статья М. Юдалевича, посвященная писателю, и внутренняя рецензия В. А. Итина о целесообразности издания его сочинений. Именно заключение писателя и редактора журнала «Сибирские огни» В. А. Итина

проливает свет на причины столь долгого пути Сорокина к современному читателю: «Из рассказов Ант. Сорокина наиболее удалась посвященные коренным народам Сибири, колониальному гнету и освобождению от него после революции, а также колчаковщине. Большинство из рассказов на советскую тематику получились либо явно контр-революционными («Купец», «Агасфер» и др.), либо малохудожественными. Через пятьдесят лет литературное наследство Сорокина, вероятно, будет издано. Сейчас это было бы явно преждевременно...»

В фонде также хранится две машинописи «Открытого письма Вс. В. Иванову» Сорокина с рисунком омского художника В. Эттеля и почтовые карточки, выполненные Сорокиным. Обращают на себя внимание афористичные высказывания автора на их оборотной стороне. Например, «жениться нужно только тогда, когда человек чувствует, что достоин быть отцом, достоин продолжить свою жизнь в детях», «нужно любить каждого человека в отдельности и ненавидеть толпу, стадо». Среди увлечений сибирского писателя нужно вспомнить о фотографии и стеклографии. В фонде ГЦИНКа имеется четыре снимка Сорокина-фотографа. Два из них, «Жива земля» и «Книга ужасов», достаточно известны, а третий же — очередная эксцентричная выходка А. Сорокина: на черном фоне — изображение черепа и двух женских силуэтов со словом «здравствуйте», на обороте текст письма к писателю К. Тупикову (К. Урманову).

Здравствуйте!
Фотоколлаж А. Сорокина

Тексты «Анна Тимирёва» и «Цыганская певица Каринская» в сокращенном и измененном виде вошли в его книгу «33 скандала Колчаку». Анна Тимирёва и Мария Каринская теснейшим образом были связаны с адмиралом А. В. Колчаком. Первая — поэтесса и художница — в отечественной истории осталась в первую очередь как его возлюбленная, вторая — эстрадная певица, «королева цыганского романса» — устраивала «летучие концерты» в войсках Верховного правителя на Восточном фронте.

Сказ «Позор Тырлыкана и богачей» раскрывает одну из важных и дорогих для Сорокина тем — жизнь казахской степи. Знаток быта и духовных традиций казахов, их фольклора, Сорокин любил степь и ее жителей: «Краски степи, нежные, глаз ласкают зелеными, желтыми, серебряными тонами, только яркие темно-синие озера как камни сапфира да рубиновые красные закаты на бирюзовом небе. Вот почему вольные дети степи любят ярко-синее и красное и украшают причудливыми узорами свои юрты...» («Песня о живом кургане Азах»).

В предисловии к книге А. С. Сорокина «Напевы ветра» сибирский литературовед Е. И. Беленький писал: «С упорством трудолюбивого муравья шел Сорокин к своей цели... Он написал десятки произведений, из которых немного увидело свет. Но он создал немало такого, что нужно людям и имеет право на читателя» (А. Сорокин. *Напевы ветра*. Новосибирск, 1967, с. 26).

*Наталья Левченко,
заведующая Городским Центром
истории Новосибирской книги*

От редакции: Внесенные автором в машинопись рукописные исправления и дополнения даются курсивом. В угловых скобках воспроизводятся зачеркнутые слова и предложения. Пропущенные и восстановленные по смыслу элементы текста в необходимых случаях воспроизводятся в квадратных скобках. Орфография и пунктуация автора сохранены.

ПОЗОР ТЫРЛЫКАНА И БОГАЧЕЙ*

С к а з

Степь Сары-Аркы глаз радует: небо цвета бухарской бирюзы, трава изумруд, а дорога сердоликовая, хорошо и радостно жить в просторной юрте степи — всем места хватит. В высоте купается, трепыхая крылышками, свободная птичка радости — бес тургай, звонко, радостно поет жаворонок, душа радуется. О чем его песни: о счастье, о величии и радости жизни. По дороге сердоликовой едет Тырлыкани, а вокруг его друзья прихлебатели. Седло у Тырлыкани чеканным серебром украшено, а армак — загляденье: неделю смотри — не заметишь, красивее птицы карагаза, шерсть гладкая, блестящая, как драгоценный

* Под заголовком вымарано напечатанное прописными буквами АДЖИБАЙ.

камень, а цвета черного с отливом, как степные вороны, солнце отражается на хребте, а ветер любовно перебирает волоски гривы, глаза у аргамака умные, как у человека. Высоко поднимает ноги аргамак Чедор, ударит ногой о дорогу — пыль летит мошками, когда их спугнешь весною на степных озерах. Едут тихо, не торопясь, разговаривают, дело доходит и до спора:

— Богачам житья нет, нет ни почета, ни уважения.

— Да, это правда, — говорит Тырлыккан, — не могу забыть то время, когда я был бием, какие устраивал тои и байгу, удалось мне сохранить скота, а радости нет, бедняки стали хозяевами степи. Разве вы не знаете, кто был Аджибай джетак, даже черной юрты не было, а теперь что, больше бия Аджибай, я не пожалею скота, я раздам беднякам, а этого заносчивого Аджибая, не почитающего богачей, я уберу, не будь я Тырлыккан, вот теперь я еду на совещание к богачу Растанбеку, буду с ним совет держать, как справиться с Аджибаем и с бедняками, надо что-нибудь делать, ведь до чего дошло, нельзя калыма брать за свою собственную дочь, а дальше еще хуже будет: начнут эти бедняки грамоте учиться, аулы перестроят в деревни, а вы послушайте, как Аджибай хулит имя великого Аллаха и пророка Магомета, его святой коран, пусть у меня не будет скота, весь раздам, но до Аджибая я доберусь, это он всему виной, только он один, не будь его — я бы был вместо него.

И в это время степь выбросила, как камень, джепалака, лошадь напугалась и в сторону шарахнулась, от неожиданности упал Тырлыккан.

Подняли старика, посадили на аргамака Чадора.

— Надо бы вернуться, — говорит Бурибай, — примета плохая.

— Нет, — говорит Алимжан, — ты плохо приметы знаешь, если бы джепалак вылетел с левой стороны, тогда примета плохая, а джепалак вылетел с правой.

Едут молча. Весельчак Алимжан песню запел:

— Ак мунда карачаш, якберкешь, як кулаш актамак кызымчес* галка тай битекдешь, — весело, громко поет Алимжан, если послушать песню Алимжана издали, то не отличить от песни жаворонка, вот как поет Алимжан. Неожиданно смолкла песня, Алимжан сказал:

— Кто-то едет на встречу, пыль по дороге большая, должно быть, аул кочует, должно быть, это аул богача <Аджибая> Аргына кочует, бедняки согнали с лучшего места, с озера Чанартуза.

— Так и надо этой старой хитрой лисице Аргыну, пусть теперь пощет места, когда все лучшие места бедняками заняты.

— Вот это-то и плохо, — говорит Алимжан, — потому и бедняки верх взяли, они действуют согласовано, а вот богачам уже гибель придит, а они враждуют между собой.

— Ты не знаешь жадности Аргына.

— А когда мне платил деньги Аргын за мои песни, то он говорил: «Негодяй Тырлыккан, ты не знаешь жадности Тырлыккана».

* Машинопись неразборчива, чтение слова приблизительное.

— Не думаешь ли ты, продажная душа, переходить к Аджибаю, не хочешь ли ты воспеть его подвиги против казаков Ан[н]енкова?

— Я человек свободный, разве можно купить песни певцов, правда, ты кормил меня всегда вкусными молодыми барашками, ты платил мне деньги, и за это я пел тебе то, что было приятно тебе слушать, но мои купленные песни еще никто не слышал.

— Я давно это подозреваю, разве можно надеяться на бедняка, сколько волка ни корми, все в тал смотрит, придется мне другого певца подыскивать. Надо будет в Кокчетав послать за певцом, говорят, у них голос громкий, на всю степь...

Прищурился Алимжан, глаза, как овес, узкие, зоркие, как глаза карагаза, и говорит Алимжан:

— Едет сам Аджибай и с ним одиннадцать человек, на буланой лошади Теленбек, на вороной Тукумбай, на карей Джаксылык, на белой Абишь, Тетень, Чекубас.

— Обрадовался, своих бедняков увидел, не затрудняй себя перечислением имен, я даю слово, что не сверну с дороги, как ехал, так и поеду по дороге, пусть эти коммунисты свертывают, слов на ветер не бросает Тырлыкан.

Скоро и простому глазу было видно, что это едет Аджибай со своими друзьями. Случилось то, чего никто не ожидал. Среди изумрудного океана на желтой сердоликовой дороге встретились с одной стороны одиннадцать человек и с другой стороны двенадцать и остановились друг против друга, словно в степи было мало места и нельзя было свернуть с дороги и объехать.

— Даю слово, я простою двенадцать закатов и восходов солнца и не сверну с дороги. — А сам смеется, смех бежит по лицу к глазам, потом по морщинам возвращается на прежнее место и прячется в седой бороде.

— Не привык я уступать жадным заносчивым богачам.

Степь Сары-аркы слушала своих певцов, один за одним поднимались жаворонки и пели свои песни во славу солнца, воздуха и степи. Медленно махая крыльями, пролетел на озеро карбагай, потом пролетели два белоснежных Ак-ку. Шло время, Тырлыкан стал высказывать нетерпение и, злобно шипя, ворчал, и каждое слово летело, как степная оса, готовая ужалить.

— Если твои прихвостни не свернут с дороги и не дадут мне проехать, я прикажу нагайками избить вас всех и расчищу себе путь.

— Что же, можете, только Тырлыкану нужно вспомнить, как от отряда Аджибая убежали отряды казаков атамана Ан[н]енкова. — И Аджибай вынул револьвер, может быть, Тырлыкан хочет получить от Аджибая [в] подарок пулю.

Прошло еще пять часов, тяжело махая крыльями и от усталости раскрыв клюв, пролетел степной орел карагаз, размером немного менее человека, с озера ветер доносил кряканье уток. Стояли еще три часа, солнце становилось большим круглым рубином, а небо окрашивалось в цвет бухарского шелка нежно-розового, а облака около солнца шли караваном

верблюдов цвета марджана и слегка отливали опалом и жемчугом, а степь стала цвета старой полыни. И опять злобно кричит Тырлыккан:

— Если ты и твои чашколизы не освободят мне путь, я пошлю в город за милицией.

— Прошло то время, когда бедняки были запуганы биями, крестьянскими начальниками.

Медленно, степенно гуторя, переговариваясь, пролетели веревочкой гуси на ночлег, солнце ложилось спать и поспешно отбирало от степи последние краски, и по серому небу проносились, свистя, как брошенные камни, утки.

Медленно, не торопясь уходили караваны облаков, и небо хмурило брови, и солнце закрыло свой глаз. Пришла ночь. Двадцать три человека стояли и не могли разъехаться, словно в степи было мало места. Тырлыккан ругался, волновался, аргамак Чодор нетерпеливо бил дорогу ногой и выкопал небольшую яму, друзья Тырлыккана советовали объехать, всем известна настойчивость Аджибая.

— Легче мне во время джута потерять весь мой скот. Пусть я умру на этом месте, но не уступлю дороги, а вы, может быть, хотите быть изменниками, вы говорите о каком-то потерянном времени, когда нам, богачам, приходит конец, смерть приходит и мы, богачи, должны цепляться за жизнь, я умру здесь с голода, но не сверну с дороги, если вы хотите есть, отвяжите турсаяки и поешьте.

Тишина. Спит степь, и только топчутся на дороге двадцать три человека на лошадях, и кажется, что они нарушают сон степи.

Прошла ночь. Проснулось солнце, а двадцать три человека в огромной степи Сары-аркы не могли разъехаться. Солнце начало отдавать степи похищенные на ночь краски и лучами целовать каждую травку, как и всегда, проснулась жизнь в степи, проскакал тарбаган Корсаяк, быстро, хлопотливо пробежала красно-желтая лисица Тюлку.

Терпение стали терять и приверженцы Аджибая, они говорили: что мы будем терять время, мы опоздаем в город на собрание, и что скажут наши товарищи, когда узнают причину опоздания...

— Вы можете объехать этого негодяя Тырлыккана, потому что вы забыли, сколько людей погибло благодаря его помощи казакам Ан[н]енкова, я этого не забыл и пусть этот негодяй сворачивает с дороги.

Высоко подняло небо свой зоркий глаз, солнце, и видело каждую песчинку, каждую травку, каждую маленькую букашку.

Певец Алимжан переехал на сторону Аджибая и запел:

— Я певец Алимжан, бедняк, находился на службе у богачей, за их подачки пел им приятные песни, но голова моя была зорким беркутом, быстролетным соколом и ловила слова птичек, и теперь я хочу спеть песню о позоре старого бия Тырлыккана, слушай, Тырлыккан, и с позором поверни своих лошадей обратно или объезжай Аджибая, потому что не только на этой дороге, но и во всей степи Киркрая вы, богачи, презираемы, а за что — слушайте.

Вспомните прошлую жизнь, не вы ли, богачи, за золотые медали и халаты продали всю киргизскую землю, и в ваши степи вам навезли переселенцев. Не вы ли, бии, занимались подкупом голосов, чтобы быть бием, давали взятки крестьянским начальникам, а потом с киргиз собирали затраченные свои капиталы. Своими дочерьми вы торговали как скотом, и бедняки, не имевшие скота заплатить за женщину, уходили в города и делались джетаками, а когда пришли казаки Ан[н]енкова, вы, богачи, давали им скот и деньги, для того чтобы они убивали бедняков и сохранили вам, богачам, власть.

Но вот пришла в степь лучшая жизнь, освобождены земли для скота бедняков, женщина освобождена, нет больше биев взяточников, и вам, богачам, пора устыдиться своей прежней позорной жизни.

И говорит Аджибай:

— Правильную песню ты спел Алимжан, потому что в твоём сердце обиженная кровь бедняков, конечно, я мог бы расчистить путь револьвером, но я этого не хочу делать, напрасно думает Тырлыкан испытать мое терпение, терпения у меня хватит: не только уступить эту дорогу придется Тырлыкану, но и всем богачам придется уступить всю жизнь беднякам и не мешать им устраивать жизнь по-новому, по заветам вождя, освободителя востока, Ленина, а теперь завернем лошадей и поедемте обратно.

Аджибай и его приближенные повернули лошадей и поскакали по дороге, пыль летела мошками.

— Ну что, я не прав, разве у этих бедняков есть терпение, вот я, Тырлыкан, сказал, не уступлю дорогу — так и сделал.

И поскакали, глотая пыль, Тырлыкан с друзьями.

И только когда вдаль стал виднеться аул Аджибая, Тырлыкан стал сердито хмуриться. Около самой дороги, чакрыма за полтора, стоял аул Аджибая, и здесь остановился Аджибай с товарищами и послал Джувана за кумысом и барашком. Аул Аджибая стоял на гриве, белые юрты четко выделялись на голубом небе, ветер доносил радостный лай собак, и мычание коров, и дым кезяка.

Проезжали по дороге тройки, везли почту, объехали стоящих на дороге, обернулись ямщики, подивились, покачали головами.

— Зачем стоят. Почему. Неизвестно.

Джуван привез из аула барашка и кумыс, и не выдержал Тырлыкан, ругаясь, объехал[и] Тырлыкан и его друзья Аджибая и дальше поехали, сердитым ехал Тырлыкан. Теперь вся степь будет знать, что хвастливое слово Тырлыкана — словно болоболка, поспевшая и облетающая на ветру, знал Тырлыкан, что старой жизни пришел конец, надвигается новая жизнь и в этой жизни богачам приходится уступать. Знал Тырлыкан, что певец Алимжан по всей степи сплет новую песню «Позор Тырлыкана и богачей».

Лермонтовская № 28
1 Марта 1925 г.

Антон Сорокин
Омск

АННА ТИМИРЁВА

Она старается отгадать, что я могу спросить. С первых же моих слов она почувствовала, что мне моя драма более важна, чем сострадание. И потому, быть может, она старается перебить мои мысли посторонними, не относящимися к делу словами:

— Тяжело сидеть в лагере, сама стирала белье, кормили плохо.

Рассказывает о Гришиной-Алмазовой:

— Она молодец, держит себя гордо, ни с кем не считается, как будто их и нет...

Рассказывает про какого-то генерала:

— Этот негодяй устроил восстание в тылу отступающих около Красноярска...

И показывает этого генерала, он тоже сидит в лагере.

— Я его нарисовала.

Рисует она довольно хорошо. Я смотрю на сторбленную фигуру жалкого старика с подвязанной щекой.

Я стараюсь не терять дорогое время и хочу получить точные ответы на заданные вопросы. Но хитрая красивая куколка не желает искренне ответить на мои вопросы. Когда я увидел, что передо мной сидит необычная женщина, которую можно обидеть, я сразу принимаю определенное решение не жалеть ее. Я знаю, что мои слова будут беспощадны, я знаю, что скоро эта красивая куколка перестанет смеяться и заплачет.

Пока я обдумываю вопросы, я неожиданно для себя замечаю очень красивое кольцо, выточенное из зеленого и белого нефрита, с *большим александритом*.

— Это мне адмирал купил в Японии. Когда мы были в Японии, мы любили ходить по магазинам и покупать японские игрушки. Знаете, у них такие изящные игрушки.

Жена моя показывает японскую куколку.

Анна Васильевна вскрикивает немного повышено:

— Какая прелестная куколка!

Я задаю вопрос:

— Как вы познакомились с адмиралом?

— Я ехала во Владивосток к мужу Тимирёву, в Харбине встретила с адмиралом. Я раньше была с ним знакома. Мой муж служил под начальством адмирала.

И только.

— Адмирал любил говорить и особенно умел слушать. Он мне рассказывал много легенд из жизни Тимура.

— А как адмирал относился к Наполеону?

— Он считал его гениальным. А, знаете, <кстати, я часто говорю это слово, знаете>, его часто употреблял адмирал. Жаль, он не хотел, чтобы я его зарисовала, а я ведь недурно рисую.

И она делает набросок меня, а потом зарисовывает жену.

У меня горит небольшая коптилка, при таком свете трудно сделать хороший портрет, но наброски Тимирёвой выходят хорошими. Я до-

стаю портрет *Колчака* работы Матвеева (принцессы Грезы из «Женской Жизни») и говорю:

— Я могу вам его отдать, хотя этот портрет я хотел приложить к своей драме.

— Хорошо, я возьму, я так любила адмирала <и скучаю без него>. Мне тяжело говорить о нем, очень тяжело. Я никогда не думала, что все кончится так печально.

Я говорю:

— Я был у адмирала, когда хлопотал об освобождении художника Владимира Эттель. Наверно адмирал не поверил бы, если бы ему сказать, что этот помилованный Эттель будет сидеть вместе с вами.

— Эттель хороший художник, но мне он не нравится — длинная спаржа.

Я замечаю, что Анна Васильевна умеет меткими словами охарактеризовать человека, я спрашиваю:

— А как вы относитесь к премьеру Вологодскому?

— К этой старой калоше? Да никак.

— А к Жардецкому?

— К этой ветряной мельнице? Он последнее время замучил адмирала... своими речами.

— А как бы вы назвали меня?

— А вы не обидитесь?

— Нет.

— Вы нарочитый шарлатан. И я боюсь вас. Жаль, что вы не познакомились с адмиралом.

Я улыбнулся и хотел сказать: я шарлатан покрупнее, да не сказал.

— Но разве я мог тогда думать об этом, столько было у адмирала советчиков.

— Советчиков!? Все были <или> фанатики, идиоты или мошенники.

Был такой случай, когда выяснилось, что Омск должен быть сдан, адмирал случайно читал римскую историю. Читал мне вслух о диктаторе Марие и Сулле и сказал: нужно мне поступить, как Сулла, нужно прогнать их всех и защищать Омск... хотя поздно. *Большевизм — это стихийная сила*, против этой стихийной волны бесполезно бороться. Был такой случай. Адмиралу какой-то фотограф прислал большой портрет в сажень величины, глаза по <чайной чашке> *чайному блюду*, такой страшный. До 3-х часов ночи резал адмирал этот страшный, кошмарный портрет, устал и мозоли натер на руках.

— Для чего же это делал адмирал?

— Он всегда уничтожал то, что ему не нравилось. Особенно он был огорчен *возмутительной* дрянной книжонкой, выпущенной Я.....*

— А вы не помните, как название книжки?

* Так в тексте.

— Помню, глупая книжонка «Симфония революции». Там адмирал назван кровавым. *Адмирал хотел даже отдать приказ об аресте автора.*

— А автора вы не помните?

— Нет, право забыла. Адмирал расстроился до слез, изорвал книжонку и растоптал ногами.

— Но ведь эта брошюра была напечатана в количестве пятидесяти тысяч экземпляров.

И я показываю эту книж<он>ку.

— *Так это вы писали?* Я не знала.

— *Не смущайтесь.*

И Анна Васильевна замолчала, потом сказала:

— Когда армия отступала к Иртышу, была оттепель, адмирал боялся, что армия не успеет переправиться и все время посылал справляться о температуре. Одно время он хотел отменить эвакуацию и все сдать красным, да идиот *Жардецкий* запротестовал.

— А что вы скажете о ссоре с Гайдой? *Адмирал назвал его с-ю** и запустил чернильницей.

— Чехов не любил адмирал, он сказал Гайде: *да, да, снимайте с фронта, оголяйте фронт*, все чешские войска это публичные мужчины.

— А русскими словами ругался адмирал?

Молчит Анна Васильевна. И говорит: *А вы не большевик?*

— *Я больше большевика, каждый писатель должен быть выше нормального человека.*

— Прямо жутко, не знаешь, что будет в вашей драме.

— Если желаете, я расскажу.

— Чехи в самый тяжелый момент оголили Глазовский фронт, хотя мне кажется, вы знаете больше, чем я думала.

— А когда адмирал сидел в тюрьме, он пожелал, чтобы меня перевели в одну с ним камеру и получил отказ. *Адмирал был идеалист и только в тюрьме <адмирал> убедился, какие мерзавцы люди и как они быстро меняют мнения, и с такими людьми приходилось работать.***

(Вставка.)

— *А вы не знаете одного честного человека Котомина, который осмелился в городском театре публично сообщить не ложь, а истинное положение РСФСР и жизнь в городах. Его не расстреляли?*

Тимирёва говорит:

— *Вы знаете больше, чем я думала. Адмирал с ним говорил, но не поверил, он подумал, что это большевистский шпион, ошибка Котомина была в том, что он осмелился показать адмиралу то, что никто не показывал: большевистские плакаты. Как ругался адмирал, топал ногами, когда увидел плакат:*

* Так в тексте.

** Далее чернилами вписано слово *Вставка*. Текст вставки написан от руки на отдельном листе, приложенном к машинописи.

*«Из-за гор издалека тройка мчит Колчака.
Радость сытым, радость пьяным,
Смерть голодным и крестьянам!»*

*Показывать плакат было ошибкой Котомина.
— Расстрелян был Котомин или нет?*

Тимирёва говорит:

*— Не знаю. Вы должны отметить в драме, как умирал адми-
рал^{*}.)*

Хотя мне тяжело вспоминать, но вы должны знать, как умирал ад-
мирал^{**}. Его подвели к окну тюрьмы. Там стояли тысячи людей с красны-
ми знаменами и пели «Интернационал», а потом в красных гробах везли
убитых во время сражения в Иркутске. Чехи продали адмирала за 42 пуда
золотом. Адмирал должен был ответить на 159 вопросов, но каппелевцы
готовились к восстанию, и, узнавши это, красные без суда приговорили
адмирала и Пепеляева к расстрелу. Адмирал умер героем. Он пожелал
только выкурить папироску, а Пепеляев умолял на коленях простить его.

Обещал работать.^{***}

— Теперь я расскажу о содержании своей драмы.

И я стал говорить. Сначала я рассказывал о том, [как] убили писате-
ля Новосёлова, его не следовало убивать так предательски, в спину.

— Адмирал не знал.

<Новосёлов предполагал устроить из Сибири буфер. >

*— <И вообще не следовало делать переворот.> Сибирь была бы бу-
фером, как предполагал сделать Новосёлов, и не было бы столько жертв,
он шел на соглашение с большевиками.*

*— Кто знает, адмирал надеялся на успех: обещали помочь иностран-
цы, но ничем не помогли. В Екатеринбурге 25 тысяч хорошо вооружен-
ных английских солдат первые устроили панику и бежали, когда можно
было спасти положение, а все обмундирование и снаряды давали только
за золото, не хотели помогать.*

*— А почему адмирал никогда не был на фронте, всегда уезжал на 50,
на сто верст? Почему армия была раздета?*

*— Право, не знаю, зачем вы меня мучаете? Я не знаю, я не спра-
шивала. Последнее время, нам особенно надоедала Каринская. Она за-
мучила адмирала письмами. А как мы хохотали вместе с адмиралом над
ее любовными письмами, посылала мне букеты, конечно, эти букеты
предназначались адмиралу, но я всегда приказывала букеты оставлять в
передней. А как адмирал не любил трех свечей на столе. Перед взрывом
испортилось электричество и на столе горели три свечи.*

*— А почему в третьей армии солдат пускали в битву голыми, в одних
английских <штиблетах> ботинках? А почему десять тысяч галицийских*

* Подчеркнуто от руки.

** Подчеркнуто от руки.

*** Далее несколько слов вымарано.

пленных пороли, чтобы они изъявляли желание идти на фронт добровольцами? И, хорошо вооруженные, они перешли на сторону большевиков.

— Я не знаю.

— Вы должны были все знать, когда от этого зависела жизнь всей России. А почему пороли крестьян, выколачивая подать? А почему адмирал готовился короноваться в Москве и из-за первенства действовал несогласованно с Деникиным? Почему адмирал был под такой охраной? И самое тяжелое мое обвинение, когда казаки пошли в наступление под начальством Иванова-Ринова, адмирал, боясь, что ему придется уйти, отозвал Иванова-Ринова и назначил фон-Белова, которого не любили казаки и солдаты, который так много сделал вреда на германском фронте, он водил войска вокруг* озер и вывел на большевистские главные силы.

— Не знаю.

— А когда отступали, жгли поезда с тифозными больными...

И я рассказываю ужасы отступления.

— Какой ужас, это хуже наполеоновского отступления.

— Да, больше ужасов и большее мировое значение. В Новониколаевске от сыпного тифа и замерзших было сто пятьдесят тысяч трупов, и виноватые не заслуживают снисхождения.

— Значит, драма будет обвинением?

— Да... только я жалею, что у меня нет таланта Эдгара По.

И неожиданно начинают капать слезы... Она надевает свою дорожную доху и собирается уходить.

— Хотя мне некуда идти. Вы позволите остаться ночевать?

— Нет, — сказал я.

— Почему?

— Потому что когда вы были у власти, вы бы меня не оставили ночевать во дворце.

— И вам не стыдно?

— Нет, ваши слезы это наказание рока.

Всхлипывая, уходит Тимирёва.

ЦЫГАНСКАЯ ПЕВИЦА КАРИНСКАЯ

Люди всегда люди. Даже и тогда, когда занимают большое положение. И когда такое положение занимает человек недалекий, окруженный умными советчиками, часто возникают психологические загадки для посторонних, не знающих закулисных тайн. Эти тайны иногда делаются известны, но обычно никто этому не верит.

Вот небольшой эпизод из жизни адмирала Колчака**. Гибель надвигалась, всем окружающим было ясно, что недалеко <то> время эвакуации и полный крах. Уже приближенные устраивали тайные совещания о новом заместителе Колчака: или Гайде, или Сахарове, Болдыреве или же

* Далее одно слово вымарано.

** По всему тексту фамилия Колчака написана со строчной буквы.

Дидерихсе. Только сам Колчак был в возбужденном состоянии, верил в конечный успех и на все предупреждения говорил:

— Меня поддерживают англичане. Пусть большевики занимают необъятные пространства, пусть учат тех, кто не поддержал меня вовремя, а после их зверств, когда народ будет обучен, я вновь займу Россию.

Приближенные качали головами, сомневались, но протестовать не смели.

В последнее время любовница Колчака Анна Васильевна Тимирёва все чаще и чаще стала настаивать на отъезде в Иркутск, так как на фронте дела плохи.

Спорить с маниаками — вещь бесполезная, но спорить, когда маниак занимает ответственное положение, — невозможно, и потому любовь Колчака к своей любовнице сначала перешла в равнодушие, потом в ненависть. Он уже знал, что какой бы разговор он не начал, этот разговор всегда кончался: «нужно спастись, нужно ехать в Иркутск, нужно бежать». Шпионы донесли, что Анна Васильевна возобновила свои посещения к поручику Щелкун[у] и есть основания предполагать об измене.

Колчак знал прошлое своей фаворитки, знал недоразумения, которые происходили у Тимирёва с женой, знал, почему была брошена Анна Васильевна Тимирёва, и теперь ревность стала диктатором Колчака и диктовала ему фантастические планы.

Зорко сотнями глаз следили за Колчаком, и одна из первых узнала об этом певица Каринская Мария Александровна. Она одевалась в боярский костюм, считала себя похожей на Екатерину Великую. Ростом Каринская была высокая, полная, имела красивый голос. В это время ей было сорок лет, и она еще умела пользоваться остатками голоса и красоты и пользовалась успехом у публики. Она знала своих почитателей и создала свой репертуар.

И вот когда пела Каринская, присутствующий в театре Колчак сказал:

— Замечательно, она настоящая царица Екатерина Великая, посмотрите, какая царственная фигура, какой приятный голос.

Конечно, Колчак не знал, что если с этой старой толстой бабы смыть грим, то она больше походила бы на базарную торговку огурцами, репой и морковью.

Услужливые донесли:

— А знаете, Колчак, верховный правитель, вот что сказал: вы ходите на императрицу Екатерину Великую, Колчак влюблен в вас, он сказал: «как она красива».

Не нужно быть психологом, всем известно, что старая баба с лицом как дырявое решето и то поверит любви, когда человек желает только ее денег, а тут дело обстояло иначе. Сам верховный правитель почти объяснился в любви. Но выдержанная Каринская сказала:

— Верховный правитель, будущий царь всяя Руси, он, конечно, пошутил, да и, кроме того, он так любит Анну Васильевну, других женщин для него не существует.

С этого и началось. Слова, конечно, были переданы адмиралу. Адмирал улыбнулся:

— Да, она умна, я давно это заметил.

И случилось то, что должно было случиться...

Там на фронте умирали раненые. Там во дворце, на Иртыше, ногами топтала букеты цветов Анна Васильевна, а букеты были от Каринской, приходили каждый день, и выбрасывала их за окно Анна Васильевна.

А вечером полупьяный от ликера адмирал Колчак выслушивал льстивые слова Каринской, привыкшей к театральным жестам и интригам, она играла роль, потому что тот, <кого> кто называл себя верховным правителем, был тоже артист.

Каринская заливалась соловьем.

И успокоенный адмирал ехал в четыре часа утра к себе во двор.

И началось. Скрытая вражда стала явной. Адмирал уже не разговаривал с Анной Васильевной, и придворные уже поздравляли Марию Александровну с победой.

Первая пошла на уступки Анна Васильевна. Хитрая звериной хит[ростью], почувывая, что ей приходит гибель, она переменяла свою тактику. Вновь стала веселой и достигла примирения. Она своей молодостью, красотой хотела вернуть свое положение. Если из-за нее стрелялись прежде, не может же она уступить Колчака старой бабе.

И вот начались интриги двух партий, обе авантюристки были умны, осторожны и хитры.

Этот небольшой эпизод из жизни Колчака должен быть отмечен, потому что это время было кризисом, когда ясно определилась гибель годовалого царства. Ставленники Анны Васильевны сменялись ставленниками Марии Александровны, и обе враждебные партии готовы были воевать за того, кто играл роль верховного правителя адмирала Колчак[а].

22 июля 1924 г.

Марк ЮДАЛЕВИЧ

ОМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ АНТОН СЕМЁНОВИЧ СОРОКИН

Главной целью своей литературной работы омский писатель Антон Сорокин считал борьбу с капиталом. И действительно, его, этого забытого писателя, можно причислить к самым беспощадным и страстным ненавистникам и критикам капитализма в русской литературе. Но, критикуя капитализм, ненавидя капитализм, Антон Сорокин сам во многом принадлежал буржуазной культуре. В области мышления он сам во многом оставался в плену буржуазных представлений. Антон Сорокин не понимал исторической миссии капитализма, не видел сил, которые должны низвергнуть капитализм, в его идеалистическом представлении капитализм из исторически преходящей формации вырастал в вечную, внеисторическую. Он критиковал капиталистическое общество с точки зрения абстрактных, вневременных и внеклассовых норм мышления, морали и нравственности.

Только учитывая эти два момента в мировоззрении Антона Сорокина — критику капитализма, с одной стороны, непонимание законов общественного развития — с другой стороны, — можно вникнуть в сущность творчества Антона Сорокина, можно объяснить его чрезвычайно своеобразную эстетику, противоречивый ход его мыслей.

Антон Сорокин видел, что капитализм насилует, искажает человеческую природу. Изуродованному жадностью, трусостью, пропитанному ложью и подхалимством человечку своего времени Антон Сорокин пытается противопоставить нормального здорового человека. Но это не противопоставление буржуазному миру свободного от собственнической морали рабочего. — Положительный герой Антона Сорокина — неизвестно какими путями прозревший пророк, правдоискатель, купец, священник, который неожиданно обрел истину, бросил грабить, обирать народ и начал проповедовать эту истину. Человеческая природа этого человека вдруг воспротивилась насилию над ней, он из грабителя сделался поборником правды. Зная купеческую среду, Антон Сорокин мог наблюдать появление в ней таких пророков, блаженных искателей истины, о которых очень хорошо рассказал Горький. Не понимая природы капитализма, Антон Сорокин стремится опереться на этих людей. В рассказе «И плакал в тот день сатана» он проводит мысль, что мир не погибнет, если в нем есть хотя бы десять честных людей.

Антон Сорокин — художник-борец. Он ставил перед собой задачу огромной общественной важности — [задачу] критика-обличителя и учителя человечества. Главное в его произведении — это мысль, идея, которую он хочет поведать, внушить миру. Произведения его всегда остро тенденциозны. Но мысль, которую хочет высказать Антон Сорокин, обычно находится в согласии с действительностью только в критической ее части, в положительной же, утверждающей части эта мысль противоречит действительности. Поэтому ее трудно доказать логикой жизненных образов. И у Антона Сорокина для доказательства своей мысли имеются свои собственные художественные средства. Мысль Антона Сорокина всегда оригинальна, всегда необычна. Антон Сорокин чрезвычайно любит формальную логику. Самый ход его рассуждения заинтересовывает читателя, как может заинтересовать, например, необычная фабула. Повороты его мысли призваны действовать на читателя, вызывать у читателя эмоции, какие может вызывать образ, пейзаж и т. п. Таким образом, мысль становится для Антона Сорокина художественным средством.

Антон Сорокин — мастер сюжета. Сюжет — главное в его художественном мастерстве. Многие его рассказы — голые сюжеты. Сюжет Антона Сорокина всегда своеобразен, интересен, занимателен, но сюжет его — это опять не типичное сцепление фактов, изъятое из действительности, в самой своей случайности отражающее необходимость. Сюжет Антона Сорокина кажется целиком надуманным. Он не взят из жизни, он создан для того, чтобы рельефно показать мысль Антона Сорокина. Он служит как бы доказательством его мысли. Анализируя произведения Антона Сорокина, нельзя пройти мимо его сюжета и в то же время часто бывает достаточно только пересказать сюжет.

Композиция у Антона Сорокина всегда проблемна. В своих произведениях он не стремится создать для читателя иллюзию правдоподобности, не стремится учесть доли вероятности сконцентрированных им фактов или событий. Антон Сорокин в лучшем случае следит за тем, чтобы рассказываемое им не противоречило возможному, чтобы рассказы его в самой своей необычности не были не только невероятными, но и невозможными с точки зрения жизненной правды. Насколько интересны и разнообразны сюжеты Антона Сорокина, настолько бледны, схематичны его образы-персонажи. Надуманность в произведениях Антона Сорокина больше всего сказалась на его образах-персонажах.

Огромную роль в художественной технике Антона Сорокина играет занимательность. Антон Сорокин умеет возбудить интерес читателя. Каждый свой рассказ он умеет заставить дочитать до конца.

Язык произведений Антона Сорокина чрезвычайно краткий, свежий, красочный, образный. Антон Сорокин не любил многословия, он всегда стремился быть кратким. Двумя-тремя запоминающимися штрихами он умел создать яркую картину, нарисовать запоминающийся портрет. Антон Сорокин обладал философским складом ума, он больше размышлял, чем наблюдал. Словесно-образная система его лежит более в мире мысли, в мире воображения, в мире книг, чем в мире людей и природы.

Главные жанры Антона Сорокина — это рассказ и фольклорный сказ, стилизация под казахский фольклор. Антон Сорокин написал много пьес, но он почти не владел мастерством драматурга, очень плохо знал сцену. Пьесы его гораздо слабее его рассказов, в сущности, это те же рассказы, испорченные непрерывностью диалога.

Слабая сторона в мировоззрении Антона Сорокина не позволила ему вырасти в подлинного писателя-реалиста, но при всем при этом рассказы Антона Сорокина не лишены познавательного значения. В основе их лежит знание действительности, знание подлинной жизни, и оно не может не пробиться сквозь насилие над действительностью.

* * *

Писать Антон Сорокин начал еще в 1900 году. Его рассказы разбросаны по старым сибирским газетам, по малоизвестным и забытым периодическим изданиям. Сколько написал Антон Сорокин — точно установить очень трудно. По нашему мнению, приблизительно 90—100 рассказов.

Первые же произведения Антона Сорокина полны ненавистью к капитализму, полны болью за человека, поруганного и униженного в капиталистическом мире. Но он не в состоянии социально-исторически объяснить язвы капитализма. Вместо этого он подходит к нему с точки зрения абстрактных норм морали, нравственности и мышления. Антон Сорокин приходит к выводу, что мир сошел с ума. Мир для Антона Сорокина — огромный дом сумасшедших. Среди этих сумасшедших изредка появляются нормальные люди, и они попадают в смешное положение, они кажутся здесь ненормальными, их даже запирают в дома сумасшедших. Эту идею Антон Сорокин претворяет в целом цикле своих рассказов. Хотя сама по себе мысль не нова и высказана в художественной форме еще ранним Герценом, но критика отдельных сторон капитализма достигает у Антона Сорокина своеобразной прямолинейности, остроты.

В рассказе «Правда Пантелеймонова» Антон Сорокин доказывает, что в этом мире нельзя говорить правду, люди как бы уговорились врать друг другу. Герой рассказа Пантелеймонов чувствовал в себе два голоса: один, тихий, хотел говорить только правду, другой, громкий и нахальный, заглушал ее словами лжи. Пантелеймонов решил заставить молчать голос лжи и дал волю голосу правды. Своей богатой невесте, некрасивой, тонкой, как сухая осина, с глазами лягушки и губами крысы, — он вместо обычных комплиментов сказал всю правду о ее наружности. Своему хозяину, который в присутствии женщин любил рассказывать глупые порнографические анекдоты, Пантелеймонов сказал: «Онисим Иванович, вы хотя и богаты, хотя я и ваш доверенный, но я должен сказать: вы глупы и ваши старые анекдоты надоели до отвращения». Вскоре Пантелеймонов был посажен в сумасшедший дом.

В рассказе «Магазин Грошевикова» Антон Сорокин вскрывает паразитический характер капитализма, породившего массу произво-

дительных профессий. Он показывает, что в этом мире люди опять как бы уговорились заниматься делами, совершенно бесполезными для общества.

Герой рассказа Грошевилов открывает магазин, где всеми товарами он хочет торговать со скидкой на пятьдесят процентов. Однако заявляет, что ничего не будет продаваться на деньги, каждый пусть принесет в магазин продукты своего труда: булочник — булки, колбасник — колбасу, писатель — свои произведения и т. д. В обмен на это каждый получит что ему нужно. Но в магазине собралась большая толпа народа, и люди из толпы начали кричать:

«— Он с ума сошел. Я офицер, что я могу дать...

— Я священник...

— Я чиновник... » и т. д.

Дела этих людей бесполезны для других, труд их непроизводителен, они ничего не могут дать обществу. Прозревший эту ненормальность, выступивший против этой ненормальности правдоискатель Грошевилов попадает в сумасшедший дом.

Вскрывая отдельные аномалии капитализма, Антон Сорокин нащупал и нерв капиталистического общества, нашел главное зло капитализма — деньги.

В монодраме «Золото» избранник царящего над миром Золота, миллионер, убеждается в том, что мир построен на страданиях, жизнь бессмысленна, люди заключены в тесные рамки пустых условностей, они всегда вынуждены поступать против своей воли: когда им хочется плакать — они смеются, когда хочется ругаться — любезничают и т. д. Виною всему — золото. Миллионер, создавший себе огромное богатство, не может выкарабкаться из-под власти золота. Золото внушает ему свою мораль — мораль капитализма. «На страданиях других строй свое счастье. Не должно быть в твоём сердце жалости и в глазах твоих не должно быть слез. На золото покупается тело, любовь, уважение, слава, хлеб, право на жизнь, счастье. Несчастные бедняки, фокусники, шуты, проститутки, палачи, шпионы усиливают против воли мою власть. Дорогие прекрасные люди, жизнь для вас счастье, для всех, имеющих золото. Жалкие несчастные рабы, для вас, не имеющих золота, жизнь — страдание. Дочери бедняков — красивые, стройные, продают свое тело старикам. Юноши ради денег обнимают и целуют безобразных старух... Умные, сильные — рабы слепых и идиотов, рабы тех, кто имеет золото».

Для миллионера, познавшего пружины этой жизни, восставшего против нее, — жизнь становится сплошным кошмаром. Но он, как и сам автор, бессилён победить этот кошмар. Его спасает только смерть.

Антон Сорокин показывает, что человек бессилён в этом обществе, деньги же — всемогущи. Человек обезличивается, обезцвечивается, обесценивается. Он только придаток к своим деньгам. В рассказе «Сила денег» Рувим Абрамсон имеет пять сыновей, четыре дочери и мастерскую для заливки галош. Он очень беден, очень мало заказчиков, очень мало денег. Люди полагают, что сыновья Рувима Абрамсона — идиоты, а доче-

ри — «идиотки и дуры». В сущности, «дети как дети» — думает сам Рувим Абрамсон. Но сыновья не находят работы, дочери не находят женихов. И вот неожиданно Рувим Абрамсон получает огромное наследство. Немедленно у забытой и презираемой семьи появляется масса заискивающих знакомых и родственников. Дочери Рувима Абрамсона находят женихов, сыновья находят богатых и красивых невест. Хотя вскоре выяснилось, что все наследство, которое получил Рувим Абрамсон, уйдет на долги умершего банкира, но дело уже сделано. Свадьбы сыграны, сыновья и дочери Рувима Абрамсона стали большими людьми в этом мире. Такова сила денег. Нищета делает людей уродами и глупцами, деньги превращают их в красавцев и дают им ум.

Антон Сорокин показал, как деньги вырастают в двигатель жизни. Человеческая энергия, человеческий ум превращаются в ничто. Все зависит от денег. Деньги ценятся выше всего. В рассказе «Банкротство купца Артемия Дернова» купец Артемий Дернов из нищего переселенца сделался миллионером, к словам его прислушивались, самые умные люди ходили к нему за советом. И сам Артемий Дернов стал считать себя большим, даже великим человеком. Он удивлялся тому, что имен купцов не увековечивают, что не пишут биографий миллионеров, тогда как «про какого-нибудь Гоголя, Пушкина пишут, да так пишут, что всю жизнь опишут, да окурки, одежду, ручки, перья в музеях хранят»... Но вот дела Артемия Дернова пошатнулись. И люди перестали ходить к нему за советами, перестали прислушиваться к его словам. А когда дело дошло до банкротства и стали описывать его имущество, от Артемия Дернова ушла даже его жена. Пришли люди и опечатали каждую вещь, забыли только про самого Артемия Дернова — он, никому не нужный, ходил по чужим уже комнатам. Тогда понял Артемий Дернов, почему не пишут биографий про купцов. Он понял, что он — ничто, что ценен он только вместе со своими деньгами, что он был только раб своих вещей и каждая вещь его в этом мире дороже, чем он сам, владелец этой вещи.

Много внимания уделил Антон Сорокин положению людей науки, людей искусства, и в особенности писателей, в капиталистическом обществе. Его произведения могут служить прекрасной иллюстрацией к словам Маркса о том, что капиталистическое производство по своей природе враждебно художественному производству, искусству, поэзии.

Необычайно высоко ценя русскую литературу, неоднократно подчеркивая ее огромное дидактическое и критико-обличительное значение, — Антон Сорокин очень много писал о тяжелом положении русского писателя. В этом отношении интересен его короткий, поистине жуткий рассказ о том, как самое дорогое в мире произведение человеческой мысли заведомо собирается для поделки пакетов. В этом рассказе — «Что так жалобно поют» — секретарь редакции юмористического журнала рассказывает юмористам и сатирикам о том, каким образом он скопил 25 тысяч рублей на покупку своего дома. Поступив в редакцию, он договорился, что все негодные рукописи будут отдавать ему. Этих рукописей оказалось настолько много, что он открыл фабрику пакетов. «В других редакциях

печки топят, на отопление хватает на зиму... Выпьем, что ли, коньяку по рюмочке, о писателях говорить скучно... Сколько их, куда их гонят, что так жалобно поют...» — закончил свой рассказ секретарь. Но почему-то рассказ его произвел тяжелое впечатление. Юмористы и сатирики стали прощаться и расходиться, и каждый вспоминал, как много он извел бумаги, пока его заметили и стали печатать и платить деньги.

Антон Сорокин много писал о лживости и продажности искусства в буржуазном обществе, о тяжелом положении честного писателя. Эта тема — тема не только художественных, но и публицистических произведений Антона Сорокина — его статей и докладов. Эта тема была для Антона Сорокина и личной и общественной темой.

За два месяца до империалистической войны Сорокин начал печатать в «Омском вестнике» повесть «Хохот Желтого дьявола».

В этой повести, напечатанной до конца в первые дни великой бойни народов, Антон Сорокин выступил против войны, вскрыл ее империалистический характер и даже предугадал ссоры союзников.

Повесть написана от первого лица. Герой ее, храбрый полковник, одержавший не одну победу над врагом, все чаще и чаще начинает задумываться над смыслом войны. Война кажется ему огромной драматической постановкой, он ищет режиссера этой постановки и находит его: «И ничего не было странного — все было понятно — там, в темном углу, стоял сам сатана, сам Желтый дьявол — золото».

Золото — вот причина войны, вот корень народных бедствий.

«О, бедный, несчастный народ, подумайте, те, кто руководит вами, от жадности сошли с ума».

Море крови, тысячи кровопролитных жертв несет с собой огромная война. Но вот враг разбит. Война могла бы закончиться, однако союзники при дележе добычи перессорились между собой.

Герой повести командирован в Париж к знаменитому банкиру Дацарио, чтобы сделать у него заем, нужный для продолжения войны. Дацарио — поклонник Желтого дьявола, его наместник на земле, посредник между ним и людьми; он рассказывает полковнику о власти золота.

«Он подошел к окну, раскрыл его и показал рукой — смотрите. И я посмотрел с пятого этажа. На большой улице копошились люди, как муравьи, и быстро неслись автомобили, трамваи, мчались на велосипедах. Банкир сказал: это они воюют за право жить. Война без выстрелов, но есть раненые и убитые. Посмотрите, на окраинах города апаши и хулиганы — это выбитые из строя. Вот посмотрите статьи в газетах, тут написано: нашей стране нужно вооружаться, так как соседние державы сделали крупные заказы на пушки, пулеметы, броненосцы. Прочтите газеты соседних держав, там пишут: нам нужно сделать заказы на пушки, пулеметы и броненосцы; по достоверным сведениям, соседняя держава спешно готовится к войне. Все эти статьи оплачивает известный пушечно-литейный завод, для того чтобы иметь больше заказов, вовлекая в войну, которая рано или поздно, но благодаря этому заводу произойдет между двумя могущественными державами».

Но отчетливо понимая империалистический характер войны, сознавая неизбежность войны при капитализме, Антон Сорокин остается здесь на прежних своих позициях защиты человека вообще, защиты абстрактных «разумных» норм поведения. Его герою, когда он отдает приказ о штурме крепости, хочется написать: «Солдаты, нам необходима эта крепость, но у каждого из вас есть дети, жены, матери, отцы, пожалеем себя, пожалеем своих врагов, пожалеем своих родных... Никого нельзя убивать и потому каждый из вас да бросает смертоносное оружие и бежит домой, на родину. Подумайте, убьют вас и ваши жизни не вернуться; раненые, искалеченные, вы будете собирать милостыню, что вас заставляет идти на смерть, подумайте, солдаты».

Антон Сорокин выступает против войны во имя ценности человеческой жизни, во имя «общечеловеческого» гуманизма, во имя того, что «никого нельзя убивать». Война кажется Антону Сорокину очередным проявлением сумасшествия, очередной ненормальностью с точки зрения норм мирного бытия. Ведь те же люди, которые так ценили свою жизнь, так беспокоились о своем здоровье, идут на смерть.

«Было время, когда страшным преступлением считалось всякое убийство, приходили в ужас, если кто-нибудь плеснул серной кислотой в лицо. Газеты печатали негодующие статьи, и публика, читая, жалела несчастную жертву... Доктора старались спасти глаза, облитые серной кислотой, вставляли новые веки, вырезая слизистую оболочку из губ. Или родные увозили несчастного за границу, где лучшие профессора делали операцию и получали по три-четыре тысячи. И это недорого. Глаза? Что такое глаза! Это все видимое, это весь мир. Глаза, глаза, это чудо природы, и вот теперь никто не думает об этих глазах. Кому какое дело до глаз, которые наткнулись на колючую проволоку. Какое кому дело до глаз, вышибленных пулями».

Но и такое мелкобуржуазное отрицание войны вообще, отрицание во имя биологической ценности человеческой жизни, человеческого организма, отрицание чисто индивидуалистическое и абстрактное, не учитывающее того, что бывают разные войны, бывают войны справедливые, освободительные, для цели которых нужно пожертвовать тысячами человеческих жизней, — и такое мелкобуржуазное отрицание войны, связанное с пониманием империалистической сущности войны, было по тому времени прогрессивным фактом. Вся русская литература с первых дней войны была буквально затоплена шовинистскими, милитаристскими произведениями от лубочных рассказов безымянных дельцов от литературы — «Как русский мальчик забрал в плен 300 немцев» или «Дюжина немцев на казачком штыке» до писаний Куприна и военных корреспондентов Валерия Брюсова. Даже такой противник войны, как Владимир Маяковский, с первых дней войны не выступил против нее, а, напротив, приветствовал ее, считая, что она разрушит ненавистный старый мир. «Изменит человечью основу России, нанесет смертельный удар старому искусству»*.

* Подробно об этом смотрите книгу Ореста Цехновицера «Литература и мировая война». — Прим. авт.

«Хохот Желтого дьявола» Антона Сорокина оказался первым страстным воплем против войны, первым произведением, разоблачающим империалистическую сущность войны, во всей русской литературе.

«Хохот Желтого дьявола» не единственное антивоенное произведение Сорокина. В том же «Омском вестнике» он напечатал «Гвардию слез предместья Мороль», «Слезы матерей» и еще несколько рассказов против войны.

Каким образом удавалось Антону Сорокину в обстановке шовинистического угара, рядом со статьями о том, что врагам не продержаться больше месяца, печатать свои антивоенные произведения — это остается секретом Антона Сорокина.

* * *

Рядом с темой критики капитализма в творчестве Антона Сорокина развилась другая тема. Антон Сорокин выступил защитником угнетенных народов Сибири, главным образом казахов (киргизов, как их раньше называли). Знатоки быта казахского народа, знатоки казахского фольклора, Антон Сорокин показал тяжелое положение степных племен под двойным гнетом самодержавия и капитала. Еще до революции произведения Антона Сорокина переводили на казахский язык. Сам Антон Сорокин говорил себе: «Я создал киргизскую литературу в Сибири». В критических статьях сибирских газет об Антоне Сорокине говорилось по преимуществу как о бытописателе казахского народа. Большинство рецензентов и критиков считали эту тему главной темой Антона Сорокина. Но, по существу, эта тема Антона Сорокина часть основной его темы — критики капитализма. Главное, о чем говорят казахские рассказы Антона Сорокина, это — проникновение в степь капитализма, разложение феодального уклада, разорение степи под влиянием торгово-денежных отношений. В рассказе «Непонятная песня» казах, сын богача Султанбая, ныне бедняк, живущий джетаком на окраине города Павлодара, поет песню о судьбе своего отца: «Сам Султанбай привез этого врага из города, страшного, беспощадного врага, и отнял этот враг все: и славу, и уважение, и дорогие подарки царские, и ковры из Мекки и Медины, и скот, десятки белых юрт, и тысячи аршин белой кошмы, и сына отнял этот враг. Кто же этот враг? — Золото».

«Но золото, золото, — говорится в другом месте песни, — золото беспощадно, медленно и верно оно губит киргиз, а сами киргизы лезут к нему, как волки на сало».

В рассказах «Последний бакса Ижтар», «Запах родины», «Халат и медаль», «Кумыс», «Не пойте песен своих», в повести «Сагым» и в других произведениях Антон Сорокин показал, как золото выпивает соки жизни из казахского народа. Русские купцы уводят тучные стада казахов, отбирают казахские земли, косят сочные травы, роют грудь матери-степи.

Золото грозит вымиранием казахскому народу, потому что молодые степные казахские красавицы выходят замуж не за смелых джигитов, а

за слабых стариков, чьи карманы набиты золотом. И дети таких браков, дети ненависти рождаются хилыми, слабыми и трусливыми. Переводятся непобедимые степные богатыри. Сыны степи уходят в город к русским, город опустошает и ослабляет их. Казахские юноши учатся в русских городах, становятся врачами, адвокатами, инженерами, забывают свой народ, рвут со своими родственниками, стыдятся своего происхождения, своей национальности.

В 1916 году в ответ на приказ о мобилизации казахов на тыловые работы казахи восстали против царского правительства. Антон Сорокин в своих произведениях приветствовал это восстание угнетенного народа Сибири. Он показал историческую вину русского самодержавия перед мирным казахским народом, возвеличил эту попытку сбросить с себя ненавистное иго, резко выступил против кровавой расправы царского самодержавия с восставшими.

Однако в этих рассказах, защищавших казахский народ, также сказались слабые стороны воззрений Антона Сорокина. Не видя прогрессивной роли капитализма, Антон Сорокин был склонен выступать против проникновения в степь не только денежных отношений, но и культурных завоеваний, был склонен противопоставлять культуре нетронутую девственную природу.

Антон Сорокин чутьем художника почувствовал, что ненависть казахского народа — это ненависть не к русскому народу, а к русскому самодержавию, к русскому капитализму. Однако классовую природу общества он представлял себе нечетко, и рядом с русским купцом у него не всегда стоит казахский бай, рядом с русским чиновником — казахский хан. От русских чиновников в тех же рассказах «Последний бакса Ижтар», «Халат и медаль» страдает у него не только казахская беднота, но и весь казахский народ в целом.

Произведения Антона Сорокина из жизни казахов тесно связаны с казахским фольклором, в их художественную ткань вплетены малоизвестные нашей литературе казахские предания, они украшены своеобразными народными сравнениями, эпитетами, пословицами, поговорками.

* * *

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Антон Сорокин принял восторженно. Правда, он не все в ней понимал, и, как позволяют судить материалы его архива, идеологический рост Антона Сорокина шел очень затрудненно. Тем не менее Антон Сорокин, как только установилась в Сибири советская власть, напечатал «Симфонию революции», в которой в патетических тонах приветствовал пролетарскую революцию.

После революции творчество Антона Сорокина во многом изменилось. Исчез его пессимизм, на смену беспросветному трагическому отчаянию, нервной напряженности пришел веселый заразительный смех. У Антона Сорокина появился новый положительный герой — уже не страстный обличитель-пророк, а здоровый, бодрый, простой и веселый человек.

В своих произведениях Антон Сорокин, с одной стороны, заканчивал расчеты с проклятым прошлым и его пережитками, с другой — рассказывал о новой жизни, звал к новой жизни.

Особенный интерес представляет его неоконченное произведение «33 скандала Колчаку». Герой этого произведения — сам Антон Сорокин. По словам автора, оно носит «полумемуарный характер». Это произведение дышит чувством гнева и ненависти к режиму белого террора и грабежа трудящихся, едкой насмешкой над кровавым «сухопутным адмиралом» и его приспешниками. Если «скандалы» Антона Сорокина и не основаны на действительности, а являются лишь литературным приемом, это не умаляет ни общественной, ни художественной значимости произведения.

Антон Сорокин, рассказывается в книге, пишет заказное письмо в Томскую психиатрическую лечебницу, адресуя его редактору журнала сумасшедших Орестову: «Милостивый государь, вы сидите в сумасшедшем доме и не знаете радостной вести. Спешу сообщить ее: вся Сибирь сошла с ума и теперь нет никакой цели держать сумасшедших в особых домах. Мания небывалая. Боязнь всего красного. Стоит пронести по улице красный флаг — моментально затрещат револьверы. Мания украшения себя побрякушками, которые называются орденами. Мания преследования рабочих. На основе всего вышеизложенного немедленно проситесь на волю. Скажите, что ненавидите все красное, готовы обвесить себя погонами и убивать рабочих. Вас немедленно освободят и дадут ответственную работу».

Письмо попало к охраннику. Сорокина допрашивают:

— Это вы писали?

— Да, я. И очень рад, что письмо доставлено по адресу.

Колчак устраивал вечера-дискуссии, основная цель которых — сблизить колчаковское «правительство»... с народом.

Лицемерными фразами подлые приспешники Колчака старались затушевать звериную сущность кровавого режима. Антон Сорокин решает высмеять и сорвать эти дискуссии.

«На окраине Омска, там, где лениво машут крыльями ветряные мельницы, обреченные на скорую смерть, происходят секретные собрания молокан, баптистов и прочих фанатиков. Среди них Антон Сорокин навербовал самых тронутых умом и с ними приходил на колчаковские собрания. Сектанты выступали по указанию Антона Сорокина и несли невероятную чушь. Были попытки остановить боговдохновенных ораторов. Тогда выступал Антон Сорокин и говорил: “Вы хотите победить большевиков, а когда подлинный народ идет к вам навстречу, вы не даете ему слова. Стыдитесь!”

Фанатики говорили на иных языках, проповедовали о корабле, о духе, о воплощении бога.

Вечера-дискуссии прекратились».

Сорокин в своей книге рассказывает о том, как он, подобно Колчаку, объявил себя диктатором и одновременно шутком, как против портрета

Колчака вывесил 20 своих портретов с надписями: «Жизнь писательского диктатора в портретах», как при выходе Колчака из зала ресторана Антон Сорокин зажигал свечу и заявлял: «Колчак боится света».

Враг Антона Сорокина, капитализм, был еще не добит. Антон Сорокин высмеивает и бичует наследие капитализма. В рассказе «Сторнировка» в образе бухгалтера Стонова Антон Сорокин высмеивал наследие капитализма, узкую специализацию человека, порождающую ограниченность и односторонность. Бухгалтер Стонов переводит на цифры все свои чувства, даже любовь к жене и сыну, подводит цифровой баланс своего отношения к людям, не признает никаких видов человеческой деятельности, кроме счетной работы, не признает иной музыки, кроме щелканья костяшками конторских счет.

В другом рассказе «Митькин заработок» Антон Сорокин выступает против мещански-равнодушного, безразличного отношения людей друг к другу. Митька — мальчик, продавец газет, живет одинокой, замкнутой жизнью. Однако он не задумывается над своим одиночеством, он еще не чувствует этого одиночества. Но однажды беспризорники избили Митьку за то, что он лучше их умел продавать газеты. Митька лежит в больнице, он читает газеты и с удивлением убеждается, что в газетах, которые он так старательно продавал, ничего не написано даже о том, как его избили. По выходе из больницы Митька не хочет продавать газеты, но мать заставляет его вновь приняться за это ремесло. Митька бродит по городу с тупым, равнодушным, безразличным ко всему настроением. И вот он встречает старого своего покупателя.

— Что тебя не видно было? — спрашивает тот.

И Митька, который умел не плакать от всяких тяжелых побоев, вдруг уронил газеты и разрыдался.

В других своих рассказах Антон Сорокин показал рост самосознания в массах народа, возникновение новых форм быта, новых отношений между людьми. Тут есть рассказ о русской девушке, которая после нескольких лет жизни в городе вернулась в родную деревню и объяснила своим односельчанам то, что они долго не могли понять ни из газет, ни из речей городских ораторов. Есть рассказ о том, как купец заставляет платить казаха долг, который остался еще от дореволюционных времен. Казах соглашается, только спрашивает:

— Так, значит, ты признаешь царскую власть?

— Признаю, — говорит купец.

— Поедем домой, я отдам тебе деньги.

Когда они приехали в аул, казах долго рылся в своей юрте и потом вынес купцу 500 рублей, но это были... деньги царского правительства.

Несколько мастерских рассказов посвятил Антон Сорокин любви советских народов к великому Ленину.

«Курган — это рисунок истории, — говорится в «Песне о живом кургане Азах». — По курганам можно знать всю историю степи. Ветер запинаяется о курганы, гуляя по степи. Ветру не нужны курганы — это камни под ногами ветра, а людям курганы нужны. Два кургана были со-

оружены лет 80 тому назад Кенисары и его помощнику Наваджану за защиту степей от людей городов.

И вот теперь в степях Теренгуля собрались тысячи молодых джигитов с лопатами, кайлами, с чапаготами и строят курган».

История этого кургана такова: знаменитый джигит Джурбай, который с 500 людьми прошел всю степь, защищая свой народ от грабителей Дутова и Анненкова, пришел просить у богача Арстамбека в жены его дочь — красавицу Гарине. Но Джурбай защищал бедняков против богачей, и богач Арстамбек, у которого бедняки отобрали земли, не отдал ему свою дочь. Затосковал Джурбай.

«И вот пришли в степь вести из далекой Москвы, пришел приказ Ленина: женщина свободна, нет больше унижительного калыма, не покупаются теперь жены, и красавица Гарине стала женой джигита Джурбая».

И за то, что джигиты получили право выбирать жен по любви, Джурбай предложил, чтобы каждый джигит, который выбрал себе жену, увеличил курган пятидневной работой. «Курган все растет и растет, потому что в необъятных степях джигит каждый день находит себе жену и едет исполнять завет — отработать 5 дней, увеличивая курган Азах. Разве не чудо живораствующая гора. Разве не чудо увеличивающийся киргизский народ, производящий потомство по любви. Разве не чудо благодарность народная».

* * *

Биография Антона Сорокина целиком связана с его литературной деятельностью. Родился он в купеческой семье в г. Павлодаре. После неудачных попыток торговать переехал в Омск, где занялся литературой. Долгое время служил счетоводом в управлении жел. дороги.

Вокруг имени Антона Сорокина накопилось много различных анекдотов, рассказов о «чуждачествах» и «странностях» этого человека.

Антон Сорокин любил выступать на литературных вечерах. Он обычно появлялся со свечой в руках, что должно было символизировать поиски человека. Перед своей лекцией или чтением произведения на глазах у публики торжественно выпивал несколько сырых яиц. В своих выступлениях очень много места уделял себе и говорил о себе таким образом: «Я, Антон Сорокин, мозг Сибири. Я — гордость Сибири. Я — слава Сибири. Я — величайший гений человечества. Так, как пишу я, Антон Сорокин, не писал еще никто. Ибо это гнев, это сила, это крик и пафос древних пророков».

Антон Сорокин подолгу рассказывал о том, как он один «задавил всю сибирскую литературу», как он обокрал Александра Новосёлова, как он смеется над редакторами, когда посылает им произведения классиков под своим именем и они находят их слабыми, и как те же редакторы печатают рассказы самого Антона Сорокина, подписанные каким-нибудь чужим именем.

Иногда Антон Сорокин вступал в пререкания со своей аудиторией.

— Вы маниак, — кричат ему из зала.

— Да, я маниак, у меня мания искренности. Я говорю правду в глаза даже дуракам.

— Да вы сумасшедший.

— И это верно. Я сумасшедший, как Ницше, как Эдгар По, как Достоевский, как большинство великих людей. Я часто желаю быть здоровым и глупым, как вол или как вы.

— Вы идиот.

— Лучше быть идиотом, чем Антоном Сорокиным. Я завидую вам... и т. д. в том же роде.

Нередко Антон Сорокин подделывал письма крупных писателей к себе. В этих письмах Лев Толстой, Чехов, Леонид Андреев, Арцыбашев, Максимилиан Волошин и другие более или менее восторженно отзывались о произведениях Антона Сорокина.

Однажды Антон Сорокин объявил себя диктатором сибирских писателей, королем шестой державы и одновременно шутом Бенеццо. Он выпустил денежные знаки шестой державы, на которых было написано: «Идиоты, дураки, кретины освобождены от приема знаков».

Он даже написал «Книгу Екклесиаста писательского Антона Сорокина». В этой книге встречаются интересные, характерные для Антона Сорокина и для того времени, а порой ценные и теперь изречения:

«Всеу свое время. Всякая книга необходима в свое время.

Время творить и время молчать.

Иногда молчание писателя следовало бы оплачивать гонораром по часам и дням.

Лучше видеть глазами, чем иметь обнаженную душу, чувствующую боль человеческую, как глаз свет.

Хорошо, если кроме писательского ремесла ты знаешь еще какое-нибудь.

Сколько бы писатель ни писал всего, он даже не запишет своих мыслей.

Мудрость сильнее оружия, и часто книги превращаются в грохот орудий, поэтому нужно писать книги обдуманно.

Лучше таскать камни, чем писать глупые книги».

В 1915 году в «Огоньке» и других журналах Антон Сорокин поместил свой портрет с подписью: «Покончил самоубийством в Гамбурге». Антон Сорокин решил написать о том, что он покончил жизнь самоубийством, для того чтобы доказать, что к мертвым относятся лучше, чем к живым. Он считал, что это блестяще доказал, так как редакции многих журналов потребовали его произведения и читатели проявили к нему повышенный интерес.

Много еще подобных вещей проделывал Антон Сорокин. Он собирал стихи молодых поэтов и рукописные книги и выдавал за свои (одна такая книга до сих пор хранится в Омской центральной библиотеке им. Пушкина); он просил своих знакомых писать на него памфлеты и распространял их; он издавал газету «для курящих»; «все газеты идут на курение, только редактора не сознают, я же человек откровенный» — говорил он по этому поводу.

Все эти проделки Антон Сорокин называл скандалами, а себя с гордостью именовал «Антон Сорокин — скандалист».

«Чудачества» Антона Сорокина многими воспринимались как средство саморекламы, как результат душевной болезни — мономании и т. д.

В свете тенденций художественного творчества Антона Сорокина они становятся совершенно понятными. Это не более и не менее как форма протеста против капиталистической действительности, форма эпатирования буржуа. «Чудачества» Антона Сорокина так же понятны и объяснимы, как желтая кофта и морковка вместо галстука Маяковского, как собачки на щеках Давида Бурлюка. В этой связи интересно отметить, что Антон Сорокин причислял себя к футуристам и сблизился с одним из вождей русского футуризма Давидом Бурлюком, когда последний проезжал на Дальний Восток и останавливался в крупных сибирских городах, устраивая чтения лекций и поэзо-концерты. Давид Бурлюк выдал даже Антону Сорокину следующее удостоверение: «От Всероссийской федерации футуристов. Национальному великому писателю и художнику Сибири Антону Сорокину. Извещение. — Я, Давид Бурлюк, отец российского футуризма, властью, данной мне великими вождями нового искусства, присоединяю вас, Антон Сорокин, к В.Ф.Ф. — приказываем отныне именоваться в титулах своих великим художником, а не только писателем и извещаем, что отныне ваше имя вписано и будет упоминаться в обращениях наших к народу».

* * *

После смерти Антона Сорокина много писали о том, что необходимо издать его произведения. Об этом писал известный литератор А. Оленич-Гнененко, поэт Марков и другие. Об этом писала омская газета «Рабочий путь», краевая западно-сибирская газета «Советская Сибирь», журнал «Сибирские огни», журнал «Читатель и писатель». Однако произведения Антона Сорокина до сих пор не изданы. А они заслуживают издания. Если собрать такие его вещи, как «Банкротство купца Артемия Дернова», «Не давайте детям спичек и керосину», «Что так жалобно поют», «Хохот Желтого дьявола», «Сны», «Сагым», «Не пойте песен своих», «Последний бакса Ижтар», «Что сказал Загыр о собирателях ветра», «33 скандала Колчаку», «Песнь о живом кургане Азах», «Симу», «Хэо-Чан», «Песни реки Самарги» и многие другие, то они не залежатся на полках магазинов Когиза. Они принесут читателю большую пользу, так как немало расскажут о прошлом Сибири, об истории сибирского купечества, о жизни казахского народа, о том, что дала Сибири Великая Октябрьская социалистическая революция. Они будут интересны потому, что Антон Сорокин был одним из немногих сибирских писателей, который не замыкался на узкой сибирской теме, которого волновали проблемы большой общественной значимости.*

---

* Можно только удивляться, почему Омгиз до сих пор не издаст если не отдельно произведения Антона Сорокина, то, во всяком случае, сборник прозы старых омских писателей А. Сорокина, П. Расстриги, А. Новосёлова и др. — *Прим. авт.*

Валерий **НОВИКОВ**

КАК В КИНО

Рассказы кинодокументалиста

Мастерство звукооператора

Курс «Мастерство звукооператора» во ВГИКе вел Яков Евгеньевич Харон. Наше знакомство произошло так.

...В аудиторию стремительно вошел высокий, страшно худой человек.

Ничего не говоря, более того, не глядя на нас, прошел к роялю — класс был на четвертом — актерском — этаже, откинул крышку инструмента, сел. Поднял руки, помолчал, как бы прислушиваясь к чему-то внутри себя, и начал играть. Через пару минут повернулся к нам:

— Нравится? — Вопрос этот не предполагал ответа, поэтому все озадаченно промолчали. — Я сочинил.

Человек встал, закрыл крышку, подошел к столу, взял журнал. Поднял голову:

— Поверили? Ха! Это Шопен, прелюдия фа минор. Умел бы я сочинять такое, стал бы тратить на вас время! Начнем.

Ничего более далекого от предмета, обозначенного в названии курса, нельзя было представить. О звуке, тем более о работе с этой важнейшей компонентой фильма, лектор не говорил. Или почти не говорил. А говорил о жизни — о ее сложности, неповторимости, надобности ценить не только день — миг. О том, что человек, мнящий себя венцом творения, на деле слаб и несовершенен. На этих занятиях я впервые услышал красивое слово «контрапункт». Означает оно несовпадение звукового и изобразительного ряда картины. Несовпадение, высекающее новое качество восприятия, делающее кино собственно киноискусством.

Как бы спохватываясь, начинал запугивать: «Будет экзамен, готовьтесь, спрашивать буду сурово, по полной программе». — «По какой программе, мы же ничего от вас не услышали?» — «Как это ничего? Кому надо — услышал», — произносил он туманно.

О самом лекторе мы знали немного. Опытный звукооператор, в этом качестве участвовал в нескольких фильмах, в том числе в «Повести пламенных лет» Юлии Солнцевой, жены великого Довженко. Методист, милейшая и добрейшая Светлана Заборовская глуховато намекнула, что новый преподаватель — человек трудной судьбы. Сидел. Естественно, по политической статье. Никто не удивился — шли шестидесятые, время реабилитаций, возвращения из лагерей.

Ах как же прав Пушкин — мы ленивы и нелюбопытны! Много лет спустя я узнал, что жизнь столкнула нас с удивительнейшим человеком, одним из авторов «Злых песен Гийома дю Вентре» — знаменитой литературной мистификации нашего времени. Харон написал этот стихотворный цикл в лагере «Свободный» (!), расположенном в районе нынешнего БАМа, где отбывал срок по суровой статье «за КР» — контрреволюционную деятельность. А где еще могло найтись место зятю выдающегося военачальника командарма Ионы Якира, расстрелянного по приказу Сталина?

Речь в «Злых песнях» ведется от имени вымышленного персонажа — молодого гасконского дворянина, одинаково хорошо владеющего и шпагой, и эпиграммой.

Пройдут года. Меня забудет мир.
Листы моих стихов загадят мухи.
Какой-нибудь невежда вислоухий
В них завернет креветки или сыр...

Возвращаюсь во ВГИК. Сессия. В расписании на стене у деканата — «Мастерство звукооператора. Зачет». То, чем пугал Харон.

— Итак, сегодня сдаем экзамен... — И он грозно обвел нас глазами.

— Зачет, — поправил староста Юра Карагезов.

— Хорошо, пусть будет зачет, — легко согласился Харон. — Но, знаете, вот что... Когда я шел сюда, подумал... Мне кажется, за эти несколько занятий по означенному курсу в ваши светлые головы я напустил тумана ровно столько, сколько находится у меня. И теперь с чистой душой могу поставить любую отметку, которую вы пожелаете. Пусть староста соберет зачетки, я распишусь.

Что и сделал.

...Я с добрым чувством вспоминаю своего вгиковского педагога, гулаговского зэка Якова Евгеньевича Харона. И его гасконского гуляку, задиру-дуэлянта, любителя доброго бургундского и красивых женщин, блестящего поэта Гийома дю Вентре.

«А вы говорите...»

Из Сан-Франциско вгиковский сокурсник Толя Левентон написал: «Слышал, что умерла Паола?»

Нет, не слышал. К стыду своему. Он за океаном слышал, а я в родном Отечестве — нет.

Паола читала у нас курс «История мирового искусства». «Читала» — не то слово. И «вела» — не то. Она погружала нас в мир Боттичелли и Рафаэля, великих фламандцев, великих итальянцев, великих французов. И конечно, не менее великих соотечественников.

Я понял, почему «Троица» — гениальное творение Рублёва. Я и раньше догадывался — читал, но понял только после того, как рассказала Паола.

Несколько раз за сессию она назначала нам встречи не в аудитории, а в Третьяковке и других московских музеях. Экскурсоводы не любили, когда в зале появлялась Паола со студентами, то есть с нами. Потому что другие посетители постепенно откалывались от своих групп и «подгребали» к нашей. Она не жестикулировала, не повышала голоса, просто — говорила. Но так, что волна эрудиции, достоверности и убедительности таинственным образом распространялась от нее по залу, буквально притягивая людей.

Никто из нашей группы не решился спросить, было ли ее имя подлинным или она его придумала, точнее, как мы наивно полагали, позаимствовала у великого Веронезе. Потому что отчество и фамилия у нее были самыми обычными — Паола Дмитриевна Волкова. Летом она ходила в огромных круглых, не то зеленых, не то сиреневых, точно не помню, солнцезащитных очках, которые ей ужасно не шли. Купила — это она сказала — в Риме. В Москве такие тогда не продавали.

Когда видела, что мы огушены количеством свалившейся информации, отвлекалась и выдавала какую-нибудь историю. Вовсе не из области высокого искусства. Помню одну.

— В Доме художников гардеробщицей работает бабушка, такая интеллигентная московская старушка. Меня она полюбила. Выражается это в том, что за то время, пока она берет пальто и выдает номерок, успевает рассказать мне какую-нибудь историю. «Легла, говорит, вчера вечером на диванчик — спорило. Только задремала — стук в окно. Открываю глаза — Богородица. Так, попростому, в платочке, видно, шла мимо да надумала постучать-то. Я нисколько не удивляюсь, машу ей — заходи, мол. Вроде как соседке. А она головой качает — нет, мол. Вокруг платочка-то так сияет, так сияет... Ушла». Заканчивает бабуся свои истории всегда одной и той же фразой: «А вы говорите...» Хотя я ничего, понятно, не говорю.

У новых вгиковцев я всегда интересовался — кто читает историю искусств? Паола? Повезло. Она казалась вечной, как те великие, о которых рассказывала.

И вот электронное письмецо из Фриско. Два слова: «Умерла Паола».

А вы говорите...

Реприза Никулина

Во ВГИКе я учился с Игорем Войтенко, редактором научно-популярной студии из Ленинграда. Его отличала одна особенность: он был невероятно, поразительно похож на Юрия Никулина. Настолько, что преподаватели, заходя в аудиторию, буквально столбенели, увидев известного комика сидящим вместе со студентами.

Естественно, мы поинтересовались — встречался ли он со своим двойником? Игорь рассказал:

— Когда Московский цирк был на гастролях в Ленинграде, я пришел купить билеты. Кассирша подняла глаза: «Ой, Юрий Владимирович, ну что вы меня разыгрываете?» Говорю: «Я не Никулин». — «Ой, да ладно, я вас сразу узнала!» — «Говорю же вам — я не Никулин». Кассирша вглубь комнаты кричит: «Маша, Маша, иди сюда, Никулин пришел, комедию ломает!» В цирк я, конечно, прошел, после представления отправился за кулисы. В гримерке Никулин: «Кто, кто, зачем пускаете зрителей?» Я ничего не успел сказать, он, увидев меня, разудыбался: «Похож, похож! Вы кем работаете?» — «Да я, Юрий Владимирович, коллега ваш...» Никулин убитым голосом: «Клоун?» — «Нет, кинематографист». И тут Юрий Владимирович сказал фразу, которая тянет на отдельную репризу: «*Вы, пожалуйста, не ходите получать за меня зарплату. Вам ее дадут!*»

Игорь стал режиссером, снял несколько хороших фильмов, получил кучу призов на фестивалях. В середине девяностых, когда отлаженная советская киносистема начала трещать по швам, бросил все и уехал с женой в Америку. Режиссеры наши, даже хорошие, оказались там никому не нужны. Игорь десять

лет до пенсии шлифовал линзы в какой-то оптической фирме. А недавно из Флориды прислал книгу «Косматые робинзоны» — об одном из своих фильмов. Очень хорошую, кстати. Я показал ее внуку — вот-де однокашник написал. Внук посмотрел на фотографию автора и спросил:

— А ты что, с Никулиным учился?

Социалистический реализм

Преподаватель литературы Ольга Игоревна Ильинская — женщина эмоциональная и увлеченная. По вгиковским коридорам не ходила, а летала. Говорила низким и хрипловатым голосом — курила. В молодости, угадывалось, была хороша собой и сейчас, за шестьдесят, сохранила фигуру и привлекательность. Шли разговоры, что в свое время юной курсисткой был всерьез увлечен сам Эйзенштейн.

Студенты ее любили.

В этот раз она зашла в аудиторию непривычно тихая и чем-то явно угнетенная:

— Сегодня по плану я должна прочитать вам лекцию о социалистическом реализме.

Ольга Игоревна порылась в бумажках, помолчала, вздохнула и продолжила обреченно:

— Но я не знаю, что такое социалистический реализм. Не знаю — и все! Я знаю просто реализм. Могу еще как-то согласиться с понятием «критический реализм». Хотя думаю, что наши литературоведы его выдумали. «Литературное направление, где человек рассматривается в связях с социальной средой». Да в какой же литературе он рассматривается в отрыве? Пушкин, Чехов, Салтыков-Щедрин, я вам еще два десятка фамилий назову — это же просто писатели. Пи-са-те-ли! Хорошие. Реалисты — безусловно. Но при чем тут критический реализм? Царя критиковали? Но настоящая литература обязана критиковать царя. Власть, я имею в виду.

Она осеклась, почувствовав, что не туда заехала.

— В историческом аспекте, разумеется. Социалистический реализм власть критиковать не может. Он должен, — она заглянула в бумаги, — «отображать действительность в ее революционном развитии». Вам все понятно? Мне нет. Более того — признаюсь, я не люблю Горького. Хотя он и основоположник. Его, кстати, и Ленин не любил. Как писателя. Он где-то сам говорил об этом. Намакал, что Горький не во всех произведениях понятен трудящимся массам. А Пушкин понятен. Хотя и не владел методом социалистического реализма.

Ильинская обвела глазами аудиторию. Вера, наша отличница из Свердловска, строчила в тетрадке.

— Это записывать не обязательно. Давайте сделаем так. На экзамене я билет с вопросом о социалистическом реализме уберу. Просто его на столе не будет. И спрашивать не буду, честное слово.

Она по-девчоночьи заговорщицки подмигнула:

— Договорились? Вот и славно. Тема следующего нашего занятия...

Кстати, Ильинская во время экзамена время от времени выходила покурить, надолго оставляя студентов один на один с книгами, конспектами и шпаргалками.

Фурцева

По какой-то стародавней традиции крупные собрания работников определенной отрасли было принято называть «слетами». Слет рационализаторов, слет машиностроителей, чаще — просто слет передовиков. Участники приезжали или приходили, но все равно говорили — слет.

Единственный человек, который действительно прилетел на слет работников культуры в Новосибирск, был, точнее была, Екатерина Алексеевна Фурцева, министр культуры Советского Союза. Единственная женщина в правительстве. Скромная, в хорошем костюме. Даже симпатичная.

Председатель предоставил слово. Она прошла на трибуну с гербом. Говорила долго, больше часа. Что всех поражало — без бумажки. Тогда это было редкостью. Говорила о больших успехах социалистического строительства в нашей стране. Особо — в сфере культуры. Ансамбль «Березка» в Америке произвел фурор. Людя Зыкина в Париже спела «Течет река Волга» — президент Франции стоя аплодировал. Эмиль Гилельс победил на одном международном конкурсе. Рихтер — на другом. Балет наш — лучший в мире. Кино — самое гуманистическое.

Сердца, мое в том числе, наполнялись гордостью.

По ходу речи из зала шли записки. Их складывали в специальный ящик на краешке рампы. Время от времени на сцену из-за кулис выходила девушка, грациозно приседала, забирала бумажки и передавала председателю. Он читал и раскладывал на две кучки. Одну относил на трибуну, вторая куда-то исчезала.

Фурцева под аплодисменты закончила речь, стала записки читать и отвечать. Собственно, отвечать было не на что — в основном благодарности. Министр улыбалась.

Но одну записку, попавшую, как видно, по недосмотру, прочитала хмурясь. «Екатерина Алексеевна, Вы знаете, какая зарплата у нас, сельских библиотекарей? Разве можно прожить на такие деньги? У меня двое детей, мужа нет».

Зал притих. На фоне рассказа о Гилельсе это выглядело вражеской вылазкой.

Фурцева остановилась, но лишь на секунду. А потом из министра, государственного деятеля на глазах превратилась в сострадающую женщину. Бабу. И по-бабьи заголосила:

— Да как же не знать, миленькие! У самой сердце изболелось! Трудно, ой трудно! Детишки сколько требуют! Мало платим, мало. На оборону деньжищи, знаете, какие уходят? А что делать? Сожрут нас империалисты с капиталистами, если не будем вооружаться. Сожрут с потрохами! Потерпите, миленькие, еще чуток, урожай в этом году уберем, денежка в казне появится — добавим, добавим, я вам обещаю!

...Расходились со слета, унося улыбку и доброе чувство.

Знают, помнят, понимают!

А потерпеть — что же не потерпеть? Это мы привычные.

Большая скрипка

А вот еще музыкальная история. Место действия — Томск, студия телевидения. Начало шестидесятых.

На студии появился новый работник. Звали его Вульф Израилевич Новик. Лет тридцати, с вызывающе иудейской внешностью. Было известно, что раньше он служил в органах. То есть в КГБ.

Ни для кого не было секретом, что он и в студии продолжает служить — приглядывать за неблагонадежными. Хотя к таковым у нас можно было отнести только одного странного юношу, помощника режиссера литературно-драматической редакции Володю Рудакова. Он боготворил Анну Ахматову, писал ей письма и даже получал ответы. Володе принадлежала гениальная фраза. Однажды по телефону его попросили пригласить секретаря парторганизации. Сказали так: «Пригласите, пожалуйста, секретаря вашей парторганизации». Володя пошел в соседнюю комнату, открыл дверь и сказал: «Там секретаря *вашей партии* к телефону зовут». Но большой опасности для устоев идеологии Володя не представлял, поскольку все считали его задвинутым.

Вульф Израилевича определили в телеоператоры. Камеры в ту пору были неподъемными, возили их перед собой на специальной тележке, управлялись они буквально двумя ручками, так что считалось, что никакого особого умения эта работа не требует. Тем более что большинство «выдач» были стационарными — с одной точки. И с одной высоты — как говорили операторы, «от пупа».

Время от времени в студию привозили симфонический оркестр в полном составе, и тогда работа по выдаче несколько усложнялась. Оператор по команде режиссера с пульта показывал то «общак» — общий план, то «крупняк» — крупный.

— Вульф Израилевич, возьмите, пожалуйста, виолончель, — скомандовала режиссер Софья Львовна Сапожникова, интеллигентнейшая дама возраста, который мягко зовут бальзаковским.

Оператор «наехал» на скрипку.

Софья Львовна терпеливо поправила:

— Вульф Израилевич, это не виолончель, это скрипка!

Оркестр в это время, естественно, что-то играл.

И оператор заметался по инструментам. Наехал на валторну, затем переехал на тромбон, куда-то еще...

И тут разъяренная Софья Львовна произнесла текст, который вошел в анналы студии:

— Ты большую скрипку между ног у дамы в белой кофточке видишь? Большую! Между ног! У тебя там одно, а у нее другое — виолончель!

Вульф понятливо кивнул и наехал на требуемый инструмент.

И даже на режиссера потом не «настучал».

Абсолютная безопасность, или Несостоявшееся путешествие

В 1986 году мы снимали в Чернобыле.

Сегодня этот факт моей биографии укладывается в короткую строчку. Тогда же, четверть века назад, за ним стояло многое. О чем я написал в двух книжках — не вижу здесь надобности повторять.

А расскажу вот о чем.

Вскоре после того как я закончил монтаж фильма, в Новосибирск приехал бизнесмен из Японии. У него были свои дела, с кем-то он заключал контракт — в общем, меня это касалось мало. Честно говоря, вообще не касалось.

Но выяснилось интересное обстоятельство. Из культурного центра «Хоккайдо» — есть такой в Новосибирске — позвонили на студию и передали просьбу. Японский гость услышал по телевидению о наших съемках в Чернобыле и выразил желание посмотреть фильм. Он живет в префектуре Фукусима. «Бу-

дет интересно, — сказал японец, — увидеть то, о чем недавно говорил весь мир. Тем более что в префектуре тоже есть две атомные электростанции».

Гость оказался мужчиной лет пятидесяти типично японского облика. Постоянно кланялся, источал приветливость и непрерывно улыбался.

Однако, посмотрев фильм, улыбаться перестал. «Это, — сказал он, — очень впечатляет. У вас произошла большая беда, и вы с ней достойно справились». Он считает, что этот фильм должна посмотреть вся Япония. Во всяком случае — жители префектуры. Он приглашает приехать в Японию господина директора студии, господина оператора и, конечно, господина режиссера. То есть меня. Все проблемы — визы, билеты и прочее — японский гость берет на себя.

После чего с чувством произнес еще несколько фраз. Переводчик перевел:

— Разумеется, ничего подобного в Японии произойти не может. Все жители Фукусимы знают, что наши атомные электростанции совершенно безопасны. Конструкторы и строители предусмотрели все возможные критические ситуации. И даже невозможные.

— Какие именно? — поинтересовался я.

— Например — на станцию упадет самолет. Или даже метеорит. Ядерный реактор заключен в оболочку, которую ничто не может разрушить.

— У вас часто бывают сильные землетрясения...

— Даже нашим детям известно — станция стоит на особых подушках, которые гасят самые сильные колебания. Школьникам все время рассказывают об этом на специальных уроках.

— А если кто-то из персонала станции возьмет и не туда повернет ручку? — не унимался я.

— Во-первых, такое исключено, — терпеливо отвечал гость. — А если случится, умная японская автоматика не допустит нежелательных последствий.

После чего гость еще раз подтвердил свое приглашение посетить Японию и откланялся.

Мы начали собираться в дорогу. Несколько раз нам звонили из культурного центра «Хоккайдо», интересовались, все ли нормально с документами, в порядке ли заграничные паспорта, оформили ли мы таможенную декларацию на груз — в данном случае таковым являлся фильм, коробки с пленкой.

Сын попросил привезти магнитофон «Грюндиг». Я выучил японское приветствие «конничива-саске сан». Помню его до сих пор.

Перспектива поездки становилась все более реальной. Оставалось узнать дату отъезда.

И звонок раздался. На проводе Япония. «Господин коммерсант» приносит извинения. Он советовался с «господином префектом» Фукусимы, и тот, к сожалению, не считает возможным показ фильма в префектуре. Никто не должен сомневаться в абсолютной безопасности атомной энергетики. То, что произошло у вас, — это проблема России, не имеющая никакого отношения к Японии.

...Мне бы очень хотелось встретиться сегодня с «господином коммерсантом» и «господином префектом» Фукусимы. Я надеюсь, что дома, в которых они живут, не попали в зону радиоактивного заражения.

Золотая борода

Золото — металл, как известно, дорогой. Поэтому взвешивают его (там, где добывают) на особых, так называемых аналитических весах с точностью до сотых грамма. Весы эти заключены в футляр со стеклянными стенками, чтобы ничто — даже человеческое дыхание — не влияло на точность результатов.

Весы надо периодически проверять. Профессионалы говорят — «поверять». Существует особая профессия — поверщик весов. Дело это, считай, государственное, поверщики все на счету. Приезжают на объект по графику.

Время от времени приезжал такой поверщик на ШОФ — шлихообогатительную фабрику, где нам рассказали эту историю.

Его знала вся Кольма. Не в последнюю очередь потому, что он был обладателем уникальной бороды. Поражала она не величиной, а цветом — была рыжей, и не просто рыжей, а того оттенка, который называют золотым. Цвета металла, точность взвешивания которого онверял-проверял на аналитических весах. Звали его в глаза и за глаза, естественно, Бородой. Иногда — Золотой Бородой.

Приезжая, Борода доставал набор инструментов, открывал створки весов и принимался за работу. Что и как именно он делал — дело профессиональное, отчасти даже секретное. Суть не в этом. А в том, что во время работы он заговаривал в футляр аналитических весов, считай, всю голову — с бородой, естественно. И ни у кого это не вызывало вопросов, тем более подозрений.

Тут самое время рассказать об одном свойстве золота как химического элемента. Самородное золото обладает необыкновенной летучестью. Микроскопические частицы его легко отделяются от основной массы и оседают на стенках весов. Микроскопические — это даже преувеличение: частицы столь ничтожно малы, что разглядеть их можно только в электронный микроскоп.

Борода елозил бородой по стеклам и как бы подметал эти невидимые частицы. Разумеется, делалось это совершенно незаметно, да и не позволял он никому присутствовать при своей работе.

Придя домой, он специальным составом — говорят, впрочем, что это был обычный спирт, — мыл волосы в чашке, потом золото извлекал — то ли выпаривал, то ли осаждал. И таким образом за год у него получалось вполне ощутимое количество благородного металла.

Каким образом разоблачили похитителя? На фабрике в порядке борьбы с хищением металла установили очень дорогой импортный прибор, испускающий лучи, заставлявшие светиться зеленым цветом частицы золота. И когда в зону этих лучей попал ни о чем не подозревавший поверщик, борода у него стала зеленой.

Судья, говорят, долго мучился с формулировками.

Потом написал: «Орудие преступления — борода».

Погибнуть на Невском?

Дом, в котором жил знаменитый бард Юрий Кукин, автор бессмертного гимна бродяг и романтиков «За туманом», мы с трудом отыскивали в одном из близких спальных районов Ленинграда. Описываемые события происходили в конце 80-х, когда город еще носил имя пролетарского вождя.

Кукин жил в крохотной однокомнатной квартирке, уютно обставленной молодой женой Галиной, которая тоже была дома. Как бы стесняясь несоответствия скромного жилища своей всенародной популярности, хозяин рассказал историю. После очередного развода он остался бездомным — в буквальном смысле слова. Один из поклонников его творчества, занимавший солидный пост в крупном строительном тресте, узнав об этом, предложил квартиру. Правда, при условии, что Кукин напишет песню, посвященную этому самому тресту. «Я несколько дней мучился, делал вариант за вариантом — написал! Пошел показывать. Собралось все руководство. Я пою, а они покатываются со смеху.

Юра, говорят, мы песню просили, а не частушки. Ну не умею писать на заказ! Квартиру, правда, все равно дали».

Однако приехали мы не для обследования жилищных условий барда, тем более не для помощи в улучшении таковых.

Фильм, который мы снимали, назывался «Запрещенные песенки» и рассказывал о знаменитом фестивале бардов 1968 года в новосибирском Академгородке. Звездами его были Галич и Кукин. Удалось отыскать чудом уцелевшую уникальную хронику, нашлись участники и свидетели. Галича к тому времени уже не было: он был вынужден эмигрировать и при странных обстоятельствах погиб в своей парижской квартире. Но Кукин, Дольский, Чесноков согласились дать интервью сразу.

Воспоминания о молодости, как видно, взволновали постаревшего барда, он рассказал много живых подробностей. В конце съемок спохватился — его ждут в филармонии. Попросил подбросить на машине — опаздывал. Доехали по Литейному проспекту до Невского, на перекрестке вышли. Стали, как водится, прощаться, обмениваться телефонами. Мимо нас по Невскому, притормаживая у светофора, катил городской транспорт, шли озабоченные прохожие — ничто решительно не предвещало события, которое произошло через секунду после того, как мы пожали друг другу руки.

А именно — у троллейбуса слетели дуги, те, что в народе зовутся «рогами». Обычное дорожное происшествие, никого на улице оно не интересует — кроме водителя и пассажиров, разумеется. Но в этот момент один из «рогов» токосъемником, как крючком, зацепился за растяжку — стальной трос, к которому подвешены провода троллейбусной линии. Растяжка в свою очередь держится на мощных крюках, вмурованных в стены домов с обеих сторон проспекта. Троллейбус по инерции продолжал движение и своей массой вырвал один такой крюк — как раз над нашими головами! Все произошло мгновенно — тяжеленный крюк с пружинящим тросом описал в воздухе замысловатую траекторию и со звуком пушечного выстрела упал в полуметре от нашей группы, оставив в асфальте солидную вмятину. Посыпались куски кирпича, один по касательной задел мой рукав.

Испугался ли я? Честно — нет. Не успел. Как и мои спутники. А потом пугаться уже не было смысла — все закончилось. «Да-а, — нервно сказал бард, — глупо вот так погибнуть в родном городе. Да еще на Невском». «Как будто на другой улице умней», — откликнулся я. Волосок, на котором висит жизнь, на этот раз оказался прочнее троса-растяжки.

А фильм получился. Говорю об этом потому, что его показывают и сегодня, почти двадцать лет спустя. И смотрят. Для документального кино это судьба счастливая.

Первому лицу — по лицу

В начале шестидесятых Новосибирск посетил Никита Сергеевич Хрущёв.

К ответственному визиту, естественно, готовились загодя. На киностудию поступило распоряжение — сформировать съемочную группу из самых опытных кинематографистов. Что и было сделано.

Однако во время встречи на вокзале произошло ЧП, заставившее впоследствии руководство студии давать объяснения.

А случилось вот что. Вышедшего на перрон главу правительства обступили высокие чины. Оператор Владимир Хомяков нашел точку повыше — вскарабкался на буфер вагона — и вел оттуда съемку. А звукооператора Михаила Ки-

селёва — Мишу, как звали его все на студии, несмотря на приличный возраст, — отгеснили безнадежно.

Звукозаписывающая техника в ту пору была слабенькой, не позволяла работать на расстоянии. И Миша, быстро сориентировавшись, просунул микрофон на стойке-«удочке» между начальственных голов прямо к лицу Первого секретаря.

Но тут кто-то нечаянно, совсем легонько, задел звукооператора за локоть. Движение передалось на вытянутую руку, «удочку», и... массивная металлическая груша микрофона въехала Хрущёву прямо в зубы!

Удар был, судя по всему, чувствительным — тот дернулся и отшатнулся.

Мишу мгновенно подхватили под руки двое в штатском и отвели в сторону. Отработанными движениями они по очереди двинули ему — один в солнечное сплетение, другой в печень. Миша переломился и, как он сам потом рассказывал, «разучился дышать».

Хрущёв, крайне недовольный, сел в машину и уехал в строящийся Академгородок.

Плохое настроение не покинуло его и там. Осмотрев макет будущего научного центра, он распорядился убрать все высотные здания: «Это американцы со своими небоскребами вверх лезут, а у нас земли хватает!»

Звукооператора по понятной причине на этой съемке уже не было. И фраза, ставшая причиной «четырёхэтажности» Городка, осталась не запечатленной для истории.

Обелять действительность. Буквально

Общеизвестный факт: документальное кино в прошлые годы представляло не отражение жизни, а ее идеальную модель. Таковы были правила игры, которые принимали как должное и творцы и зрители.

В 30-х годах на студии работал оператор Минорский. Отправляясь на съемку в деревню, он брал с собой не только камеру и штатив, но и... ведро с известкой. А также кисть.

Зачем?

Белил перемазанных навозом колхозных коровенок. Не все стадо, конечно, а тех, что стояли в кадре на первом плане. И только после этого приступал к съемке.

В материалах, снятых Минорским, слова дикторского текста «тучные колхозные стада» не звучали иронично.

Потом появилось выражение — «лакировка действительности».

Минорский действительность не лакировал. Он ее белил.

Сталин-2

Дело было в Сургуте. С оператором Сергеем Лаврентьевым мы жили в гостинице «Самотлор».

Как-то вечером я решил полистать подшивку местной газеты, лежащую на столике дежурной по этажу. Узнал об успехах нефтяников, строителей газопровода, а потом наткнулся на материал необычного свойства. В большом, на половину полосы, очерке речь шла о старом одиноком человеке, живущем в деревянной избе на окраине города.

«Он, как все, ходит к колонке за водой, выстаивает в очереди за талонной колбасой, — повествовал автор, — и никто даже не предполагает, что когда-то

Пётр Иванович стоял на Мавзолее, приветствуя тысячи восторженных людей, ему аплодировали, перед ним трепетали...»

Далее излагалась невероятная история.

В свое время этот самый Пётр Иванович был ни больше ни меньше как... двойником Сталина. Сходство стопроцентное. Вождь, боявшийся покушений, отправлял его туда, где из-за многолюдья могла грозить опасность, конечно, чисто теоретическая, — на правительственные приемы, демонстрации на Красной площади, даже на съезды партии.

Разумеется, Пётр Иванович был самой засекреченной личностью в стране. После смерти Сталина его не расстреляли, а отправили в Сибирь, где он, никому не известный, доживает свой век в полном одиночестве. И только теперь появилась возможность рассказать эту историю.

— Колоссально! — воскликнул Сергей, когда я дал ему прочитать статью. — Это же фильм!

— Фильм, — подтвердил я.

— Его же с руками оторвут западные телеканалы!

— Оторвут. — Я не стал упрячиться.

В воздухе ощутимо запахло долларами, иенами, фунтами стерлингов.

Дождавшись утра, я позвонил в редакцию газеты. Представился по полной форме и спросил, не могут ли коллеги дать адрес замечательного человека, вот, мы хотели бы снять фильм, ну и все такое прочее.

После паузы женский голос в трубке сочувственно произнес: «А вы не обратили внимания, каким числом датирована газета в подшивке?»

Я посмотрел — 1 апреля!

В этой же газете я нашел еще одну не замеченную ранее статейку — о том, как фонтан нефти вынес из глубинных слоев юрского периода несколько яиц динозавров и в инкубаторе из них вывелись маленькие динозаврики, что открывает захватывающие перспективы разведения этих животных на фермах с целью получения вкусного и дешевого мяса, схожего по вкусу с куриным.

Грузия, Грузия...

Тбилиси, 1972 год. Пятый Всесоюзный кинофестиваль.

Вечером с директором студии Владимиром Павловичем Сафоновым гуляем по проспекту Шота Руставели. Час поздний. Возникает идея — выпить (мы говорим «пропустить») по стакану (мы говорим «по стаканчику») вина. Увы — все закрылось. Буфет, магазины, кафе — все.

Натыкаемся на светящуюся «стекляшку» — эта архитектурная новация в стране только входит в моду.

Сквозь прозрачные двери видно, что там идет своя жизнь, причем застольного характера. Мы машем руками, стараясь привлечь внимание. Один из грузин показывает жестом — закрыто. «Ребята, откройте, мы из Сибири!» Грузин, услышав, открывает дверь: «О, Сибирь! Я у вас был!» — «А где жил-то?» — «Зачем — жил? Я там немножко вот так... — Он складывает крест-накрест растопыренные пальцы обеих рук, показывая решетку. — Ничего, нормально. У вас тоже можно жить. Только в Сибири совсем не умеют... — он замялся, подыскивая слова, — правильно кушать!»

А потом мы с грузинами долго и правильно кушали. И пили тоже.

Последнее дополнение — лишнее, потому что в Грузии эти процессы взаимосвязаны.

Вас беспокоят из параллельного мира

Удивительная эта история до сих пор не дает мне покоя. Думаю — и не могу придумать сколь-нибудь удовлетворительного объяснения произошедшему со мной однажды.

Прекрасный солнечный день на излете лета — 17 августа 1991 года. Привожу столь точную дату вместо обычного «где-то в середине августа», потому что хронология здесь имеет принципиальное значение.

В этот день в 11.05 мы выехали из села Чистоозерное, районного центра Новосибирской области, в сторону Здвинска. Конечной целью путешествия было озеро Чаны. В ухоженном райкомовском газике нас пятеро — водитель, оператор Владимир Лапин, администратор Геннадий Бутров, я в качестве режиссера и первый секретарь райкома партии Василий Иванович Карпенко.

Высокое по районным меркам положение не мешало Василию Ивановичу оставаться человеком контактным, добрейшим и вполне демократичным — в ту пору это слово еще не приобрело иронично-негативного оттенка. Ехали мы на Чаны, чтобы продолжить съемку фильма о проблемах этого крупнейшего озера Западной Сибири.

Основная часть фильма была уже снята, оставались мелочи — пейзажи, восходы-закаты и все такое прочее.

Проехали Здвинск, накатанная грунтовая дорога вела в сторону Чанов.

Жить нам, по словам Василия Ивановича, предстояло на некой охотничье-рыболовной базе. Миновали какую-то деревеньку, потом дорогу преградил шлагбаум. Из стоящей поблизости избушки вышел мужик. Разглядев номер машины, поднял жердь с привязанной на конце тракторной железякой, приветливо, как со своим человеком, поздоровался с Карпенко, и через пару километров впереди показалась водная гладь, отороченная густыми камышовыми зарослями, — озеро Чаны.

База представляла собой три снятых с колес вагона, притащенных сюда, за сотню километров от железной дороги, тракторами.

Нас уже ждали — Карпенко созвонился с коллегой из Здвинского района и тот заранее подъехал вместе с главным рыбинспектором. Было наварено ведро ухи. Рыбу — крупные куски жирных осенних сазанов и судаков — выложили на металлический поднос, юшку с янтарными разводами разлили по тарелкам. Протрясшись в дороге, мы набросились на это великолепие. Стоит ли говорить, что и выпито было предостаточно, однако все были в форме — под такую закуску на свежем воздухе водка решительно «не брала».

Разговоры велись вокруг проблем Чанов. Для местных жителей обмеление озера грозило множеством крупных неприятностей — люди теряли работу, лишались источников пропитания. Рыбинспектор посетовал на браконьеров, покупающих на нетрудовые доходы мощные японские подвесные моторы, за которыми на тихоходных государственных катерах не угнаться. О политике никто не говорил, как-то не вышли на эту тему, хотя вольнодумства в народе уже было достаточно.

Мужики засобирались, начали прощаться. «Когда, значит, за вами машину прислать?» — спросил Карпенко. «Не раньше чем через неделю!» — с жаром ответил я. «Ну смотрите. Телевизора здесь нет, газет и радио нет — выживете?» — «Нам все это в городе надоело». — «Чтоб разговоров потом не было — вас, мол, здесь кинули». — «Не будет! Разве что государственный переворот случится — тогда вывозите». Хохотнули. С равным успехом я мог сказать «если

на землю упадет комета» или «если из озера вылезет доисторическое чудовище, чтобы сожрать нас». Все эти события по степени вероятности были сопоставлены с государственным переворотом. Но сказал я так, как сказал.

Хозяева отбыли, и мы остались на базе одни. Утром — 18 августа — разогрели и доели остатки настоявшейся ухи, дали кружок по озеру на лодке, сняли несколько планов — словом, все как планировали.

Следующий день — 19 августа — также не принес ничего неожиданного, во всяком случае до полудня.

Часа два потратили на съемку уток, стремительно проносящихся над озером и с бульканьем приземляющихся на плесе за камышами. Володя был недоволен — крупных планов снять не удалось, кадры были слишком общими. Решили на следующий день смастерить в камышах скрадок, поставить на воду резиновые утиные чучела, найденные в кладовке при вагоне — может, удастся приманить птиц, как делают охотники. У нас ведь тоже охота — кинематографическая.

Сели обедать. Как только я поставил на стол кастрюлю с картошкой, произошло непредвиденное.

А именно — в шум камышей, к которому мы уже привыкли, вплелся новый звук. У вагона затормозил райкомовский газик. Вылезая из кабины, шофер нахмурился и сказал: «Эта... собирайтесь». — «Как, куда? День всего прошел! Мы же договаривались! Это ошибка, мы и не сняли еще ничего». — «Я человек маленький. Мне Карпенко сказал — вас привезти, я приехал. А дальше вы с Василием Ивановичем сами договаривайте...» — «Нет, — решительно возразил я, — мы никуда не поедем. Чего ради? Нам снимать надо. Так Василию Ивановичу и скажите. Я ему записку напишу». — «А вы что, ничего не знаете?» — «А что мы должны знать?»

Вместо ответа водитель открыл дверцу машины и включил приемник.

Несколько секунд звучала классическая музыка, потом мы услышали чеканный голос: «Постановление номер два Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР. В связи с введением с 19 августа 1991 года в Москве и на некоторых других территориях Союза Советских Социалистических Республик чрезвычайного положения...» — «Что случилось?» — «Что слышите, — меланхолично откликнулся райкомовский шофер, — сейчас еще скажут. Все утро одно и то же...»

Жесткий голос в приемнике вбивал как гвозди: «ГКЧП... ГКЧП... в целях защиты жизненно важных интересов народов и граждан Союза ССР... преодоления тяжелейшего кризиса, недопущения хаоса, анархии и братоубийственной гражданской войны... ГКЧП...»

Мы ничего не поняли, кроме того, что ехать действительно надо, и с тяжелым сердцем начали собираться. По дороге слушали приемник — вдруг что-то объяснят? Где Горбачёв, почему его фамилия не звучит вообще, с кем он, да и жив ли? Но главное — как будем жить сами? Война? С кем? Сын студент, наверняка объявят мобилизацию.

«ГКЧП... ГКЧП...»

К вечеру приехали в Чистоозерное. «Вас куда, — поинтересовался водитель, — в гостиницу или в райком?» — «В райком».

В пустом здании горели три окна секретарского кабинета на втором этаже. За столом сидел Василий Иванович Карпенко. Поза его свидетельствовала о крайней задумчивости — сцепленные пальцы рук, опущенные глаза.

При нашем появлении он поднял голову. «Василий Иванович...» — начал я. Он перебил: «Вы знали?» — «Что я знал?» — «Два дня назад вы просили прислать машину, когда начнется государственный переворот...»

И только в эту минуту я вспомнил фразу, сказанную при расставании на Чанах. Я действительно сказал такое!

«Да, но это же шутка была! Сами подумайте...» — Я начал заикаться. «Шутка... Такими вещами с такой точностью не шутят. Знали, знали».

Кровь бросилась мне в голову — я почувствовал себя человеком, осведомленным о тайных планах заговорщиков и заброшенным резидентом в сибирскую глубинку... Вот только с какой целью? Захватить власть? Вербовать сторонников?

По-моему, Василий Иванович так и не поверил моим сбивчивым объяснениям — ляпнул, мол, черт за язык дернул. На его месте я бы тоже не поверил.

На следующий день приехали в Новосибирск. В студии уже прошло общее собрание коллектива, на котором коллеги единодушно осудили хунту, пытавшуюся устроить переворот. Впрочем, не совсем единодушно — один оператор воздержался.

Когда все утряслось, он сначала напугался, что его будут третировать за сочувствие к заговорщикам, а позднее, когда страна полетела в тартарары, начал гордиться своей прозорливостью и смелостью.

...Девятого сентября 2001 года мне приснился сон. В каком-то городе рушатся дома, пожар, люди кричат, я бегу вместе со всеми. А через два дня рухнули башни-близнецы в Нью-Йорке. Может, правда существует параллельный мир, с которым мы иногда соприкасаемся?

Что такое подхоз?

Было в нашей стране время, когда ощущалась острая напряженность с удовольствием. Металл варить мы умели, прокладывать стальные рельсы через тайгу тоже неплохо получалось, а вот выращивать скотину, ловить рыбу и все такое прочее не получалось. В масштабах страны, имеется в виду.

Рабочие у станков, шахтеры в шахтах начали роптать. Тихо, но роптать. И тогда кому-то в правительстве пришла в голову очередная мудрая мысль. А что если этих самых рабочих, шахтеров, металлургов заставить кормить себя самим?

Вышло постановление о создании в стране широкой сети подсобных хозяйств. В отличие от колхозов и совхозов их называли подхозами.

Особенно хорошо дела шли у лесников, работников лесной отрасли. Для них это дело все-таки близкое.

Студия получила заказ. Фильм должен быть полнометражным, цветным, с широкой географией — от Хакасии до Мурманской области. Снимать надо было всюду, где есть передовой опыт. В Госкино, оттуда пришел заказ, намекнули, что смотреть будут на самом высоком уровне.

Один из «центров передового опыта», как тогда говорили, находился в Череповце Вологодской области. Руководитель лесного хозяйства был крепкий мужик, Герой Социалистического Труда. К нему мы и пришли, зная, что первоначальный импульс должен идти с самого верха. Тогда низы шевелятся активней.

Герой хмуро выслушал нас, помолчал, перебирая бумажки на столе.

— Ответственный заказ, смотреть будут в верхах, нам говорили, что у вас тут свинарники замечательные...

И тут его, что называется, прорвало:

— То, что вы славить приехали, — безобразие государственного масштаба! Я умею что? Лес валить! Меня этому учили, я научился, видно, неплохо, если звезду дали. Мне теперь говорят — лес вали, но и корми себя сам. Свиной

выращивай. Я не умею свиней выращивать, это совсем другое дело! Бардак в стране — вот о чем кино надо снимать, а то молчим, понимаешь, со всем соглашаемся.

Я выслушал эту речь и сказал:

— Хорошо. Не будем молчать. Вот вы все это нам и повторите перед камерой.

— И скажу! — откликнулся собеседник, но как-то уже без былой горячности.

Выехали за город, в подхоз, выбрали точку съемки, чтобы фоном был знаменитый свинарник. Герой вышел из «Волги», встал, куда мы ему сказали, поправил звездочку на груди, спросил:

— Можно?

— Можно.

— Правильно решила наша партия и правительство — незачем армии трудоспособных людей сидеть на шее государства! Конечно, меня не учили выращивать свиней, но если понадобилось...

И так же гладко изложил все преимущества подсобных хозяйств — «теперь на столах наших лесников всегда есть свежее полезное мясо, что позволяет с удвоенной энергией...» И все такое прочее.

Говорил он горячо и убежденно.

Это мы тогда умели делать здорово — менять убеждения в зависимости от конкретной ситуации.

Директива

Ровный электронный шум, завораживающее мигание красных и зеленых индикаторных лампочек, экраны дисплеев, на которых изображено нечто недоступное пониманию обычных людей, но являющееся азбукой для избранных. БЭСМ, быстродействующая электронно-счетная машина, занимающая целый этаж, — то, что впоследствии превратится в персональный компьютер и уместится на столе. Мы снимаем в ВЦ — Вычислительном центре Сибирского отделения.

— Обязательно снимите общение с машиной в режиме прямого диалога, — предлагает ученый секретарь.

И коротко объясняет, почему это надо сделать. Раньше машина понимала команды, вводимые только в виде двоичного кода, единичек и нулей. Их набивали на перфоленте и отправляли в загадочное чрево электронного устройства. Но теперь машине можно давать задания непосредственно с клавиатуры. Называются такие задания директивами и даются они, конечно, на особом машинном языке. Тем не менее это огромный прогресс, открывающий захватывающие перспективы. Когда-нибудь, говорит ученый секретарь, машина научится понимать обычный человеческий язык, возможно даже голос. И тогда с ней можно будет поболтать.

— А если машина вашу директиву не понимает — ругается? — спрашиваю я.

Наш собеседник стучит по клавиатуре. Заправленный в машину рулон бумаги мгновенно приходит в движение — на нем ответ.

— Читайте!

Читаю:

— Вопрос: «Верна ли директива XXIV съезда КПСС?» Ответ: «Директива неверна».

Ученый секретарь наслаждается эффектом.

- Стандартный ответ машины в таких случаях, для нее же это абракадабра!
- Сувенир! Можно взять?
- Берите конечно!

Академгородок тогда, в начале семидесятых, еще оставался островком фронды и свободомыслия в стране.

Это, правда, продолжалось недолго.

Как не стать миллионером

Раз в жизни у меня был шанс стать состоятельным человеком. Я этим шансом не воспользовался.

Вот как это было.

Осенью 1986 года мы снимали в Чернобыле. Ликвидация аварии завершилась, до окончания возведения саркофага — железобетонного укрытия над четвертым блоком АЭС — оставалось немногим более месяца.

И тут я получил телеграмму. В ней сообщалось, что мне надлежит срочно прибыть в столицу, так как через два дня в Испанию отправляется делегация кинематографистов, в которой числился и я. Об этой поездке было известно заранее, не знал только срока. Я срочно выехал в Киев, благо сделать это было нетрудно — в нашем распоряжении находилась машина. В киевском аэропорту «Борисполь» сел на ближайший самолет в Москву — помогли чернобыльские справки, с ними считались. Утром на следующий день пошел в знакомое здание на Васильевской — наш Союз, получил документы. А еще через несколько часов приземлился в Мадриде, в аэропорту «Барахас».

Скажу честно, перенестись из суровой и опасной обстановки эпицентра атомной катастрофы в беззаботную праздничность европейской столицы —

Чернобыль. Осень 1986 г.

Съемочная группа Валерия Новикова в Чернобыле. 1986 г.

само по себе ощущение не из слабых. Однако не шедшее в сравнение с потрясением, которое я испытал, распаковав в гостинице дорожную сумку.

Как выяснилось, в спешке сборов я перепутал пакеты и выложил у приятеля тот, в котором находились разного рода мелочи вроде мыла, зубной щетки, бритвы и прочее. Но не в их отсутствии было дело.

Из сумки в гостинице «Карлтон» я извлек пакет с тремя десятками фотопленок, снятых в Чернобыле за последний месяц, — тот пакет, который я собирался оставить в Москве. Меня прошиб холодный пот, на что была серьезная причина. Требующая, правда, пояснений.

Шел 86-й, напоминая, год. Слова «перестройка» и «гласность» мы только учились выговаривать. Это потом будем недоумевать — то, о чем знает весь мир, у нас окружено завесой строжайшей секретности. В Чернобыле не было ни одного иностранного корреспондента, хотя они рвались туда. Информация, попадавшая на экран Центрального телевидения, равно как и в газеты, просеивалась сквозь мелкое сито цензуры. Рядом с развалом упал военный вертолет, зацепившись за трос крана (мы сняли это), — в прессе молчание. Когда группа появилась в Зоне, от нас потребовали... сценарий. С трудом удалось убедить, что в документальном кино это невозможно. «Ладно, снимайте, — махнул рукой начальник политотдела Управления строительства, — потом чтобы все до кадра показали кому надо. Мы сами решим, что можно, что нельзя тащить на экран».

А я, получается, вывез за границу секретнейшие материалы!

К примеру — снимки западногерманских кранов «Демаг», без которых вряд ли было возможно сооружение саркофага. Увидев, что мы снимаем работу этих уникальных механизмов, к нам подошел невысокий сухощавый человек, одетый, как и все здесь, в черную хлопчатобумажную робу:

— Да, ребята, за эти кадры вам огромные бы деньги фирма отвалила! За рекламу. Они просили пустить их поснимать, но мы не разрешили — начнут болтать, что мы без импортной техники не справимся с аварией.

Сказал это Геннадий Георгиевич Ведерников, заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель правительственной комиссии.

Я не побежал искать испанское представительство фирмы «Демаг». Не пошел и в редакцию газеты «El Pais», которая явно не отказалась бы вставить фитиль всем мировым изданиям.

Вместо этого перевязал пакет с фотопленками веревочкой и спрятал на дно сумки, прикрыв запасной рубашкой. Так и ездил двенадцать дней по солнечной стране, щелкая направо и налево своим стареньким «ФЭДом», у которого за падала кнопка и не всегда срабатывал затвор.

Тем самым «ФЭДом», которым снимал в Чернобыле уникальные кадры, за которые...

В общем, вы всё поняли.

Орденосец Лебедев

Где-то в шестидесятых работал на студии режиссер Николай Иванович Лебедев — Лебедок, как звали его за глаза.

Был он чрезвычайно худ, отличался повышенной нервностью, возможно от злоупотребления горячительными напитками. Особо уважал «бормотушку» — дешевое плодово-ягодное вино, которое в народе называли «плодово-выгодным». Считал себя его ценителем и знатоком. «Налейте мне стакан, — говорил Николай Иванович, — и я с закрытыми глазами отличу “Яблочное” Тогучинского райпищекомбината от “Яблочного” мочищенского разлива. Букет, понимаешь, у мочищенского не тот».

Проводили эксперимент, наливали — отличал, действительно.

Снимал Лебедев только заказные технико-пропагандистские фильмы. На любые темы — от прогрессивных методов выращивания свиней до техники безопасности в угольной промышленности. Получал за них не только деньги, но и награды.

Дело в том, что на ВДНХ в те годы шел постоянно действующий конкурс подобных картин, и многие киноработы такого жанра удостаивались медалей главной выставки страны — золотых, серебряных, бронзовых. По внешнему виду, особенно издавека, эти медали здорово смахивали на знак лауреата Ленинской премии — такой же кругляшок на такой же колодке, может только чуть поменьше диаметром. Изображение на них было, конечно, другим, да кто же разглядит сразу?

У Лебедева таких медалей было целых пять штук. Он драил их специальным порошком для солдатских блях, купленным в Военторге, и ходил, надев на пиджак. Для тех, кто видел его впервые, эффект был убойным! Кстати, эти медали однажды сослужили Лебедку хорошую службу.

Случилось так, что он остался без квартиры. Поменяв квартиру, уехал в Казань к дочери, там не пожилось, вернулся в Новосибирск уже бездомным. И тогда, особо усердно начистив свои награды, пошел на прием в горисполком. Там, рванув на себе рубашку, произнес: «Неужели человек, которого столь высоко отметило родное государство, будет жить по чужим углам?» Чиновник, ведавший распределением жилья, замороженный сиянием наград, струхнул и тут же подписал ордер на трехкомнатную квартиру.

И еще Лебедев запомнился исторической фразой: «Советский режиссер не может жить на 2 рубля 60 копеек в день!» Это была суточная сумма командировочных расходов. Хотя на самом деле жить на такие деньги было можно, так как

пол-литровая бутылка любимого Лебедком «Яблочного» стоила в ту пору один рубль десять копеек, а плавленый сырок — одиннадцать копеек.

Кстати, то и другое вполне приличного качества.

А это верная примета...

Был в нашей истории печальный период, когда один за другим с интервалом в год начали умирать правители — Брежнев, сменивший его Андропов, потом старый и больной Черненко. Страна узнавала о том, что ушел очередной кремлевский старец, глядя в телевизор. Причем не из собственно сообщений, а по самым что ни на есть верным приметам.

Вдруг отменялись развлекательные передачи — впрочем, и другие тоже, на экране появлялись Одетта, Одиллия и маленькие лебеди. Худо дело, смекал народ, особо, правда, не расстраиваясь — курс-то при любом кормчем оставался прежним. Как и цель, о чем извещали многометровые плакаты.

Потом, обычно в середине дня, на экране появлялось расстроенное лицо диктора: «...с глубоким прискорбием извещает...»

Все так. Но кроме «Лебединого озера» в этот день эфир заполнялся... вспоминайте, вспоминайте... Правильно — документальными фильмами о природе, с птичками и зверушками на фоне красивых пейзажей. Причем не какой-нибудь африканской саванны или дебрей Амазонки, а наших, родных, российских.

В это время я как раз и снимал такие картины для Центрального телевидения. Заказом их в «Останкино» ведал отдел, называвшийся ГУВСом — Главным управлением внешних сношений. Фильмы, как легко вычислить из названия организации, предназначались в первую очередь для показа на зарубежных телеканалах. Но охотно демонстрировало такие картины и отечественное телевидение.

Однажды утром, помнится, в выходной день, я щелкнул кнопкой — должен был идти какой-то отмеченный мной в программке художественный фильм. Экран засветился... Что это? Телецкое озеро, катер «Биосфера», капитан Толя Пащеленко... Это же «Алтайский заповедник от весны до весны» — моя картина! Причем показывает не местное телевидение, а Москва. Идут конечные титры.

Новый фильм — и снова мой — «Рассказы о тундре»! После него показали какую-то небольшую картину об Оке — не мою, а дальше — хотите верьте, хотите нет — снова мою! «Берег двух океанов», о Кольме и Чутокте!

Напоминаю — не по программе! Потом был диктор: «...с глубоким прискорбием извещает...»

На этом история не заканчивается. Через пару дней я получил письмо из Москвы от своего сокурсника по ВГИКу сценариста Юры Родина. Оно сохранилось у меня в архиве, так что цитирую: «Только что посмотрел по телевизору три твоих картины, которых не было в программе! Никакого сообщения еще нет, но я думаю, вот-вот скажут. Что именно — сам догадываешься. Сейчас на часах 12 часов 17 минут, иду на почту отправить это письмецо — посмотрим, угадал я или нет. Уверен, такое количество твоих фильмов — подряд! внепланово! — примета верная!»

Сегодня нас балуют в основном картинами о сельве, саванне, джунглях Амазонки. Как будто у нас уже и снимать нечего. Может, снимают все же, но из суеверия показывать бояться?

Молчу, молчу, я ничего такого в виду не имел.

Валерий Новиков,
Василий Шукшин.
1971 г.

Чудик

Отношение сельских жителей (так, кстати, назывался первый сборник рассказов Шукшина) к своему знаменитому земляку было, как бы это сказать помягче... разным.

На деревенской улочке к нам подошел мужик в кепке, заломленной по здешней моде на затылок, — типичный чудик из шукшинского рассказа.

— Про Ваську съмаете? Ну-ну.

— А вы что — знали его?

— Хм, знал... Кореша мы, по девкам вместе бегали. Книжки-то Васькины читали? Он описывает, как на нас один папахен собак спустил. Васька-то убежал, а у меня клок из задницы кобелюка выдрал. Вы почитайте, почитайте. Половину того, что написано, я ему рассказывал. Мог и сам, конечно, написать...

— А чего ж не написал?

— А когда мне писаниной-то заниматься? Отцу-матери помогать, сено косить. Дрова на зиму готовить. А Васька лентяй был, ниче не делал по хозяйству, рассказы свои строчил — ну, с моих слов. Он и сам теперь, когда приезжает, говорит: «Спасибо тебе, Михаил (Михаил — это я), спасибо! Я, говорит, много у тебя почерпнул». А почему всё? Лентяй потому что. А вы кина про него съмаете. Ну-ну, давайте, — разрешил он.

И дальше пошел. Мужичок был в легком подпитии по случаю выходного дня. Или, может, по какому еще.

Банька

— Мария Сергеевна, можете показать в Сростках дом, где вы Васю своего родили? — Этот вопрос задаю я матери Шукшина, Марии Сергеевне Куксиной.

— Да какой там дом! Мы же тогда бедной были, не дай бог. В избе не повернуться. Скотина тут же. Время рожать пришло, я к богатому мужику попросилась. В баню. В баньке и родила. Ее уж нет давно, и место не упомяну.

Факт не столь, может, и значительный, но все равно интересный. Я нигде не встречал. Ни в одной книге о Шукшине, ни у него самого.

Хотя о баньке он писал не однажды. Причем с большим чувством.

Сапоги

Матери Шукшина не понравился памятник сыну, установленный у входа в музей. Бронзовую фигуру в полный рост делали и отливали в Москве, в Сростки привезли уже готовую. Шукшин в соответствии с расхожим представлением был изображен в простецкой рубахе и сапогах.

— Вы Васю железного не снимайте, — попросила она. — Не Вася это. Что же они его в сапогах-то сделали? У него же, ботинок не было?

Время летних отпусков

Случайно попал на семинар пропагандистов в Дом политпросвещения. Случайно — потому что я никакой не пропагандист, более того — вообще человек беспартийный. Просто позвонили на студию из обкома, велели быть, а вышло так, что из коммунистов в этот момент никого на месте не оказалось. Не говоря о том, что на студии их вообще «полторы калеки».

Семинар важный, ведет лектор ЦК. Сижу, слушаю про успехи страны на всех фронтах, особенно — на международной арене. А все потому, что страной, к счастью, руководит дорогой Леонид Ильич.

Потом начинается самое интересное — записки из зала. Некоторые ответы на уровне эквилибристики. «Недавно Брежнев в Крыму принимал руководителей братских коммунистических партий. Почему не приехал Чаушеску? Люди нас спрашивают, что отвечать?»

Подтекст вопроса всем понятен. В это время — случай невиданный! — Румыния начинает выпрыгаться из общей социалистической телеги, которую все остальные дружно тянут в светлое коммунистическое будущее.

«Ну, это просто, товарищи. Отвечайте так. Леонид Ильич в Крыму на отдыхе, в отпуске. Встречи носят неформальный, дружеский характер. Руководители братских партий приезжают к нему также в свои отпуска. А товарищ Чаушеску использовал отпуск раньше, и теперь у него нет такой возможности. Видите, как все просто».

Улыбается московский лектор, добродушные понимающие смешки в зале. Что-что, а крутиться в те годы мы умели...

«С Брежневым говорить будете...»

Приезжаю домой после длительной командировки. Узнаю семейные новости, рассказываю сам. Беру телефон, чтобы позвонить друзьям, замечаю — корпус аппарата основательно разбит. Что случилось? Жена рассказывает историю. Звонок глубокой ночью — в три часа. Это всегда тревожно. Жена в темноте хватается за телефон, снимает трубку. Женский голос: «Это такой-то телефон?» — «Да». — «Не кладите трубочку, с Брежневым говорить будете». Телефон летит на пол.

Теперь пояснения, если кто не понял. Буквально через месяц после кончины Леонида Ильича город с прекрасным названием Набережные Челны переименовали — в Брежнев. Там я и находился на съемках. Телефонная связь очень плохая — на почте меня предупредили, что с Новосибирском соединят только ночью. Выбора не было.

«С Брежневым говорить будете...»

Остальное вы знаете.

(Окончание следует.)

Светлана ГОЛИКОВА

СИБИРСКИЕ ОСТРОГИ В ГРАВЮРАХ БОРИСА ЛЕБЕДИНСКОГО

Магистральный путь развития сибирского искусства первых десятилетий XX в. — поиск его регионального своеобразия — привел к становлению особого типа художника-исследователя, сочетающего творческую деятельность с активным и пристальным изучением далекого прошлого края. Ярким примером этому служит профессиональная биография известного иркутского графика и живописца Бориса Ивановича Лебединского (1891—1972).

Б. И. Лебединский родился в Луге и получил образование в Центральном училище технического рисования барона Штиглица (1910—1911) и в Рисовальной школе Общества поощрения художеств в Петербурге (1911—1916), где его педагогами были А. А. Рылов, И. Я. Билибин и Н. К. Рерих. За успехи, достигнутые в рисунке и офорте, начинающему художнику была предоставлена возможность заниматься в мастерской выдающегося гравера В. В. Матэ. В 1916 г. Лебединский совершил поездку по Прибайкалью, и это путешествие определило направление его самостоятельной творческой жизни. В 1917 г. Борис Иванович переехал в Иркутск. Там в 1920-х гг. сложился узнаваемый индивидуальный стиль его произведений, соединивший воспринятую им петербургскую графическую школу с темами, под сказанными новыми сибирскими впечатлениями.

Поселившись в Иркутске, Б. И. Лебединский увлеченно и деятельно вклю-

чился в исследовательскую работу, посвященную истории города и старинной сибирской архитектуре. Он вошел в состав Восточно-Сибирского отделения Российского географического общества, Комитета Севера и Комиссии по охране и регистрации памятников искусства и старины; готовил материалы для Сибирской советской энциклопедии; участвовал в археологических раскопках на месте Иркутской крепости; изучал уцелевшие постройки Илимского и Братского острогов. Графические произведения, созданные художником в результате этих исторических изысканий, стали выражением его просветительских устремлений, его настойчивого побуждения оставить в памяти утраченное прошлое и уберечь от разрушения сохранившиеся свидетельства старины.

Выступая на Всесибирском съезде художников, состоявшемся в Новосибирске в январе 1927 г., Лебединский с горечью делился своими наблюдениями о сохранности образцов острожного зодчества: «Проезжал я город Илимск... видел илимские башни, сделал офорт. Эта башня в таком состоянии: низ ее — хлев, где сваливают всякую рухлядь, верх исписан заборной литературой карандашом, мелом и даже вырублено топором; башня усиленно растаскивается на дрова». Офорт, упомянутый здесь художником, запечатлел Спасскую башню Илимского острога, сооруженную в 1667 г., в окружении жилых построек и далекого горного пейзажа, представляя этот архи-

тектурный памятник в естественной среде его бытования, ныне не существующей. Впоследствии территория Илимского острога была затоплена при возведении Ангарского каскада ГЭС, а Спасская башня перевезена в Иркутский архитектурно-этнографический музей «Тальцы».

В 1929 г. Б. И. Лебединский стал автором альбома «Иркутский острог», изданного секцией школьного и общего краеведения ВСОРГО и посвященного еще одному значительному архитектурному ансамблю, не дошедшему до XX в.: почти все его сооружения были разобраны на рубеже XVIII—XIX столетий. Альбом состоит из нескольких литографий и линогравюр с видами древних крепостных башен и с изображениями деревянной застройки старого города. Эти оттиски сопровождаются пространственным историческим очерком, в котором художник излагает обстоятельства основания Иркутской крепости, приводит подробные архивные описания ее сооружений, неоднократно перестраивавшихся на протяжении XVII и XVIII вв., рассказывает о постепенном возникновении города вокруг острога. Произведения, исполненные Лебединским для этого издания, отличаются своеобразным соединением педантичной суховатости деталей и эмоциональной насыщенности целого. Способные дать документально точное представление о формах стен, глухих и надвратных башен, типичных для сибирского острожного зодчества, они в то же время обладают глубокой художественной выразительностью.

Одноименная альбому большая вкладная линогравюра с видом острога, открывающимся с Ангары, может быть отнесена к числу программных работ в наследии Б. И. Лебединского. В ней создан обобщенный образ сибирского исторического пейзажа, вбирающий в себя темы бурного движения и величавого покоя, борения и торжества. Форма оттиска, подчеркнута вытянутая по гори-

зонтали, позволяет художнику показать панораму могучей крепости, выросшей вдоль речного берега. Статичность, воплощенная во фронтальном положении острога, в протяженности его крепких стен, в мерном, уравновешенном ритме его башен, контрастирует с энергичным движением, выраженным в стремительном течении Ангары, в раздутых парусах летящих по волнам ладей, в очертаниях плотных кучевых облаков. Звучные пятна белого цвета в изображении острожных каменных палат, корабельных парусов, гребней волн усиливают впечатление приподнятой, драматической экспрессии этого пейзажа.

Лист «Сергиевская башня» изображает центральную проезжую башню Иркутской крепости, которая в начале XVIII в. служила колокольней Спасской церкви, расположенной на территории острога. Низкая точка зрения подчеркивает здесь величественные размеры строения, увенчанного шатром и шпилем с фигурой двуглавого орла, дает возможность оценить красоту его пропорций. Взгляд с большой высоты, избранный художником для литографии «Глухая башня», позволяет увидеть острог в широком, гармоничном пейзажном пространстве. Композиция «Улицы старого Иркутска» с острожными башнями на дальнем плане непосредственно вовлекает зрителя в мир старинного сибирского города. Прекрасный знаток традиционной деревянной архитектуры, Лебединский останавливает внимание на ее примечательных подробностях: слюдяном оконце в бревенчатой стене дома, резном украшении ворот, вышке над ними.

Произведения Б. И. Лебединского, основанные на творческом методе художественно-исторической реконструкции прошлого и посвященные сюжетам освоения края в XVII—XVIII вв. и истории сибирской городской архитектуры, отражают одну из существенных линий в развитии искусства Сибири 1920-х гг.

АВТОРЫ НОМЕРА

Голикова Светлана Павловна — заместитель директора по научной работе Новосибирского государственного художественного музея.

Ерошин Алексей родился в с. Ленинское Новосибирской области в 1972 г. Окончил Тогучинский лесохозяйственный техникум, отделение киновидеотворчества в Новосибирском областном колледже культуры и искусств по специальности «режиссура». Работал помощником лесничего, видеооператором, сторожем, столяром. В настоящее время — художник-дизайнер. Живет в Новосибирске.

Колчин Денис родился в 1984 г. в Свердловске. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Урал», «Новая Юность», «День и ночь», «Знамя», «Звезда», «Октябрь» и др. Автор аналитических статей по теме северокавказских войн. Живет в Екатеринбурге.

Мардань Александр Евгеньевич родился во Владивостоке. Окончил Одесский институт инженеров морского флота, работал в системе Минфлота СССР. Член Национального Союза писателей Украины, автор более двадцати пьес и сценариев. Публиковался в жур-

налах «Театр», «Современная драматургия», «Крещатик». Живет в Одессе.

Маркович Яков Семёнович родился в Баку в 1941 г. Окончил Московский государственный университет, защитил кандидатскую диссертацию в ИМЛИ. Публиковался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Литературная учеба» и др. Член СРП. Живет в Москве.

Новиков Валерий Германович родился в 1938 г. Окончил геолого-географический факультет Томского государственного университета и сценарный факультет ВГИКа. Сценарист и режиссер документального кино. Автор более 50 фильмов, в том числе посвященных чернобыльской катастрофе («Чернобыль, осень 1986», «Чернобыльская богоматерь», «Зона полугласности»). За участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС награжден орденом Мужества. Автор книг «Дорога без дорог», «Черно-белый Чернобыль». Живет в Новосибирске.

Райц Дмитрий Владимирович родился в 1990 г. в Новосибирске. Окончил Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики. Рассказы публиковались в «Сибирских огнях», «Литературной газете». Живет в Новосибирске, работает инженером.

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

Верстка: *О. Н. Вялкова*

Корректурa: *М. Н. Долгов*

630048, г. Новосибирск, ул. Вертковская, 10, оф. 315,

тел.: (383) 344-92-94

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Сдано в набор 21.12.2015 г. Подписано в печать 19.01.2016 г.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7.

Тираж 1500 экз.

<http://книгосибирск.рф>

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.